Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.И.ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л.Н.ВЕРЧЁНОВ
кандидат философских наук

В.И.ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного
редактора

Л.П.ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е.Б.КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А.Д.НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б.С.ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т.Г.ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю.С.ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л.В.СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б.А.ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л.Н.ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В.М.ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А.А.ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И.Л.БЕЛЕНЬКИЙ

Литературный редактор
Д.А.СЕМЁНОВА

Художник обложки
Г.И.КОЗУБОВ

ISSN 1726-5223

РОССИЙСКАЯ · АКАДЕМИЯ · НАУК
RUSSIAN · ACADEMY · OF · SCIENCES
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ и современный МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(61)

В НОМЕРЕ:

In This Issue:

Россия при Путине: Эпоха и ее оценки
Russia under Putin: The Epoch and Its Appraisals

Японцы о постсоветской России
The Japanese Views of Post-Soviet Russia

Снова о пенсионной реформе
Again on the Pension Reform

Власть и церковь в советской и постсоветской России
The Authorities and the Church in Soviet and Post-Soviet Russia

Россия и геополитика на Дальнем Востоке
Russia and Geopolitics in the Far East

МОСКВА
2008

© ИНИОН РАН

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Ю.И. Игрицкий
«Путинская Россия»: Пора подвести баланс? **5**

Yu.I. Igritsky
«Putin's Russia»: Time to Draw Some Balance?

М.Н. Корнилов
Системная трансформация в России конца XX – начала XXI в. в оценках японских исследователей **30**

M.N. Kornilov
The System Transformation in Russia in the End of the 20th Century and the Beginning of the 21st Century as Appraised by Japanese Researchers

Пенсионная реформа, пенсия, достойная жизнь («Круглый стол» в Институте экономики РАН) **48**

The Pension Reform, the Pension and the Life Worth Living (a roundtable at the Institute of Economy, The Russian Academy of Sciences)

Н.И. Комков, М.А. Шамин, А.Ю. Шатраков, Ю.Г. Шатраков, Е.В. Юрченко
Технологические основы российской экономики **72**

N.I. Komkov, M.A. Shamin, A.Yu. Shatrakov, Yu.G. Shatrakov, Ye.V. Yurchenko
The Technological Base of the Russian Economy

ЭХО РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

THE ECHO OF 1917 REVOLUTIONS

П.П. Марченя
Политические партии и массы в России 1917 года: Массовое сознание как фактор революции **82**

P.P. Marchenya
The Political Parties and the Masses in Russia, 1917: Mass Consciousness as a Factor of the Revolution

ВЛАСТИ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

THE AUTHORITIES, RELIGION AND THE CHURCH

А.В. Митрофанова
Россия как православное государство: Иллюзии и реальность **100**

A.V. Mitrofanova
Russia as an Orthodox State: Illusions and Reality

Н.Е. Емельянов, О.И. Хайлова
Гонения на Русскую православную церковь (1917–1950-е годы) **111**

N.Ye. Yemelyanov, O.I. Khailova
Repressions of the Russian Orthodox Church (1917–1950's)

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

В.Г. Ледяев
Городские политические режимы: Теория и опыт эмпиримческого исследования **129**

V.G. Ledyaev
Urban Political Regimes: Theories and Empirical Studies

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, АСЕАН, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

THE FAR EAST, ASEAN AND CENTRAL ASIA

М.Ю. Шинковский, А.Б. Волынчук
Геополитическое уравнение России на Дальнем Востоке: Каким быть решению? **144**

M.Yu. Shinkovsky, A.B. Volynchuk
Russia's Geopolitical Equation in the Far East: What Solution?

А.А. Абалкина
Россия и интеграционные процессы в Восточной Азии **161**

A.A. Abalkina
Russia and the Integrative Processes in East Asia

Т.В. Леженина
Россия – АСЕАН: Современный этап сотрудничества **173**

T.V. Lezhenina
Russia – ASEAN: The Current Stage of Cooperation

З.А. Дадабаева
Россия и проблемы безопасности в Центральной Азии **183**

Z.A. Dadabaeva
Russia and the Problems of Security in Central Asia

Р.А. Гумеров
Геоэкономические интересы России в Центральной Азии **194**

R.A. Gumerov
Russian Geoeconomic Interest in Central Asia

А.Д. Цыганок
Россия и проблемы безопасности азиатских стран СНГ **202**

A.D. Tsyganok
Russia and the Problems of Security of the Asian States in the CIS

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

С.В. Беспалов
Реформа 1861 г. и ее место в политических дебатах конца XIX – начала XX в. **213**

Русская наука и культура на Балканах в межвоенный период **224**

Э.Н. Валеев
Гильдейское купечество. Гласные Вятского земства **233**

В.А. Росов
Иннокентий Серышев и проект «Новая Россия» **242**

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Каков истинный характер «цветных» революций? **248**

Тесслер М., Роббинс М.
Что побуждает простых арабов одобрять террористические акты против США **254**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2008 г. **257**

FACTS. EVENTS. PEOPLE

S.V. Bespalov
The 1861 Reform and Its Place in the Political Debates of the Late 19th Century – Early 20th Century **213**

Russian Science and Culture in the Balkans in the Interwar Period **224**

E.N. Valeev
Russian Guild Merchants: The Members of the Vyatka Zemstvo **233**

V.A. Rosov
Innokentij Seryshev and the «New Russia» Project **242**

SURVEYS. DIGESTS

The Nature of Colour Revolutions: What Is It Really? **248**

Tessler M., Robbins M.
What Leads Some Ordinary Arab Men and Women Approve of Terrorist cActs against the United States **254**

CONTENTS OF «RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD» FOR 2008 **257**

Редколлегия выражает признательность ОАО «Калужский мясокомбинат» за спонсорскую поддержку журнала «Россия и современный мир»

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ю.И. Игрицкий

«ПУТИНСКАЯ РОССИЯ»: ПОРА ПОДВЕСТИ БАЛАНС?*

Игрицкий Юрий Иванович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Восточной Европы ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Россия и современный мир».

Россия, конец 2008 года – начало 2009-го. Вхождение в XXI век прожито под знаком двух сроков президентства В.Путина и восьми месяцев (считая с инаугурации) президентства Дм. Медведева. Российское государство обрело стабильность власти, что доказано ее преемственностью и по существу безальтернативностью. Но последние месяцы верхи, низы и эксперты (эти гуру, не вписывающиеся ни в верхи, ни в низы) жили, живут ощущением все большего втягивания страны в глобальный финансово-экономический кризис. Будет ли повторение 1998 года, и если да, то что станется с нашей стабильностью? Поскольку эти строки пишутся задолго до выхода журнала в свет, читатель, возможно, уже получит ответы на эти вопросы, которые покажутся ему банально устаревшими. Впрочем, не из разряда ли вечных, повторяющихся подобные вопросы?

С точки зрения «вечности», однако, или, вернее, с точки зрения истории страны и мира (страны *в* мире), важнее получить взвешенную, не конъюнктурную оценку пути, пройденного Россией в XXI веке, и ее состояния на сегодняшний день. Пока это непросто, если не невозможно.

Есть две отправные точки для такой оценки. Первая – вооружиться теорией (теориями), разглядеть макротренды, просмотреть статистику, провести сравнительные пространственно-временные сравнения. Вторая – погрузиться в мир эмпирики, бытийственного переживания, личного и коллективного опыта. Мало того, что практика может не подтверждать теории в принципе; эмпирические и теоретические оценки, взятые по

* *Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-02020а.*

отдельности, никогда не бывают одинаковыми. Кто-то поставит России «четверку» в новом веке, кто-то «тройку», если не «двойку». И теоретически, и практически…

Приведу пример разительного несовпадения оценок ситуации под углом зрения мирового и российского опыта. Известный французский экономист Жак Сапир в статье «Россия после Путина. Экономические и социальные основы политической стабильности» (весна 2008 г.) усматривает важную зависимость между наличием у государства мощного бюрократического аппарата и эффективной экономической политикой – первое обеспечивает второе, о чем свидетельствует послевоенный опыт Франции, Италии, Японии, Южной Кореи, Аргентины. Текущая ситуация в России, по мнению Сапира, ближе к французской, итальянской и японской, что лестно. Часть российского государственного аппарата, пишет он, недальновидна, своекорыстна и коррумпирована, и это обусловило трудности для реализации четырех национальных проектов Путина; «однако зарегистрированные с конца 2006 г. показатели развития российской экономики свидетельствуют, что государственный аппарат сумел мобилизовать свои силы». И общая оценка: «Российская экономическая модель объединила в себе прагматизм и знание конкретного опыта» (32, с. 140–141).

Это не декларация «Единой России» или придворного экономиста, а мнение высококвалифицированного независимого зарубежного специалиста. Спросим себя: соответствует оно нашему мнению, выношенному из опыта российской повседневности? Так ли позитивно относится к государственной бюрократии большинство россиян?

76% россиян (причем 22% среди самих чиновников!) считают, что сегодня чиновники не столько помогают развитию общества, сколько тормозят его. Эту цифру назвал в ноябре 2005 г. директор Института социологии М.К. Горшков на презентации исследования «Бюрократы и власть в новой России», проведенного совместно с Фондом Фридриха Эберта (ФРГ) и охватившего 11 социальных групп (72). «Чиновников у нас не любят, прежде всего потому что считают, что они работают не на людей, а на себя», – подтвердил в апреле 2007 г. генеральный директор ВЦИОМ В.В. Федоров (71). 70% россиян считают, что отечественные чиновники и бизнесмены жадны и аморальны, пишет «Российская газета» в июне 2008 г. (10). Добавлю, что глава МВД России Р. Нургалиев, выступая по «Радио России» 24 сентября 2008 г. оценил ущерб от коррупции в стране в 20 млрд. долл., отметив, что лишь каждый десятый, уличенный в коррупции, попадает в тюрьму.

При столь ужасающих масштабах коррупции в России, становящейся национальным бедствием, благосостояние граждан понемногу росло, в социальных настроениях все меньше ощущалась апокалиптичность, а многие

эксперты смотрели в будущее со сдержанным оптимизмом. За рубежом нас ругьмя ругали за низкий уровень демократии и пренебрежение к правам человека, но проникались уважением к растущей энергетической мощи страны и увеличению ее золотовалютных запасов.

Необходимо подчеркнуть, что для Запада все компоненты анализа экономической, политической и социальной ситуации в России были и остаются тесно увязанными с его отношением к державе, которая на разных отрезках времени и в разных кругах воспринималась и как партнер Запада, и как колосс с непредсказуемым поведением, и как открытый противник. Политики, общественные деятели, эксперты, убежденные в том, что с Россией необходимо не конфронтировать, а сотрудничать, находя общий язык, не были склонны рассматривать ее в качестве исторической аномалии, они стремились видеть в России «нормальную» страну. Верна и обратная логика: те, кто считали Россию «нормальной» страной, видели бессмысленность конфронтации с нею.

Парадигма «нормальной страны»

Эта парадигма нашла первое и наиболее яркое выражение в статье Андрея Шлейфера и Дэниела Трейзмана «Нормальная страна» в весеннем номере «Foreign Affairs» за 2004 г. (параллельно опубликованной на русском языке в журнале «Россия в глобальной политике»). Статья написана под углом зрения пересмотра сложившихся представлений о России, и такие действительные или приписываемые ей грехи как блатной капитализм, отсутствие свободы и справедливости вынесены в заголовки разделов со знаком вопроса. Авторы не отрицают свидетельств этих и других негативных явлений, подчеркивая, в частности, рост социального неравенства и удручающую тенденцию сужения поля демократических свобод уже в первый срок президентства В.В. Путина (69, с. 24, 32). Но означает ли это, вопрошают они, что правы председатель комиссии палаты представителей Конгресса США по банковской деятельности Джеймс Лич, заклеймивший Россию как «самую разнузданную клептократию в мире», хуже, чем Заир в президентство Мобуту, или представитель от штата Вермонт Бернард Саммерс, назвавший спад российской экономики в 1990-е годы «трагедией исторического масштаба»? С точки зрения Шлейфера и Трейзмана Россию надо рассматривать в общемировой рамке и в ряду других стран схожего уровня развития. Тогда выяснится, что к началу XXI в. Россия стала «нормальной» капиталистической страной со средним уровнем доходов (69, с. 22) и сравнивать ее надо не с Соединенными Штатами и Западной Европой, а с Аргентиной, Мексикой, Бразилией, Малайзией, Хорватией и т.д. «Восприятие России как нормальной страны со средним уровнем доходов

позволяет рассмотреть крайние прогнозы в перспективе. Большинство стран этой категории обычно оказываются где-то посередине между хрестоматийной демократией и законченным авторитаризмом. Их демократические системы несовершенны, непредсказуемы и подвержены временным откатам»; однако Россия и впредь скорее всего будет развиваться как страна с рыночной экономикой, несмотря на несовершенство институтов и чрезмерное государственное вмешательство (69, с. 32).

И авторы задаются вопросом: «Так откуда же берется столь мрачный, иногда почти параноидальный, взгляд на Россию? К чему весь этот перебор – относительно клептократии, экономического катаклизма, захвата власти КГБ?» Их ответ: причины множественны, среди них психологические, идеологические, откровенно политические. Кто-то искренне сочувствует российским пенсионерам; кто-то (особенно в СМИ) гонится за сенсациями, приносящими заработок; кто-то (левые интеллектуалы) находят еще один повод для критики либерализма и глобализации; есть, наконец, и такие (в политической среде), кто просто прикидывает; как удобнее повысить свой рейтинг в предвыборных кампаниях (69, с. 37*).*

Подобным размышлениям западные аналитики предавались и ранее, в эпоху Ельцина, когда первый российский президент, олицетворявший окончательное поражение и гарантию невозвращения коммунизма, построил фундамент авторитарной президентской власти, а страна, общество погрязли в первозданных пороках капиталистической системы. Авторитаризм «царя Бориса» расценивался как малоприятное, но необходимое политическое условие развития экономического либерализма. «Демократия в России не эффективна, и не особенно успешно организована, и бесспорно непривлекательна, – отмечал один из американских аналитиков. – Но такова же демократия во Франции, Перу, Греции, Южной Корее и сонме других стран...» (63, с. 9). Президентская система в России означает для избирателей хоть какую-то предсказуемость решений и отчетность правительства, она предотвращает смертельные групповые конфликты и в конечном счете скорее укрепляет демократический процесс, чем подрывает его (63, с. 40–41).

Такой оценочный подход вполне применим и к расширению президентских полномочий в постельцинской России. Преобладающими характеристиками литературы о развитии России того времени были неустойчивость, половинчатость и неопределенность оценок. Читатель, вероятно, не без удивления, мог прочесть, что политическая культура современной России становится более терпимой; однако в той же статье говорилось, что прогресс демократических институтов в России затрудняется хаосом в экономической и политической жизни, причем «российская политика вряд ли сколь-либо быстро обретет нормальность» (53, с. 333). В.В. Путина называли

«Владимиром III», подчеркивая преемственность нынешней власти и самодержавной традиции в России (67, с. 21), но в то же время воспринимали как главную надежду страны на либеральное будущее (60, с. 72–73).

Однако с каждым годом президентства Путина, в течение которого все более укреплялась пресловутая вертикаль власти, сокращались возможности самовыражения оппозиции, усиливалась российская энергетическая и военная мощь, перед Западом все отчетливее вставал вопрос: какую Россию следует считать «нормальной» – более демократическую по его критериям во внутренней политике, но менее самостоятельную во внешней, или менее демократическую внутри страны, но более самостоятельную в мировых делах. Сейчас совершенно ясен ответ Запада на этот вопрос, ясны и мотивы этого ответа, лежащие в сфере мировой конкуренции и геополитики; проблема в том, допускает ли Запад, что у России могут быть свои критерии «нормальности» и «ненормальности», свои политические мотивы. Сетуя на то, что демократия потерпела поражение в ряде «ключевых государств» мира (Нигерии, России, Таиланде, Венесуэле, Бангладеш, на Филиппинах), соредактор журнала «Journal of Democracy» Ларри Даймонд признает: концепт демократии сегодня – метка «своих», противостоящих «чужим» (49, с. 36). Нынешняя Россия для Запада уже не только не «своя», но определенно «чужая», несмотря на то, что, как еще совсем недавно отмечал помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Дэниел Фрид, «даже сегодня Россия – гораздо более свободная страна, чем в любой момент советской истории и, вероятно, более свободная, чем в любой период истории России» (43, с. 23).

Условия и факторы формирования зарубежного общественного мнения о России оставались в принципе одинаковыми и в первый, и во второй срок президентства Путина. Но поскольку к концу этого срока стали стремительно ухудшаться отношения между Россией и Западом, это наложило отпечаток и на восприятие российского развития, усилив в нем негативистскую компоненту. Вне сомнения, способствовали этому и политические шаги российской власти, направленные на минимизацию внутренней критики посредством огосударствления СМИ и сужения возможностей участия оппозиции в публичной политике. Ничего иного, кроме попыток поставить развитие демократических институтов под контроль государства, усмотреть в данных шагах было нельзя. Дискуссия о том, «нормальна» ли Россия, вспыхнувшая было по следам публикации упомянутой выше статьи, потеряла актуальность. В посвященных России репортажах и аналитических материалах последних лет зарубежные наблюдатели почти единодушно основное внимание уделяли ограничению возможностей оппозиции и нарушению прав человека, политическому давлению на страны СНГ,

стремящиеся к интеграции в западные структуры, использованию энергетических ресурсов в качестве инструмента внешней политики.

Менее идеологизированными были и остаются оценки, относящиеся к развитию российской экономики. Обращает на себя внимание доклад для Трехсторонней комиссии, составленный в 2007 г. рабочей группой в составе бывшего (1993–1996) посла Японии в России Кодзи Ватанабэ, бывшего (2000–2004) посла Великобритании в России Родерика Лайна и бывшего специального советника госсекретаря США по постсоветским государствам, а затем его заместителя Строуба Тэлбота. Сравнивая нынешнюю Россию с Россией 1990-х годов, когда (в 1995 г.) был сделан первый доклад для Трехсторонней комиссии о нашей стране, авторы констатируют: «У России сейчас есть сила и упорство, есть запас прочности на случай каких-либо ударов – все то, чего не было тогда. Главные показатели впечатляют. Россия переживает девятый год “уверенного экономического роста” (по оценке МВФ). Согласно существующим прогнозам, через два года Россия может войти в ведущую восьмерку стран мира» (3, с. 84). Далее перечисляются рост ВВП и объема валютных резервов, выплата огромных внешних долгов СССР, благоприятное отношение государственного долга к ВВП. Важным представляется следующий вывод аналитиков: «Конечно, самая большая заслуга в достижении этих результатов принадлежит высоким ценам на нефть и газ. Однако российскому правительству (и Центральному банку) тоже надо воздать должное – за поддержание макроэкономической дисциплины» (3, с. 85; ср. также: 45, с. 4).

Улучшение дел в экономике сказалось и в социальной сфере: с 2000 г. бедность в России уменьшилась почти вполовину, уровень жизни повысился в большинстве социальных групп (3, с. 108).

Многие явления во всех областях жизни в России подвергаются в докладе острой критике. Но завершающий вывод авторов льет бальзам на душу оптимистов. «Подводя итоги, следует сказать, – пишут они, – что в России 2007 г. во многих отношениях жить стало лучше, чем когда-либо прежде. Страна никогда так не преуспевала, ее граждане имеют такую степень личной свободы, какой до 1990-х годов они не знали никогда» (3, с. 112).

Теперь внимание, читатель! Сопоставим западную парадигму «нормальной страны» с содержанием отечественной литературы, посмотрим нет ли в ней аналога этой парадигмы. Оказывается, если отбросить предвыборную хвалебную риторику «Единой России», по существу нет. Накануне парламентских выборов 2007 г. ЕР в своей газете приводила выдержки из уличных интервью с оптимистически настроенными людьми, в том числе с одной частной предпринимательницей из Омска, уверенной в том, что через 5–7 лет Россия, возможно, превратится в «идеальную модель

общества», в котором «чиновники перестанут клянчить взятки», а заработки и пенсии не будут сильно отличаться от доходов предпринимателей (18). Что касается научных и научно-популярных публикаций, то в них можно найти констатацию и анализ реальных перемен и достижений страны в начале XXI в., но, как правило, речь идет об отдельных сферах общественной жизнедеятельности, да и общая позитивная тональность публикаций встречается редко.

Одно из исключений – позиция В.А. Тишкова, достаточно ясно и последовательно выраженная им в ряде статей и книге «Этнология и политика». Заявляя, что «страна сама себя разрушает в тот самый момент, когда она переживает *беспрецедентный в ее истории период глубоких позитивных перемен*», В.А. Тишков выступает против «парадигмы кризиса как угрозы России» (39, с. 368, 374). Он приводит любопытный эпизод из своего общения с редакцией газеты «Труд», где ему сказали: «Нет, про то, что жить стало лучше, мы писать никогда не будем. У нас не та аудитория» (39, с. 371). «Не та» аудитория – это миллионы людей в десятках городов России. Аргументируя свою позицию, автор ссылается на впечатляющую статистику, но он лучше многих понимает, что за официальной цифирью не видно социальной дифференциации, как не видно и региональных различий, свидетельствующих, что сравнивать Москву (Питер, Тюмень) с русской «глубинкой» – примерно то же самое, что сравнивать Японию и Бангладеш. Хочется разделить патетику автора, выраженную в заголовке одной из его статей «Моя страна не собирается вымирать» (38), но еще больше хочется ясной, детализированной и непротиворечивой статистики.

В.А. Тишкова можно назвать бардом оптимистического восприятия России. Почему же он едва ли не одинок? Либеральные политики и публицисты тоже заявляют: «Россия – демократическое, справедливое и самостоятельное государство», но при этом дают понять, что речь идет скорее о перспективе, а не текущей реальности, и отмечают, что российские ученые, которых Тишков упрекает за конструирование парадигмы кризиса, «устали от невнимания и бедности» (2). У многих аналитиков негативные оценки и пессимистические прогнозы просто перевешивают позитивные констатации.

Но дело не только в этом. Взяв на себя централизаторскую, дирижистскую, надсубъектную роль в общественных процессах и пытаясь утвердить эту свою роль в общественном сознании, государство в лице высшей руководящей и исполнительной власти бросило вызов догмам и политике как «левых», так и «правых», превратив их в малозначащую оппозицию. Особенно обидным для всех отрядов оппозиции должно быть то, что государство перехватило все их значимые лозунги, позиционировав себя как истинного выразителя противоположных идей. Оно провозглашает

социальные программы – и население, за исключением маргинальных групп и тех, кто живет на одну скудную пенсию, укрепляет себя в надежде на (всегдашний) государственный патернализм. Оно закрывает глаза на избыточное умножение капитала так называемых естественных и прочих монополий, позволяет процветать коррупции, обогащающей как бизнес, так и чиновничество – и создает тем самым симулякр безграничного либерализма. Оно неустанно говорит о державной традиции и национальном величии, корит Запад (совершенно справедливо) за гегемонизм, демонстрацию силы, двойные стандарты – и апеллирует тем самым ко всем без исключения социальным слоям и группам, проявляющим восприимчивость к державному национализму. Иными словами, государство ведет себя и как единственный источник реальной власти, и как национальный лидер, и как правящая политическая партия. Именно *за патерналистское государство*, а также *за Путина как источник стабильной власти и национального лидера* проголосовали россияне на выборах 2007 г. в Государственную думу, отдав подавляющее большинство голосов «Единой России».

Чему же могут действительно радоваться россияне? Есть признаки общенационального прогресса, дивиденды от которого, конечно, делятся не эгалитаристски, но достаются и менее обеспеченным слоям. За два срока президентства В.В. Путина ВВП страны вырос на 72%, промышленное производство – на 56,2%, реальные доходы граждан – на 141,4%; бедность сократилась на 14,2% (44). Как доложил В.В. Путин на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 г., в предыдущий год был зафиксирован рекордный приток капитала в Россию – 82,5 млрд. долл. при ежегодном в последнее время оттоке 20–25 млрд. долл. (32). Благодаря налоговой амнистии, россияне, ранее укрывавшие свои доходы, уплатили в 2007 г. в казну дополнительно 3,67 млрд. руб. (10, с. 35) – это, конечно, мизерная сумма, если учесть, что в теневом секторе экономики создается валовая добавленная стоимость величиной в 6,5 трлн. руб., но все же сдвиг. В сфере политики трудно похвастать сравнимыми достижениями, однако можно указать на отдельные частности – например, на то, что приказом Министерства обороны в июне 2007 г. были, наконец, рассекречены все архивы Великой Отечественной войны. Или записать в актив, что, несмотря на масштабную внутреннюю критику «назначенческого» по сути нового принципа формирования исполнительной власти регионов РФ, Венецианская комиссия Совета Европы сочла эту процедуру соответствующей принципам федерализма (23, с. 4).

Парадигмы «особости» и «кризиса»

Восприятию России как «нормальной» страны, шествующей, пусть с задержками и издержками, по капиталистическому пути западного типа, противостоят оценки и концепции, исходящие из того, что а) задержки и издержки приобрели кризисные масштабы, ставящие под сомнение либерально-демократический выбор России; б) исторический путь, социальная ткань и государственная традиция России настолько отличаются от евроатлантических образцов, что такой выбор не может не носить на себе печать «особости» (независимо от того, как к этой «особости» относиться); в) демократия и капитализм вообще противопоказаны России. Парадигмы «особости» и «кризиса» по существу совпадают в восприятии и интерпретациях зарубежных аналитиков либерально-демократической ориентации, обозначая Россию как социум, который отличается от Запада в худшую сторону и в силу этого с неизбежностью оказывается в кризисных ситуациях, даже пытаясь хоть в какой-то степени обратить западный опыт себе на пользу.

Вместе с тем эти парадигмы расходятся в мышлении внутрироссийских глашатаев «особости», которые видят в России державу и общество, превосходящие Запад в морально-нравственном отношении и обладающие более значимыми ресурсами мирового лидерства. Понятие кризисности используется российскими державниками весьма условно, точечно и ситуативно. Иными словами, речь идет об утилизации одних и тех же понятий и терминов в разных контекстах – обличительно-пессимистическом и апологетическом, если не полностью оптимистическом, то уж никак не пессимистическом.

Читатель, знакомый с зарубежной россиеведческой и советологической литературой второй половины XX в., вряд ли удивится тому, что среди «пессимистов» на первых ролях выступает известный американский историк Ричард Пайпс, давний критик российской имперской державно-тоталитарной традиции. Его резюме итогов первого срока президентства В.В. Путина выглядит так: «После того, как в 2000 г. президентом стал бывший полковник КГБ Владимир Путин, на демократические институты России был надет намордник, гражданские права были ограничены, а сотрудничество с международным сообществом оказалось далеко не гарантированным». Это что – возврат к диктату всевластного государства? Не только. «Есть много свидетельств тому, что антидемократические и антилиберальные действия нынешней администрации не навязаны русскому народу, а поддерживаются им» (64, с. 9). И далее: «Медленно и целенаправленно Путин превращает страну в однопартийное государство», а большинство русских одобряют это (64, с. 15).

Если для Р. Пайпса общественный процесс в России второй половины 1990-х годов – начала XXI в. явил подтверждение того, в чем он был убежден

и ранее, то у многих зарубежных наблюдателей эрозия веры (и у кого-то, несомненно, искренней) в возможность развития России по западному пути началась тогда, когда они поняли, что россияне в своей массе иначе смотрят на западные ценности и именно поэтому не возмущаются авторитаризмом власти столь же эмоционально, как они сами. Объектом критического отношения в подобных случаях становилось не только государство, но и социум в целом. Россия представала в их глазах «антимодернистским обществом»,
в котором «отношение к жизни, природе, работе и водке» мало изменилось за многие десятилетия (66, с. 293). Поэтому система осталась неэффективной и коррумпированной, а народ оценил относительную стабильность жизни и сохранил свои отношения с системой «на низком уровне равновесия», ибо знал времена и похуже (66, с. 302). «Сошедшая с рельс демократия в России: Провал открытой политики» – такой заголовок дал своей книге один из американских политологов (51: см также: 61, с. 16–17). Английские исследователи, изучая эпоху Ельцина, отнесли российскую демократию к разряду «мертворожденных» (54).

Иной раз создается впечатление, что западных наблюдателей по большому счету не волнует ничего во внутрироссийской жизни, кроме судьбы демократизации и демократии, и проблема отношения к России нередко формулируется ими в терминах жизни или смерти этих явлений. Понятно поэтому, что в течение второго срока президентства Путина негативное отношение за рубежом к политическому процессу в России усилилось. Кое-кто из наблюдателей видит парадокс этого периода в том, что, выдвинув «Проект “Этатизация”», Путин стал «сильным лидером слабого государства» (62, с. 45).
В данном исследовании, кстати, весьма точно указывается, что самым слабым местом «слабого государства» остается отсутствие контроля за исполнением принимаемых решений, подотчетности чиновников и институционализации формальных процедур (62, с. 43). [Для сравнения укажу, что в самой России А. Илларионов и другие аналитики ставят вопрос еще жестче: о деинституционализации государства в сегодняшних условиях (см.: 4, с. 39)].

Такой угол зрения побуждает задуматься о критериях оценки российского государства вообще. В чем его сила? В чем слабость? Где искать источники того и другого? Ведь если речь идет об *авторитарном* государстве, то
его главная функция – непререкаемость решений и стабильность высшей власти – может осуществляться без контроля и подотчетности, о которых речь идет выше. Во всяком случае, без контроля и подотчетности *снизу*, являющихся необходимыми требованиями *демократического* государства.

Права и тем более инициативы общественных организаций в условиях авторитарных режимов уважаются ровно настолько, чтобы, с одной стороны, они не мешали отправлению верховной власти, а с другой – не подрывали ее харизму, позволяющую в случае необходимости возложить вину за нарушение закона на бюрократию (лояльную, молчаливую, всетерпящую и одновременно в пределах своих полномочий всевластную). Контроль же сверху принимает форму простой слежки за дисциплиной соблюдения негласных норм и распоряжений на всех уровнях государственного управления. Такой контроль составлял кодекс взаимодействия верховной власти и чиновничества на протяжении всей истории России; он стал законом функционирования субординационной пирамиды разных этажей КПСС. Но государство, оцениваемое под таким углом зрения, не может считаться слабым – оно просто недемократично. Конечно, рассуждая диалектически, можно указать, что авторитарные режимы слабы именно своей недемократичностью – ибо в современных (XX и XXI вв.) в условиях рано или поздно обрушиваются. Вместе с тем на протяжении десятков лет они способны оставаться стабильными и держаться на силе принуждения, подкрепленной дозированным патернализмом.

Убежденность зарубежных наблюдателей в нарастании авторитарных тенденций во внутриполитической жизни России не только не ослабла, но, напротив, усилилась после выдвижения и тиражирования лозунга и концепции «суверенной демократии». Идеологи атлантизма с подозрением отнеслись к акценту, который В.Ю. Сурков как официальное лицо высокого ранга (заместитель руководителя кремлевской администрации), сделал на необходимости поставить во главу угла политики России укрепление ее суверенитета. Это необходимо, пояснял Сурков, чтобы не потеряться в процессах глобализации и обеспечить мировую конкурентоспособность страны; чтобы в «своем доме», расположенном между трех океанов, можно было спокойно спать; чтобы быть энергетической супердержавой при сохранении ТЭК в исключительно национальной собственности; чтобы сформировать национально (а не космополитически) ориентированную элиту, в том числе национальную буржуазию, без которой «будущего у нас нет»; чтобы не произошло «мягкого поглощения по “оранжевым технологиям” при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям» (36, с. 35–59). Только выполнив эти задачи, Россия станет «суверенной демократией», т.е. «выйдет на путь устойчивого развития», станет экономически процветающей и политически стабильной державой (36, с. 64).

В концепции «суверенной демократии» слышны глухие отзвуки представлений об «особости» России, но сомнения относительно ее действенности вызывает другое: механицизм сочленения двух различных

понятий, делающий его похожим на оксюморон. Что в своих попытках следовать демократическим нормам Россия не повторит в точности опыт Запада – ясно без каких-либо ссылок на ее суверенитет. Для выявления же сущности демократии атрибут суверенности ровным счетом ничего не дает. Не потому ли третий российский президент Дм. Медведев критически оценил идеологию суверенной демократии, заявив: «Я за классическую демократию»? (25).

Подчеркнем еще раз, что негативная реакция западных экспертов на выступление Суркова представляет по сути очередное изъявление недовольства растущим стремлением правящей политической элиты России к большей самостоятельности в мировых делах. Однако не все европейские аналитики разделяют эти эмоции. Германский политолог П. Шульце, называя выступление Суркова перед партактивом «Единой России» «третьим поворотным пунктом в развитии постсоветской России» (первые два – слом старой советской системы при Ельцине и консолидация новой власти при Путине), оценивает его содержание как призыв к модернизации и реальному становлению России в качестве великой державы на путях европейского, а не евразийского выбора; при этом, подчеркивает автор, понятие суверенной демократии означает, что Россия не может позволить кому-либо извне навязывать ей нормы поведения и не собирается следовать критическим указаниям Европейского союза. «Формирование политического курса, ценностей и общественной системы России возможно только в соответствии с ее культурой и традициями. Это – главная идея “суверенной демократии”, своеобразного ориентира для будущего движения страны по тонкой грани между изоляционизмом и сотрудничеством с другими странами» (47, с. 91).

Итак, современное российское государство еще не обладает ресурсом нормально работающего демократического государства, которое сильно своей связью с обществом, но оно вряд ли может быть названо слабым по критериям авторитарной системы, когда сильный лидер выстраивает пресловутую вертикаль власти на послушании чиновников и в отсутствие значимой оппозиции.

В федерации, включающей 86 субъектов, в том числе более двух десятков национальных образований, важнейшим фактором действия властной вертикали являются отношения между Центром и регионами. Эти отношения густо окрашены в цвета авторитарной этики: губернаторы областей и краев считают себя «людьми Президента» и де-факто являются таковыми; главы республик пользуются статусом, напоминающим статус младших братьев в королевской семье, которые правят в отведенных им доменах. Волна регионализма пошла на убыль к концу 1990-х годов и сейчас практически не дает о себе знать. Необоснованным выглядел сделанный в 2001 г. вывод американской исследовательницы о «сломе» (breakdown)

российской государственности под напором местных элит и тем более прогноз возможной «регионализации вооруженных сил» внутри России вследствие недовольства военными своим материальным положением (59, с. 354). Ничего похожего не случилось, и решающую роль здесь сыграли именно твердость и здравый смысл, проявленные центральной властью. Приведу, в противовес данной позиции, более рациональную точку зрения Юджина Хаски на страницах того же самого сборника статей: лучше нынешнее тяготение федеральной администрации к централизму, чем укоренение персоналистских и патримониальных режимов наподобие Калмыкии (56, с. 95).

Однако если слабость российской государственности рассматривать как слабость государственных *институтов*, то противоречие в трактовке авторитаризма исчезнет. Авторитарные властители могут допускать послабления в *отдельных* сферах государственного управления, а затем пытаться снова натянуть вожжи (что и демонстрировал в выстраивании федеративного государства Ельцин – ведь нельзя же всерьез считать его демократом?), но это еще не дает достаточных оснований отнести такое государство к разряду слабых. Как ни парадоксально, институциональную слабость правлений Ельцина и Путина возможно усмотреть в неполноте и непоследовательности их авторитаризма, проявившихся в разных сферах – первый российский президент в стремлении к сохранению посткоммунистической политической системы и недопущению коммунистического реванша пошел на уступки местническим тенденциям; второй усилил политическую систему, отодвинув олигархов от политики, но дав им (за исключением диссидентствующих) возможность укрепить монопольные позиции в экономике. Как отметил Н. Петров, «за два президентских срока Путина страна проделала путь от вольницы регионов к вольнице госкорпораций» (29, с. 88). Автор приходит к заключению, что «политический ресурс системы, построенной Путиным, выработан полностью» (29, с. 86).

Пессимистические прогнозы рождаются в умах исследователей, занимающих полярно противоположные ценностные позиции. Либерал А. Илларионов пишет о «предчувствии катастрофы» (15); левый радикал М. Делягин – об окончании «халявного» благополучия средних слоев и «неуклонном вызревании масштабного кризисного поворота в судьбе нашей страны» (8).

Возможно ли подведение баланса?

Эсхатологические ощущения в российской интеллектуальной среде нередко соседствуют с образными и хлесткими определениями текущего

состояния страны. Тот же Илларионов положение дел в экономике еще несколько лет назад назвал «петроямой». Политологам порой недостаточно для характеристики нынешней России концепта «управляемая демократия», и они вводят дефиницию «нефтегосударство» (19, с. 82).

В рамках научных дискуссий политологи в стране и за ее пределами обсуждают адекватность и предпочтительность описания политической системы России с помощью уточнения понятия «демократия» атрибутами «регулируемая», «управляемая», «ограниченная», «дирижируемая», «делегированная» и т.д.; для характеристики же стадии развития социума в целом ряд зарубежных аналитиков употребляют дефиниции «авторитарная капиталистическая держава» (52, с. 66) и «авторитарный капитализм», выражающийся в жестком политическом контроле и мощной государственной манипуляции источниками общественного богатства (48, с. 7).

Читатель легко заметит, что приведенные выше определения и понятия относятся к России всего постсоветского периода. Когда речь идет о России начала XXI в., предметом анализа становится, как правило, «путинский режим» – та совокупность установок и практик, которая характеризует этап транзита от импульсивно авторитарного правления страною Ельциным к целенаправленному стабилизационному авторитарному правлению Путина. Приведу ряд характеристик этапа, связанного с именем второго российского президента. Одной из наиболее кратких и образных представляется оценка американского россиеведа Уолтера Коннора, определившего эпоху Путина как «вторую новую Россию после краха СССР», в которой экономическая ситуация улучшилась, а политической свободы стало меньше, и это вполне устраивает рядовых россиян (49, с. 394, 386). Социологи С. Уайт и О. Крыштановская в совместно написанной статье тоже говорят о «новом социальном порядке», который олицетворяет «восстановление государственной власти после ее приватизации чиновниками и бизнесменами» и в котором «нет места оппозиции, непредсказуемым выборам и непослушным нуворишам» (58, с. 306). И Д. Шляпентох оперирует категорией новизны применительно к России Путина по сравнению с Россией Ельцина, заявляя, что «в стране возникло новое чувство единства»; хотя это единство скрепляется «идеологией феодальных королей, оберегавших свой статус от местных князьков», Путину удалось стабилизировать российское развитие (68, с. 3–5).

Необходимо сделать значимое смысловое пояснение: констатация одних и тех же явлений в одних и тех же терминах зарубежными и отечественными исследователями, а тем более широкими кругами общественности там и здесь не означает совпадения ценностных позиций. Когда ВЦИОМ еще в марте 2006 г. предложил респондентам в России высказаться, что важнее для них –

развитие демократии или укрепление порядка, 68% ответили «скорее порядок» и лишь 28% – «скорее демократия» (31). Согласно Э. Тоффлеру, так возникает феномен «*избыточного порядка*» (40, с. 578; курсив мой. – *Ю.И.*), настолько аморального с точки зрения гражданских отношений на Западе, что аудитория любой европейской или североамериканской страны дала бы на поставленный выше вопрос прямо противоположные ответы. Но для россиян порядок, стабильность – исторически выношенные приоритеты; поэтому и лидер государства, добившийся стабильности, становится всеобщим любимцем. В ходе еще одного исследования ВЦИОМ в сентябре 2007 г. 79% опрошенных жителей 153 населенных пунктов страны 46 регионов России заявили, что В.В. Путин заботится о благе страны (9). А на вопрос, какой премьер-министр в постсоветской России наиболее успешно справлялся с поставленными задачами, россияне опять-таки назвали Путина, обошедшего с 34% голосов Примакова и Фрадкова, каждому из которых отдали свои симпатии всего по десять процентов респондентов (6).

Запад понимал и понимает все это. В первом за 2008 г. номере журнала «Time», по оценке которого российский президент стал в 2007 г. «Человеком года», опубликована посвященная этому событию статья, где Путин именуется «избранным императором», который, не являясь демократом «ни в каком западном смысле слова», добился для своей страны стабильности, отсутствовавшей сотню лет. А россияне предпочли порядок свободе и продолжению реформ, объявленных В.В. Путиным после прихода к власти.

Парадигма стабильности, по-видимому, представляет единственно значимое объяснение ситуации, когда, выражая недовольство почти всеми переменами в русле намеченных государством реформ, граждане России сохраняют доверие первому лицу. Не самому государству, не парламенту, не правительству, а именно президенту. «Левада-центр» провел опрос рядовых россиян и представителей элиты относительно оценки реальных результатов реформ, объявленных В.В. Путиным после прихода к власти. Результаты опроса удивительны. Замена выборов губернаторов назначением вызвало позитивный отклик у 33% респондентов массовой категории и 60% – элитной, и это единственная реформа, положительное отношение к которой перевесило отрицательное (цифры невелики, но их можно счесть характерными, поскольку от четверти до половины опрошенных по каждому пункту высказали мнение, что соответствующие реформы по-настоящему еще не проводились). Идем далее, останавливаясь только на негативных оценках реформ. *Монетизация льгот* негативно оценена 51% в массах, 57% (!) в элите. *Пенсионная реформа* – 40% в массах, 43% – в элите. *Реформа образовании* – 39% в массах, 43% – в элите. *Реформа здравоохранения* – 43% в массах, 41% – в элите (7, с. 87).

Между тем социальные контрасты в стране продолжали и продолжают усиливаться, и разрыв в доходах между 10% наиболее богатых и 10% наиболее бедных слоев к началу 2008 г. составил по официальным данным 15–
17 раз, а по неофициальным – 20–25 раз – в несколько раз больше, чем в развитых капиталистических государствах. Усредненная статистика, согласно которой Россия в 2007 г. заняла 8-е место в мире по душевому ВВП, не дает (и не в состоянии дать) хотя бы малейшее представление о глубине этого социального раскола. А вот то, что с общим объемом ВВП в 1,286 трлн. долл. Россия выпестовала 87 долларовых миллиардеров, производит оглушительный эффект в сравнении с Германией, имеющей ВВП объемом 3,259 трлн. долл. и 59 долларовых миллиардеров (35).

Одним из главных источников происхождения богатства в постсоветской России признана приватизация, проведенная с нарушениями закона и заклейменная в народе как грабительская. Именно она обеспечила большинству долларовых миллионеров и миллиардеров необходимый стартовый капитал для раскрутки и экспансии бизнеса. Извлекло ли государство уроки из этого опыта деформации цивилизованного предпринимательства характерного для развитых стран уже второй половины XX в.? Масштабы деформации, вероятно, снизились – но сохраняющиеся злоупотребления поражают своими размерами. Один лишь не столь давний пример. В марте 2008 г. в Подмосковье зафиксирована попытка продажи 397 га лесного массива по цене 614 руб. за сотку при рыночной стоимости земли в этом регионе от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч долларов за сотку, причем, как нетрудно догадаться, на аукционе объявился лишь один покупатель! Это означает не что иное, как то, что грабительская приватизация продолжается при непонятном (непонятном ли?) попустительстве местных властей.

В. Иноземцев полусерьезно, полуиронически указывает, что, строго говоря, масштабные злоупотребления властью в нынешней России неправильно называть коррупцией в строгом смысле слова. «Обычно под коррупцией понимается извлечение выгоды из нарушения действующих законов и правил; в путинской России высшие государственные чиновники извлекают доход, играя по тем правилам, которые сами для себя устанавливают, а не нарушая и не обходя их. Власть открыто занимается бизнесом. Собственно, она является бизнесом» (16, с. 268).

В так называемом «Плане Путина» задачей номер один провозглашается «наведение порядка», предусматривающее в том числе системную борьбу с коррупцией. «Следуя этому плану, – заявил В.В. Путин на съезде партии “Единая Россия” 1 октября 2007 г., – мы навели элементарный порядок в стране, восстановили ее целостность и работоспособность государственных

институтов» (30, с. 3). Если восстановлением целостности страны и работоспособности органов власти еще можно отчитаться перед народом за первые восемь лет нового века, то за следующие четыре года с президента, правительства и парламента спрос пойдет по меркам реального приближения к правовому и социальному государству.

«С чем идти в народ?» – этот вопрос ставит перед властью М. Афанасьев. Ответ самого автора на него целесообразно привести в виде развернутой цитаты. «Эффективность государства возрастает, когда ему приходится взаимодействовать с крепким гражданским обществом. А что делать при "дефиците общественности"? Постсоветский гражданин – это *разгосударствленный индивидуалист:* он ставит во главу угла свой (и своей семьи) частный интерес и сосредоточен исключительно на собственном выживании». Однако «главным виновником подрыва социального доверия и порчи публичных институтов является сегодня не "косное" российское население, а "резвая" российская власть, Важно понять смысл того консенсуса, который обеспечил рост авторитета "раннего Путина": абсолютное большинство россиян согласилось с тем, что государство должно выступить организатором национальной жизни и развития. Сущностная противоречивость эпохи второго президентства заключается в том, что российское общество дружно поддержало лозунги восстановления и конкурентоспособности государства, а правящий класс ответил на этот запрос позавчерашним пафосом властной вертикали и непросветленной энергией номенклатурного передела. Государство сегодня является не ускорителем, а главным тормозом национального развития. Мы на распутье: либо *реформа государства*, либо очередной застой, сменяемый очередным номенклатурным переделом» (1, с. 219–220).

Мы видим, таким образом, что вопрос о том каким быть российскому государству в условиях сырьевого флюса экономики, экспоненциального роста доходов крупнейших корпораций и их владельцев, усиливающегося социального раскола и обостряющейся конкуренции в мире, остается ключевым в повестке дня развития России в XXI в. От него зависит выполнение «плана Путина» и решение (если употребить словеса известного российского аналитика) «теоремы Путина» (41). Одной из наиболее ясно и четко изложенных за рубежом точек зрения на сущность политики Путина, остается, на мой взгляд, та, которая содержится в статье директора программы изучения России в Стетсоновском университете (США) Юджина Хаски «Преодолевая наследие Ельцина: Владимир Путин и политическая реформа в России», которая была написана еще в 2001 г. Суть наследия Ельцина, пишет автор, состояла в том, что «к концу 1990-х годов отсутствие институтов, идей и лидеров, которые могли бы соединить воедино интересы разнообразных элит, делало Россию неуправляемой» (56, с. 83). Поскольку

«ельцинское наследие гиперплюрализма мешало развитию современного государства и “нормального общества”, требовались смелые шаги, чтобы укротить силу элит, которые эффективно приватизировали и грабили государство», а также чтобы избавиться от «старых российских язв – местничества и межведомственного соперничества» (56, с. 95). В первые же месяцы после прихода к власти Путин дал понять, что намерен «вернуть Россию к традиционному москвоцентристскому и единоличному стилю правления… Роль центра должна была возрасти за счет периферии, роль исполнительной власти – за счет законодательной, роль государства – за счет общества, особенно наиболее заметных его представителей, так называемых олигархов» (56, с. 82). Как следствие, Путин провел серию «атак» на провинциальные элиты, корпорации и законодательную власть, чтобы уменьшить их влияние. В этом его поддержали не только рядовые россияне, но и ведущие политики; немалую роль сыграло завершение чеченской кампании, в которой, еще будучи премьер-министром, «Путин, а не Ельцин ежедневно встречался с военными руководителями в целях координации боевых действий» (56, с. 86). Уже в начале своего правления Путин по сути осуществил «конституционные изменения, не меняя Конституцию». Но главный тест его реформ еще впереди, и он заключается в том, чтобы сохранить легитимную оппозицию – таков был завершающий вывод автора.

Мы уже знаем результаты теста – опасения Хаски подтвердились. Отсутствие внесистемной оппозиции и во многом бутафорский характер системной вызывают ностальгию по тому времени, когда Путин заявлял на всю страну (а не гуляя по Кремлю, как Горбачёв с Шеварднадзе): «Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы».

Это была замечательная постановка вопроса. Она прямо подводила к выводу, что общество должно иметь больше влияния на государство. В духе данного вывода весной 2005 г. был принят новый закон об Общественной палате при Президенте РФ и заново сформирован ее состав. Вскоре после того, как она провела первое заседание, опрос общественного мнения, проведенный агентством РОМИР, выявил, что 39% респондентов из числа осведомленных о ее создании считают ее «декоративным органом» и только 23% верят в ее дееспособность (65).

Декоративность как атрибут политической системы присутствует во всех типах обществ (достаточно упомянуть современные европейские монархии), но во избежание дискредитации государства она не должна быть чрезмерной и расти со временем, как это наблюдалось в начала XXI в. в России. И российские, и зарубежные наблюдатели почти единодушно отмечают превращение в инструмент власти такого влиятельнейшего актора внутриполитической жизни как телевидение. Российскому социуму,

представляющему по существу «сообщество телезрителей», пишет российский аналитик, предлагают на четырех основных каналах новости, которые на 90% посвящены президенту, правительству, «Единой России» и выдержаны в духе поддержки проводимого ими курса; телевидение стало «рупором и заложником правительственной политики» (11, с. 11). Стажировавшаяся в России исследовательница из Лондона сообщает, что в частных беседах не раз слышала, как российские политтехнологи называли ТВ «ядерным оружием президента Путина» (42, с. 27). Прокомментируем: это означает в одних случаях все более заметное отсутствие необходимого для демократического общества журналистского критицизма, хотя бы в форме «неудобных» для власти вопросов, а в других откровенный сервилизм. Негативное следствие такого положения дел вынужден признать даже один из самых горячих поклонников президента Путина в журналистской среде, отметивший «абсолютную непрозрачность принятия решений, как государственно-кадровых, так и политических» в современной России (33, с. 414).

Но не грядет ли, в дополнение к декоративности оппозиции и идейно-политического плюрализма в СМИ, еще и декоративность интеллектуальной жизни? Речь о скандале вокруг нового школьного учебника новейшей истории России, написанного по заказу администрации президента и предназначенного стать обязательным, а возможно, и безальтернативным пособием для всех школ (26). При всей очевидной необходимости патриотического, гражданского и нравственного воспитания подрастающих поколений, недопущения в учебно-воспитательный процесс либеральной (чаще всего псевдолиберальной) конъюнктуры, необходимо понимать, что в школе не место конъюнктуре любого толка.

Некоторые идеологи «Единой России» подчеркивают в качестве главного достижения президентского правления начала XXI в. то, что «Путин не дал России рухнуть» (12). Но со сменой высшего руководства страны этого уже мало, чтобы закрывать глаза на те тенденции политической жизни страны, которые мало вяжутся с замыслом создания процветающего демократического государства – да, собственно, с декларированным замыслом самого «Плана Путина».

Это тем более верно, что социальная политика государства, при всей значимости выдвинутых национальных проектов, носящих ярко выраженный социозащитный характер, еще не подкреплена всеми необходимыми правовыми актами, гарантирующими безоткатность в этой сфере, и не приняла завершенного вида. Анализ обширной социологической литературы последних лет показал: большинство российских исследователей сходятся в том, что «общество в РФ и сегодня практически отстранено от принятия решений в социальной области», что, следовательно, важнейшей проблемой

российской политики остается преодоление существующего разрыва между обществом и властью (см.: 24, с. 69). Ватанабэ, Лайн и Тэлбот в докладе для Трехсторонней комиссии предостерегают против успокоенности: «В большинстве социальных групп уровень жизни людей теперь выше, чем прежде, но социальные системы страны не подверглись фундаментальному преобразованию и поэтому основываются на устаревших моделях, которые кое-где близки к краху… Неразвитая социальная инфраструктура способствует падению численности населения» (3, с.108). Понятно, что это предостережение с позиций либеральной догматики, которой претит излишняя социальная ответственность государства, но рациональное зерно в нем есть.

В выступлении В.В. Путина на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. была дана позитивная картина динамики основных показателей развития страны в XXI в. «Нам удалось избавить страну от порочной практики принятия государственных решений под давлением сырьевых и финансовых монополий, медиамагнатов, зарубежных политических кругов и оголтелых популистов» (32, с. 4). Это так, но процесс принятия решений одновременно потерял публичность. «Государственный внешний долг сократился до 3% ВВП, что считается одним из самых низких и лучших показателей в мире» (32, с. 5). В цифрах речь идет о сокращении долга с 132,8 млрд. долл. в 1999 г. до 40,8 млрд. летом 2007 г. Прекрасно, но за то же время выросли корпоративные заимствования российских компаний и банков с 25,7 млрд. до 309,2 млрд. долл., причем половина долга приходится на государственные компании (16, с. 266). По объему ВВП, рассчитанному по паритетной покупательной способности, Россия «вошла в семерку крупнейших экономик мира» (32, с. 4), а по уровню и качеству жизни даже не приблизилась.

Президент и сам оппонировал себе: «Главная проблема сегодняшней российской экономики – это ее крайняя неэффективность… Нам пока не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария развития… Следуя этому сценарию, мы не добьемся необходимого прогресса в повышении и качества жизни российских граждан… Дифференциация доходов семей должна сократиться с нынешнего абсолютно неприемлемого пятнадцатикратного разрыва до более умеренного» (32, с. 6–9). Будучи сухой и краткой, критика и самокритика президента по своей смысловой сущности более убедительна, чем иные пассажи острословов.

Что же ждет Россию в ближайшее десятилетие? Любопытно отметить, что зарубежные прогнозисты, в 1990-е годы охотно составлявшие десятки детальных сценариев развития России, сейчас словно взяли обет молчания. В докладе Национального разведывательного совета США «Контуры мирового будущего» (2005) России отводится ничтожно малое место –

гораздо меньше, чем Индии и тем более Китаю; Россия рассматривается в одном ряду с Бразилией, Индонезией и Южно-Африканской Республикой (т.е. даже не в классическом формате BRIC), и то только с точки зрения ее энергетического потенциала, а также нестабильной ситуации на Кавказе (21, с. 41–42).

Российский аналитик А. Шубин параллельно с публикацией указанного доклада составил свой прогноз развития России до 2020 г., и он малоутешителен. Исходя из того, что в стране происходят «сохранение и приумножение государственно-бюрократического наследства СССР… и в тоже время разрушение низовой постсоветской социальной ткани», автор допускает, что «СМИ и крупный бизнес в любой момент могут отказаться от лояльности президенту» и более того, «если понадобится “списать” непопулярные реформы нынешней правящей элиты на Путина, то для “революционной” смены фасада власти есть все предпосылки» (46, с. 184–185).

Пожалуй, более оптимистичен в своем общем виде прогноз В.Л. Иноземцева, сделанный год назад: «На протяжении ближайших 20–25 лет Россия будет превращаться в “нормальную страну”: ее политические амбиции будут сильно умерены, а главным приоритетом станет решение экономических задач… Главной угрозой России в ближайшие два десятилетия будет неэффективность ее государственной машины и неспособность правящей элиты предложить стране план действий, адекватный вызовам времени» (17, с. 53, 55).

А что же с социальным благополучием и качеством жизни людей? Еще один российский эксперт, известный социолог, настроен скептически: «У нас еще долгое время не будет социального государства и сильной социальной политики» (13, с. 10).

Попытки подвести некий баланс позитивных и негативных сторон «путинской эпохи», вероятно, уязвимо без анализа внешнеполитической проблематики как фактора внутренней политики и системных изменений. Это сознательная лакуна, объясняющаяся, с одной стороны, ограниченностью места, а с другой – убежденностью в том, что Россия принадлежит к тем странам, развитие которых больше зависит от укорененных в течение веков норм, а не внешних влияний. Это не значит, что Россия имеет иммунитет от воздействия макрополитической, макроэкономической и макрокультурной среды своего бытия в мире. Отнюдь нет. Просто она приспосабливает это воздействие к своим традициям, своей специфике. Сокрушительные военные катаклизмы (нашествия, мировые войны) способны, и то не всегда, изменить вектор ее социального и духовного развития (так было в период ордынского ига и в 1917 г.), но алгоритм отношений между властью и народом,

государством и обществом, центром и периферией оставался существенно тем же.

Представляется, что и явление, которое некоторые политологи стали именовать «путинизмом», оказалось во многом продолжением «ельцинизма», вопреки стремлению Путина преодолеть последний. «Путинизм» продолжил сращивание высшей политической элиты, чиновничества и бизнеса, слегка пересортировав сложившиеся конгломераты и заменив старые клиентелы на новые, а также устроив ряд показательных разоблачений и порок. Если бы пошла фронтальная борьба с коррупцией, непотизмом и злоупотреблением властью, шансов на преодоление ельцинизма было бы больше. Но к началу XXI в. симбиоз власти и бизнеса, формирование кровно заинтересованных друг в друге, а потому неразделимых (за отдельными исключениями) структур привели к возникновению порочного круга, выйти из которого Путину не удалось. Системный триумвират «политическая среда-чиновничество-бизнес» оказался предсказуемо сильнее, образовав плотный слой пленки на поверхности социального бассейна и сеть микрофлоры от поверхности до дна: все переплелось, все сцеплено одно с другим, многократно усилена взаимозависимость. Главные агенты-акторы политической и хозяйственной жизни устоялись, заматерели, прониклись сознанием, что такая система и такой режим могут работать несмотря на внешнюю и внутреннюю оппозицию, глобальные и внутриполитические перипетии. Просто в этом триумвирате *неизмеримо выросла роль центральной власти – политические элиты и бизнес зависят теперь от нее гораздо больше, чем она от них*. Ни в коей мере не утрачивают действенности общемировые закономерности – экономические и политические противоречия, конкуренция, формирование и распадение альянсов, борьба классов, слоев и групп. Но «священные коровы» сложившейся системы – пирамида власти, связки и корпоративные интересы – остаются незыблемыми.

Зададимся в заключение конкретным вопросом: что ждать России от тандема «Медведев-Путин» и не будет ли он внешней формой порядка, суть которого выражена в риторическом вопросе «Enter Putin Two?» (50, с. 32). Западные и отечественные наблюдатели гадают о возможности столкновения амбиций опытного и сильного премьера и молодого честолюбивого президента (50, с. 32). Мне же кажется, что если между ними возникнут разногласия, то они скорее всего не будут существенными, так как не коснутся сути российской государственности. Оба лидера – государственники; любой президент России по определению является государственником, «собирающим» и «сосредотачивающим» (по известной формуле Горчакова) страну как мощного игрока на мировой арене. Россия вернулась в большую мировую политику, и хода назад нет, даже если

основной приводной ремень этого возвращения, энергоресурсы, упадут в цене.

Можно предположить, что идеалом сегодняшней российской власти является создание не единственной правящей партии, как полагают некоторые аналитики, а истеблишмента под именем «Корпорация Россия», которая в государственном масштабе действовала бы на основе единой идеологии и единой воли с допущением демократических прав и свобод во всем, что не идет вразрез с этой единой волей. «Вольница» госкорпораций типа «Газпрома», РАО «Российские железные дороги», приснопамятного РАО ЕЭС – отнюдь не либерального и тем более не антигосударственного толка, она независима от общества и игнорирует его, но целиком вписывается в стратегию укрепления построенной системы, когда все политические решения, в том числе относящиеся к экономике, принимаются на самом верху. Проблема только в том, будет ли политика после 2008 г. хоть немного более либеральной и демократической или нет.

Надо ли гадать об этом сейчас? Не рано ли вообще подводить итоги развитию России в начале века, даже исторически короткому периоду 2001–2008 гг.? Возможно, ответить на эти вопросы читателю будет проще, прочтя занесенную на бумагу исповедь современного писателя, который, не анализируя то, что происходит, блестяще, на мой взгляд, показывает *как* он (и все мы, на самом деле) воспринимаем происходящее. Он и вопрос ставит нетривиально: что с *нами* происходит? С нами, а не с Россией – страной, обществом, властью (хотя, конечно, они маячат за кадром), потому что тогда все в очередной раз свелось бы к поиску ответов на тривиальные вопросы, которые уже не хочется воспроизводить.

Итак (с подкупающей откровенностью признается писатель Андрей Столяров): «Ничего не могу понять… Я верю практически всем. Выступает кто-нибудь из демократов, ратующих за свободу, рыночную экономику, права человека. И я ему верю. Кто же будет против свободы и демократии? Выступает кто-нибудь из патриотов, отстаивающих традиции и особый российский путь. И я опять верю. Ведь даже зайцу понятно: мы – не Америка и не Германия…

Россия движется к демократии? Именно так.

Россия скатывается к диктатуре? Никаких сомнений!

Верно и то, что все зависит лишь от того, на какой спектакль взят билет. В одном театре идет мюзикл “Россия великая”, в другом, напротив него – трагедия “Гибель России”. И там, и там – оглушительные аплодисменты».

Писатель хочет вырваться из этой реальности в другое измерение и заканчивает свое эссе фантастическим предположением: «Представляете: нет ни Зурабова, ни Фрадкова, ни Жириновского, ни Грызлова, ни Грефа с

Кудриным, ни Церетели, ни Пугачевой, ни Петросяна, ни Розенбаума. Просто никого из них нет. Может быть, это и есть настоящая жизнь?» (34, с. 13).

Однако настоящая жизнь сегодняшней России именно та, которая допускает сосуществование полярно различающихся моделей восприятия действительности и способна в разных своих ипостасях подтвердить правоту одновременно либералов и коммунистов, националистов и интернационалистов, «западников» и «евразийцев». И добавлю, правоту мудрого дипломата, историка, политолога Джорджа Кеннана, со временем все глубже понимавшего ход российской истории и наставлявшего политиков Запада: «Дайте им время; позвольте им быть русскими; дайте им самим и по-своему решать их внутренние проблемы» (цит. по: 3, с. 204). Поэтому вопрос, не рано ли подводить «баланс» прошедшим восьми российским годам XXI века, по существу является риторическим.

Литература

1. *Афанасьев М.* Общественно-политические условия «русского чуда» // Отечественные записки. – М., 2007. – Т. 39, № 6. – С. 213–222.

2. *Барщевский М.* Чего мы хотим? // Независимая газета. – М., 2007. – 15 марта. – С. 8.

3. *Ватанабэ К., Лайн Р., Тэлбот С.* Взаимодействие с Россией: Следующая фаза. – Пер. с англ. – М., 2007. – 251 с.

4. *Ворожейкина Т.* Несбывающаяся политика // Отечественные записки. – М., 2007. – Т. 39, №6. – С. 29–40.

5. *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Россия: Quo vadis? – М., 2003.

6. Госэкзамен для министров // Известия. – М., 2007. – 27 сентября. – С. 1.

7. *Гудков Л., Дубин Б.* Иллюзия модернизации: Российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et contra. – М., 2007. – Май–июль. – Т. 11, № 3. – С. 73–97.

8. *Делягин М.* «Халява» и хаос: Россия после Путина. Угрозы и перспективы (http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1195400880).

9. Десять главных качеств Путина, по мнению россиян // Известия. – М., 2007. – 8 октября. – С. 3.

10. *Добрынина Е.* Подкупающая откровенность // Российская газета. – М., 2008. – 6 июня. – С. 9.

11. *Докучаев Д.* Налоговая амнистия // Новое время / The new times. – М., 2008. – 4 февр. – С. 35–37.

12. *Дубин Б.* Суверенность по законам клипа и сериала // Pro et contra. – М., 2006. – Июль–август. – Т. 10, № 4. – С. 6–12.

13. Единая Россия. – М., 2007. – № 4. – 12 ноября. – С. 10.

14. *Зубаревич Н.* Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. – М., 2003. – 264 с.

15. Известия. – М., 2005. – 13 окт. – С. 5.

16. *Илларионов А.* Предчувствие катастрофы. Доклад в Независимом пресс-центре в Москве 5 июня 2007 г.

17. *Иноземцев В.* Паразитирующее государство и перспективы России в XXI веке // Отечественные записки. – М., 2007. – Т. 39, № 6. – С. 262–278.

18. *Иноземцев В.* What will be? // Мир в 2020 году. – М., 2007. – С. 9–59.

19. Каким будет ваш завтрашний день? // Единая Россия. – М., 2007. – 26 нояб. – С. 1.

20. *Ковалёв В.А.* Федерализм в рамках «управляемой демократии»: Последствия отмены губернаторских выборов // Россия и современный мир. – М., 2007. – №2. – С. 70–88.

21. Контуры мирового будущего. Доклад Национального разведывательного агентства США // Россия и мир в 2020 году. – М., 2005. – С. 3–168.

22. *Костиков В.* Зачем народу патриотический кафтан? // Аргументы и факты. – М., 2005. – № 45. – С. 4.

23. *Лавров С.* Возврата к «холодной войне» не будет // Известия. – М., 2005. – 10 мая. – С. 1, 4.

24. *Лапина Н.Ю.* Уроки социальных реформ в России. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 76 с.

25. *Медведев Дм.* Интервью в телепрограмме А. Пушкова «Постскриптум» 29.03.2008.

26. Независимая газета. – М., 2007. – 3 июля; 5 августа. – С. 3.

27. Олигарх и Кремль – Эксперт Online (http:// expert.ru/newsmaker/2006/12/21/ abramovich).

28. *Петров Н.* Корпоративизм и регионализм // Pro et contra. – Т. 11, № 4–5. – Июль–окт. 2007. – С. 75–89.

29. План Путина: Для жителей Центра России и всей страны / Всероссийская политическая партия «Единая Россия». – М., 2007. – 17 с.

30. Постскриптум. Телевизионная программа А. Пушкова 5 апреля 2006 г.

31. *Путин В.* О стратегии развития России до 2020 года. Выступление на расширенном заседании Государственного совета // Kremlin.Ru. Сайт «Президент России».

32. *Сапир Ж.* Россия после Путина: Экономические и социальные основы политической стабильности // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен / Отв. ред. Лапина Н.Ю. – М., 2008. – С. 112–142.

33. *Соловьёв В.* Путин: Путеводитель для неравнодушных. – М., 2008. – 419 с.

34. *Столяров А.* Что с нами происходит? // Литературная газета. – М., 2007. – 21 марта, № 11. – С. 1, 13.

35. Страна Лимония: Экономика не поспевает за богатыми // Известия. – М., 2008. – 27 марта. – С. 7.

36. *Сурков В.Ю.* Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. – М., 2006. – 78 с.

37. *Тарасов А.* Быть ли Енисейской республике // Известия. – М., 1991. – 22 ноября. – С. 2.

38. *Тишков В.А.* Моя страна не собирается вымирать: Ученые-обществоведы пугают общество кризисом // Известия. – М., 2005. – 4 марта. – С. 19.

39. *Тишков В.А.* Этнология и политика. – М., 2005. – 383 с.

40. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. – М., 2001. – 670 с.

41. *Третьяков В.* Лидерство как цель и как проблема // Известия. – М., 2008. – 29 февраля. – С. 6.

42. *Фоссато Ф.* Виртуальная политика и российское ТВ // М., 2006. – Pro et contra. – Июль–август. – Т. 10, № 4. – С. 13–28.

43. *Фрид Д.* Сотрудничество как тактический ход // Независимая газета. – М., 2007. – 18 июня. – С. 13, 23.

44. Чего добились за последние 8 лет? // Известия. – М., 2008. – 29 февр. – С. 2.

45. *Шубин А.* Россия-2020: Будущее страны в условиях глобальных перемен // Россия и мир в 2020 году. – М., 2005. – С. 169–218.

46. *Шульце П.* Суверенная демократия: Лозунг или ориентир для самобытного развития России // Мир перемен. – М., 2008. – № 1. – С.

47. *Basora A.* Must democracy continue to retreat in postcommunist Europe and Eurasia // Orbis. – Philadelphia, 2008. – Winter. – N 5. – P. 3–24.

48. *Connor W.D.* A Russia that can say «no»? // Communist and post-communist studies. – Los Angeles, 2007. – September. – Vol. 40, N 3. – P. 383–391.

49. *Diamond L.* The democratic rollback: The resurgence of the presidential state // Foreign affairs. – N.Y., 2008. – Vol. 87, N 7 – P. 36–48.

50. Enter Putin II // The Economist. – L., 2007. – December 21. – P. 31–32.

51. *Fish M.S.* Democracy derailed in Russia: The failure of open politics. – Cambridge, 2005. – 313 p.

52. *Gat A.* The return of authoritarian Great Power // Foreign affairs. – N.Y., 2007. – July–August. – Vol. 86, N 4. – P. 59–69.

53. *Gibson J.L.* Becoming tolerant? Short-time changes in Russian political culture // British journal of political science. – Oxford, 2002. – April. – Vol. 32, pt. 2. – P. 307–333.

54. *Gill G., Markwick R.D.* Russia's stillborn democracy: From Gorbachev to Yeltsin. – Oxford etc., 2000. – X, 280 p.

55. *Graham Th.E., Jr.* Russia's decline and uncertain recovery. – Wash., 2002. – VIII, 100 p.

56. *Huskey E.* Overcoming the Yeltsin legacy // Contemporary Russian politics / Ed. by Brown A. – N.Y., 2001. – P. 82–96.

57. *Ignatus A.* A tsar is born // Time. – N.Y., 2008. – January 7. – P. 38–52.

58. *Kryshtanovskaya O., White S.* The rise of the Russian business elite //Communist and post-communist studies. – Los Angeles, 2005. – September. – Vol. 38, N 3. – P. 293–307.

59. *Lapidus G.* State building and state breakdown in Russia // Contemporary Russian politics / Ed. by Brown A. – N.Y., 2001. – P. 48–54.

60. *Lieven A.* The essential Vladimir Putin // Foreign policy. – Wash., 2005. – January–February. – P. 72–73.

61. *McFaul M.* The perils of a protracted transition // Journal of democracy. – N.Y., 1999. – April. – Vol. 10, N 2. – P. 4–18.

62. Mohsin Hashim S. Putin's etatization project and limits to democratic reforms in Russia // Communist and post-communist studies. – Los Angeles, 2005. – Vol. 38, N 1. – P. 25–48.

63. *Nichols Th.M.* The logic of Russian presidentialism: Institutions and democracy in post-communism. – Pittsburgh, 1998. – 51 p.

64. *Pipes R.* Flight from freedom: What Russians think and want // Foreign affairs. – N.Y., 2004. – Vol. 83, N 3. – P. 9–15.

65. ROMIR Monitoring (http://www.park.ru/analitics... 13.03.2006).

66. *Rose R.* Living in an antimodern society // Contemporary Russian politics / Ed. by Brown A. – N.Y., 2001. – XVI, 574 p.

67. Russia's President: Vladimir III? // The Economist. – L., 2004. – 11 December – P. 27–28.

68. *Shlapentokh D.* The short horizon in the Russian mind // Communist and post-communist studies. – Los Angeles, 2005. – March. – Vol. 38, N 1. – P. 1–24.

69. *Shleifman A., Treisman D.* A normal country // Foreign affairs. – N.Y., 2004. March–April. – Vol. 83, N 2. – P 20–38.

70. *Stengel R.* Choosing order before reform // Time. – N.Y., 2008 – January 7. – P. 36–37.

71. http://old-opec.hse_ru/comment.doc

72. http//www.utro.ru/articles/2005/11/16

М.Н. Корнилов

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ КОНЦА XX ± НАЧАЛА XXI в. В ОЦЕНКАХ ЯПОНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Корнилов Михаил Николаевич –
старший научный сотрудник
ИНИОН РАН.

I

События и реформы в СССР и России в конце XX и начале XXI в. не могли остаться незамеченными в Японии. Ее внимание к ним было живым, но не однозначным. И это понятно, поскольку начиная с последних десятилетий XIX в. в Японии присутствовал повышенный интерес к России, соседу-гиганту, положение дел в котором просто нельзя было игнорировать, так как оно невольно затрагивало и Японию. Духом конфликтности в отношениях между двумя странами проникнута и вся история их в XX в. Опыт минувшего столетия говорил японцам, что радикальные изменения в России, в ее международной политике волей-неволей отзываются на положении дел в их стране и в мировом сообществе. Как пишет известный японский историк-русовед, почетный профессор Токийского университета Вада Харуки[1], в XIX–XX вв. в Японии сложились три основные представления о России, отражающие отношение японцев к своему соседу: как к учителю, как к собрату по страданию, как к врагу (1, с. 299–313). В конце минувшего столетия образ «страны-врага» занял доминирующее положение. Но нужно отметить, что создание конфронтационного образа России было не только следствием военных конфликтов между двумя странами в XX в., но и определенной антироссийской и антисоветской

1. Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-02020а и представляет продолжение исторического обзора японского россиеведения, опубликованного в № 4 за 2007 г.

атмосферой, поддерживавшейся в стране разными политическими силами, прежде всего националистическими. В «холодной войне» Япония была в стане противников СССР и соцлагеря, и ее население с помощью СМИ естественно ориентировалось на СССР как на «страну-врага». Этому также в немалой степени способствовали не заключенный до сего дня мирный договор между двумя странами и постоянно используемый в Японии для нагнетания антироссийских настроений вопрос о «северных территориях», как называют японцы южные Курилы (12).

Интерес японцев к радикальным переменам в СССР, начатым перестройкой, подогревался не только желанием смягчения напряженности в отношениях между двумя странами, но и другими важными обстоятельствами. Во-первых, СССР (Россия) – великая держава, чей вес и активность в мире никак нельзя игнорировать, с ними должна считаться и Япония. Во-вторых, с СССР (Россией) тесно связаны интересы определенных экономических и политических сил и групп Японии, остро переживающих радикальные изменения в экономике и политике своего соседа. В-третьих, внимание к СССР и его опыту социалистического развития поддерживалось также наличием в японском обществе левой оппозиции хотя и разнородной, но ориентирующейся на марксистскую идеологию и видевшей в СССР попытку (даже при критической оценке ее) реализации идеи социалистической революции.

Все эти факторы определяли основной фон японского интереса к радикальным реформам в СССР и России.

Японские интерпретации событий в нашей стране, как правило, отражают позиции, взгляды и интересы не только самих авторов, но и представляемых ими политических и социальных групп и сил японского общества и их видение национальных интересов Японии.

II

Перестройка в СССР дала многим японцам надежду на коренное изменение отношений с северным соседом и его образа в сознании соотечественников.

Демократически настроенные ученые отнеслись к перестройке как к положительному явлению в жизни Советского Союза, видя в ней источник для пробуждения скрытого потенциала и обновления. Как пишет Вада Харуки, «брежневский режим, который можно назвать высшей и последней стадией сталинской модели социализма, был режимом без исторической памяти, или режимом, основанным на запрете изучения исторического прошлого» (1, с. 261). И «поэтому неудивительно, что Михаил Горбачёв,

начав с 1986 г., после чернобыльской трагедии, перестройку, первым делом снял печать запрета с исторического знания. Для того, чтобы люди почувствовали себя свободнее и стали более активными, необходимо было избавиться от наихудшего наследия предыдущих двадцати лет брежневского правления» (1, с. 262).
И далее он отмечает: «Было понятно, что без исторической Памяти и реабилитации Правды народ не сможет восстановить свою этическую общность и стать полноправным участником исторического процесса. *Правда* и *память* стали ключевыми словами того времени» (1, с. 262).

Вада подчеркивает, что центральной темой переосмысления опыта Советского Союза и его истории на первом этапе перестройки стали сталинизм и феномен Сталина. В полемике по этой теме переплетались разные интересы. «Но что было действительно необходимо, – пишет Вада, – это создание четкой картины и глубокое осмысление той системы, которая возникла в результате сталинской “революции сверху” и которую перестройка должна была разрушить и заменить новой моделью общественного устройства» (1, с. 262). Советский Союз в те годы стал похож на «обветшалое здание, подлежащее реконструкции, но все еще заселенное жильцами. Какую часть здания разрушить? Какую сохранить, чтобы спасти жильцов? Без ясного понимания сути системы грамотная реконструкция будет невозможна» (1, с. 262).

Поэтому, в частности, «насущно необходимым» было создание «более правдоподобной, более убедительной, более полнокровной картины исторического прошлого. Без понимания национальной истории ни одна нация не смогла бы осуществить такую предельно сложную задачу как перестройка, которая явилась, по сути, мирным и демократическим вариантом «революции сверху», – чем-то до сих пор невиданным в русской и советской истории» (1, с. 262).

Вада Харуки считал перестройку демократическим вариантом «революции сверху» (1, с. 295). В своей книге «Мой взгляд на перестройку» (9), увидевшей свет в 1987 г., он утверждал, что перестройку в СССР можно сравнить с «великими реформами» в России после Крымской войны (9, с. 197–202).

Японцев волновала судьба перестройки, и поэтому иногда в своих оценках событий в СССР они предлагали варианты разрешения возникавших проблем и конфликтов. Так, японский историк Ивасаки Масааки, анализируя вспыхнувшие во времена перестройки народные недовольства, связал их со слабостью «естественной», «почвенной» демократической прослойки в российском обществе. Благодаря созданному еще во времена монголо-татарского ига «механизму экспроприации», прочно закрепившемуся в России, русский крестьянин влачил жалкое зависимое существование, будучи

анархичен и отчужден от государства и его интересов. Ивасаки предлагал Горбачёву использовать опыт Японии, где демократизм создавался сверху после «реставрации» Мэйдзи (1867–1868) в форме «официального абсолютизма». Он рекомендовал использовать форму «официального абсолютизма», тем более что ею в Китае воспользовался Дэн Сяопин, провозгласив теоретически противоречивый, но вполне реалистичный лозунг «в политике – диктатура партии, в экономике – дорога реформам» (11, с. 53).

Вопрос о том, почему, несмотря на перестройку, не развивается советская экономика, занимал важное место в работах японских ученых-экономистов. Ответ на него, в частности, попытался дать профессор университета «Мэйдзи Гакуин» Накаяма Хиромаса, пришедший к заключению, что основным препятствием развития советской экономики является командно-административная система управления. Она привела к появлению таких проблем, как: 1) разрушение сбалансированности экономического развития и рост нерационально используемых материально-финансовых затрат; 2) рост дефицита материальных ресурсов и потребительских товаров; 3) рост количества убыточных предприятий при значительном увеличении (и в относительном и в абсолютном выражении) финансовых субсидий; 4) значительное увеличение управленческого аппарата и затрат на него при одновременном снижении его эффективности (17, с. 65). Во времена перестройки эти проблемы только обострились. В результате «первой тяжелой проблемой, с которой столкнулась перестройка, стали проблемы товарного дефицита и инфляция» (17, с. 124). Они породили массовое недовольство и привели к росту забастовок рабочих, потрясших не только отдельные регионы (как, например, Кузбасс), но и всю страну и превратившихся в одну из основных проблем перестройки. Сельское хозяйство запуталось в вопросах подряда и арендных отношений. Межнациональные разногласия и «парад национальных суверенитетов» создавали деструктивную атмосферу в стране и препятствовали ее экономическому развитию.

Экономические проблемы, усугубившиеся во времена перестройки, по мнению Накаяма Хиромаса, являются наследием сталинских методов управления страной и экономикой. «Перестройку… можно назвать “антисталинистским движением”» (17, с. 306). Но что такое сталинизм? Радикальная российская интеллигенция воспринимает его как марксизм, заявляет Накаяма. «Критиковать сталинизм легко. Однако не существует одного пути, по которому следует двигаться в конструктивном направлении. Особенно, если учесть, что развороту экономической системы сопутствуют специфические трудности…» (там же).

Признавая экономические проблемы СССР порождением командно-административных методов управления, Накаяма в то же время не предлагает

отказаться от социалистического выбора, полагая возможными поиски различных путей в этом направлении.

Но среди японских сторонников перестройки были и радикально настроенные и либерально мыслящие ученые. Один из них – политолог, профессор Международного центра японских культурологических исследований Кимура Хироси писал: «Перестройка, как и революция, состоит из двух рабочих процессов: разрушения старой системы (de-institutionalization) и создания новой системы (re-institutionalization). Горбачёв не смог полностью разрушить старую систему. Прежде всего ему трудно было совсем отказаться от коммунистической идеологии и демонтировать коммунистическую партию. Кроме того, он не был решителен при переходе к экономике с рыночным механизмом, опирающимся на два основных столба: систему частной собственности и либерализацию цен. Кроме того, у него не было мужества, следуя принципу самоопределения народов.., допустить их фактическое отделение от Советского Союза, и провозглашения независимости» (15, с. 42).

Если демократически настроенные японские ученые видят в перестройке попытку избавления советского общества от наследия сталинизма, то часть японских левых, напротив, усмотрели в ней продолжение сталинизма и реализацию заложенного в нем потенциала бюрократизации. Их позицию выразил философ Курода Канъити в книге «Сны Горбачёва» (3). Написана она, по словам самого автора, в «странной и непривычной… форме изложения», а именно в форме «социально-утопических пьес», действующими лицами которых являются исторические личности, в частности, Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Андропов и др., в том числе японские, марксисты разных направлений. В их уста Курода «опосредованно» вкладывает свою критику «горбачёвской идеологии и политики, которая проводилась под лозунгом «деидеологизации» (3, с. 5). Его книга наполнена революционным пафосом: «Вместе с революционными рабочими Японии я заявляю о своей готовности продолжать борьбу за мировую пролетарскую революцию в хаосе современного мира, вступающего в XXI век» (3, с. 5).

Обличением идеи перестройки исполнено и обращение Куроды, как он пишет, «к нашим друзьям, борющимся за революционное самоосвобождение на территории бывшего СССР» (3, с. 5). «К сожалению, – сетует он, – вы вынуждены жить в условиях экономического обнищания и политических потрясений, вызванных провалом горбачёвской перестройки и некомпетентностью нынешнего правительства» (3, с. 5). Курода призывает вступить «на путь борьбы против превратившихся в мафиози бюрократов и против торгашеской мафии в целом» (3, с. 5).

Устами своих «героев» Маркса, Энгельса, Ленина, Троцкого он обличает социал-демократизм Горбачёва. «Сталинистский Советский Союз (говорит у него Маркс. – *М.Н.*) должен быть разрушен, но этого нельзя добиться с помощью горбачёвской “перестройки”, выдвигая в качестве альтернативы то, что у них называется “гуманный и демократический социализм”» (3, с. 184). Энгельс называет перестройку «отголосками и наследием социал-демократии». Курodовский Ленин развивает эту же мысль: «А путь к социал-демократии непременно приведет к уничтожению революционной России как таковой» (3, с. 184). По мысли Троцкого, советское государство «оккупировано кремлевскими бюрократами, впавшими в иллюзию, что сталинская бюрократическая планируемая экономика может быть залатана мерами капитализации» (3, с. 185), поэтому «пришла пора не второй дополнительной революции, а второй пролетарской революции, чтобы смести бюрократов-неосталинистов, натянувших “гуманные” и “демократические” личины!» (3, с. 185). Его слова поддерживает Ленин: «Мы должны перевернуть советское государство, оккупированное бюрократами под предводительством Горбачёва! Они потихоньку протащили отнюдь не теорию “перманентной революции” товарища Троцкого, а теорию “перманентной демократической революции” и пытаются переделать сталинское государство в социал-демократическое» (3, с. 185).

Герои Куроды называют перестройку «откатом к капитализму» (Троцкий), «капитуляцией перед капиталистами всех стран, включая США» (Ленин). Обличая горбачёвскую реформу органов власти в СССР, Ленин у Куроды заявляет: «Копирующая буржуазную представительную систему перестройка Совета сталинского типа – не более чем псевдоперестройка. Я считаю и заявляю, что стирание существенных различий между буржуазной парламентской системой и советской системой символизирует отказ от материалистического мышления. Революционная Россия погибла, совсем погибла…» (3, с. 97). Поэтому необходимо «показать, что горбачёвское руководство потрясающим образом выродилось» (3, с. 216). Легализация индивидуальной трудовой деятельности в СССР – это попытка реформаторов «возбудить в рабочих и крестьянах мелкобуржуазное чувство собственности и воспользоваться их эгоизмом для повышения производительности труда» (3, с. 172).

Устами своих героев Курода обвиняет Горбачёва в немарксистском понимании таких проблем, как социализм и свобода, овеществление и социализм, в преклонении перед монополистическим капитализмом, в уничтожении революции, фальсификации истории, в неверных представлениях о гуманизме в современную эпоху, об освобождении, о государстве, нации и классах. Курода считает неправильными мысли Горбачёва об изменении современного развитого капитализма и сдвиге его к

экономической формации, уже не являющейся чисто капиталистической, об изменении формы современного существования рабочего класса, превращении пролетариев в «умственных рабочих», пользующихся всеми благами «общества изобилия», стирании грани между умственным и физическим трудом и сотрудничестве между менеджерами и рабочими с целью повышения эффективности производства, о чем (по мнению Горбачёва у Куроды) свидетельствует тот факт, что в СССР ВНП на душу населения равен 8 тыс. долл. США, а в Японии – 23 тыс. долл., т.е. «в капиталистической Японии уровень жизни рабочих выше, чем в нашей стране» (3, с. 225). На это один из героев Курода возражает: «Вы используете уровень жизни или изобилия в качестве основного мерила, по всей видимости, из-за того, что впали в современный рационализм… Пролетариат не может выжить, не продавая свою рабочую силу как товар. Как наемный рабочий он не более чем овеществленный человек. Без подлинного снятия этого исторически конкретного вида общественного существования не может быть окончательного освобождения человека. В “Капитале” Маркс раскрыл тайну фетишизма товаров, денег и капитала. В этой работе логически объяснена необходимость ликвидации того жалкого общественного существования, где все подчинено погоне за прибылью, и в этом ее всемирно-историческое значение» (3, с. 225–226).

«Классики» обвиняют Горбачёва в том, что, потрясенный проявившейся в конце XX в. крайне жалкой реальностью социалистического обнищания, он усомнился в марксизме и одержим нигилизмом. «Это прежде всего доказывает, что в марксизме вы ничего не поняли», – резюмирует один из «героев» Курода (3, с. 230). Куродовские «герои» обвиняют Горбачёва и реформаторов в непонимании превращения рабочей силы в товар. Маркс говорит: «Они же изучали потребительную стоимость и стоимость рабочей силы как товара и поэтому скатились до упрощенного понимания лишь с позиций результатов труда как объектированной, проявленной, материализованной рабочей силы» (3, с. 173). Соглашаясь с ним, Энгельс произносит такую фразу: «М-да, они в самом деле тупы» (там же), а Ленин заявляет: «Философия, описывающая превращение рабочей силы в товар, философия капиталистического овеществления у них просто испарилась!» (там же).

Японские философы и политэкономы у Курода утверждают: у Горбачёва нет никакой философии и политэкономии; «единственное, что у него есть, так это примитивное, обывательское понимание гуманизма» (3, с. 103).

При идеологической разнонаправленности демократических и левых суждений о перестройке они сходятся в критике сталинизма с той лишь разницей, что для первых перестройка – это отказ от него, для вторых – это

торжество порожденных им сил, торжество окрепшей сталинской бюрократии.

III

События в СССР во второй половине 1991 г. и развал СССР, естественно, привели к смещению центра внимания японских советологов и россиеведов на реформаторскую деятельность и политический курс российского правительства, возглавляемого Б.Н. Ельциным.

С исчезновением СССР с карты мира японцы стали использовать в названиях институтов, организаций, периодических изданий вместо слов «советский» или «СССР» определения «евразийский», «славянский», «Евразия», распространяя их как общие понятия на все входившие прежде в состав СССР республики и территории.

В годы перестройки отношение японцев к Б.Н. Ельцину было поначалу настороженно двойственным, поскольку, с одной стороны, они опасались, как бы его политическое (хотя и демократическое) поведение не подорвало (в результате возможной активизации антиперестроечных сил) начатый Горбачёвым курс на демократические преобразования в Советском Союзе и смягчение международной обстановки, а с другой – надеялись с помощью Ельцина положительно для себя разрешить некоторые важные для Японии вопросы в отношениях с северным соседом (3, с. III–VI). С развитием событий в СССР, особенно после августовского путча и развала Советского Союза в 1991 г., Ельцин как президент новой России занял центральное место в работах японских исследователей-русоведов. Первоначально их основное внимание было сосредоточено на борьбе Ельцина и поддерживавших его демократических сил с коммунистами за власть в России. Затем на первое место вышли реформы в России и связанные с ними проблемы обнищания народа, социальных и национальных конфликтов, войны в Чечне, появления олигархов и эффективности новой власти.

Связывая реформы в СССР и России с именами их лидеров и инициаторов, японские исследователи сравнивали Горбачёва и Ельцина, их жизненный путь, характеры, политические курсы и поведение в годы реформ.

Японский политолог Кимура Хироси в книге о Б.Н. Ельцине (15) выделяет несколько общих черт в биографиях и характерах Горбачёва и Ельцина: оба родились в 1931 г.; по национальности – русские; по социальному происхождению – крестьяне; оба крещены (правда и тот, и другой не верят в существование Бога); оба в детстве лишились отцов и воспитывались матерями; оба продвинулись в первые секретари обкомов

КПСС в областях, расположенных на далеком расстоянии (1200–1400 км) от Москвы; дети у обоих – только девочки (15, с. 2).

Среди основных биографических различий между Горбачёвым и Ельциным Кимура выделяет следующие: 1) по астрологическому знаку рождения: Горбачёв – «рыба», Ельцин – «водолей»; 2) по характеру полученного высшего образования: гуманитарное у Горбачёва как выпускника юридического факультета МГУ и инженерно-техническое у Ельцина как выпускника Уральского политехнического института; 3) по времени вступления в КПСС – Горбачёв в двадцать лет (в 1952 г.), Ельцин – почти на десять лет позже (в 1961 г.); 4) по внешним формам проявления характера: у Горбачёва живой, свободный, общительный характер, у Ельцина – угрюмый, неприветливый.

Сравнивая стиль и манеру поведения и руководства Горбачёва и Ельцина, Кимура Хироси приходит к заключению, что Горбачёв обладает мягким «женственным характером», а Ельцин – «воплощение мужского характера» (15, с. 3). Первого отличают нерешительность, приспособляемость к общей ситуации, уклонение от окончательных решений. Ельцин с его грубостью, невоспитанностью, косноязычием, но ответственностью и харизматическими качествами руководителя воспринимался многими в России как «русский мужик»; рядовые горожане считали ельцинский стиль управления страной стилем поведения «простого мужика» (15, с. 3).

Отмеченные сходства и различия рельефно отразились в отношении к реформам и политическом поведении двух государственных деятелей.

Для многих японцев развал Советского Союза был неожиданным. Тремя цементирующими его единство факторами японские специалисты (например, Кимура Хироси) считали: 1) консолидацию под угрозой вторжения внешнего врага; 2) сплачивающую коммунистическую идеологию и однопартийность; 3) существование развитого аппарата центральной власти и силовых структур, направленных на поддержание и упрочение единства СССР (15, с. 65–66). Во времена перестройки влияние этих факторов значительно ослабло.

Некоторые исследователи считают, что события второй половины 1991 г. только формально подтолкнули или ускорили процесс развала, подспудно вызревавший в условиях тоталитарного режима и обострившийся в условиях демократизации во времена перестройки, но развал верховной власти в СССР во время путча подтолкнул руководителей союзных республик к самоутверждению их суверенной и в то же время достаточно авторитарной власти (без диктата центра и КПСС) в своих республиках. Национально-освободительное движение во многих случаях было активизировано или даже возглавлено бывшими партийными лидерами, пытавшимися сохранить

власть в республиках под своим контролем. Коммунистическая идеология была заменена национальной или даже националистической с прибавлением толики демократизма, отчасти в том же духе были реформированы и институты власти. Эта тенденция нашла свое отражение в противостоянии центра и республик, сочетавшем в себе элементы демократизма и национализма. Центр пытался нанести удар, организовав в августе 1991 г. путч, республики нанесли ответный удар ослабевшему центру в форме «тайного сговора в белорусском лесу» (по выражению Кимура Хироси). Родившаяся в Вискулях идея создания Содружества независимых государств основывалась на трех главных положениях. Во-первых, в отличие от идеи Союза, она в сущности была позитивной идеей, предполагавшей не наличие единого сильного центра, а передачу большинства функций в ведение бывших союзных республик. Во-вторых, СНГ можно назвать «грёзами» о единстве, поскольку в действительности трудно представить возможность реального единения при наличии множества противоречий между его участниками и отсутствии сплачивающего их центра. В-третьих, СНГ – аморфная концепция, поскольку Содружество почти не имеет никаких общих институтов власти, что позволяет ему гибко приспосабливаться к меняющимся условиям, но в то же время снижает его способность функционировать как целостное образование, хотя потребность в этом может быть велика, особенно на экономическом уровне и прежде всего в сфере энергоресурсов.

В системе СНГ действуют как центростремительные, так и центробежные силы. Первые имеют экономические основы, заложенные курсом советского руководства на экономическую интеграцию союзных республик; их подкрепляют традиция политической и внешнеполитической привязки развития к решениям единого центра и сами организационные формы дезинтеграции СССР, неизбежно связанные с практикой старого Союза.

Среди центробежных сил Кимура Хироси выделяет отсутствие «общего врага», каковым для руководителей республик до этого являлись конкретно Москва, центр, Горбачёв. Далее, сама иллюзорность общности в концепции СНГ способствует еще большей активизации центробежных тенденций. Третьей центробежной силой Кимура считает то обстоятельство, что идея СНГ родилась как «надстройка» (по-японски – *татэмаэ*) или идеология, далекая от реальной жизни (15, с. 75).

Получив всю полноту власти в Российской Федерации, Ельцин и его команда приступили к реализации своих реформаторских идей. «Шоковая терапия», избранная командой Ельцина в качестве основного средства для оживления российской экономики, имела свои плюсы и минусы. Она открыла дорогу для развития рыночных отношений, но в то же время она была

«лечением без лечения», в ее концепции было много ошибок и исходила она из неверного понимания капитализма, что привело к появлению в России «экономики мыльных пузырей», расцвету мафиози, обогащению небольшой кучки людей, подавлению еще не вставшего на ноги среднего класса, обнищанию миллионов россиян.

Одновременно с этим в России разворачивалось политическое соперничество за власть между президентом Ельциным и Верховным Советом, Ельцин вел борьбу с горбачёвским наследием. Он переходил от роли революционера, борющегося за демократические ценности, к роли национального лидера – главы государства. Но в этой роли он совершил немало трагических ошибок, грозивших стране большими провалами как в ее внутренней жизни, так и на международной арене.

В борьбе с прокоммунистическим Верховным Советом Ельцин перешагнул демократически дозволенную границу и пошел на применение военной силы для его разгона. Вслед за этим, в декабре 1993 г. была принята новая Конституция РФ, по которой президент получал неограниченную власть. Хотя законодательные акты вместо Верховного Совета принимала теперь Дума, фактически все находилось под строгим контролем президента и его аппарата. Это обстоятельство открыло реформаторам дорогу к полному переделу собственности, часто неэффективному, но размывающему почву под ногами «красных директоров» и лишавшему коммунистов и оппонентов Ельцина финансовой подпитки.

В то же время в России нарастали сепаратистские настроения. Проявлением их, в частности, стала война в Чечне, обернувшаяся для России и ее президента Ельцина настоящим позором. Все это подрывало авторитет Ельцина в народе, тем более что экономика России разваливалась, страна жила за счет займов у Международного валютного фонда, предприятия закрывались, прокатились забастовки шахтеров и их манифестации в Москве. На парламентских выборах 1995 г. большинство мест в Думе получили российские коммунисты. В 1996 г. Ельцин с трудом был снова избран президентом, но для этого пришлось привлечь большие финансовые, административные ресурсы и организовать пиар-кампанию с широким использованием электронных СМИ.

Задавая себе вопрос «Как же будущий историк оценит Бориса Ельцина?», Кимура Хироси тут же отмечает: «Возможно, он растеряется перед его многоплановым и многообразным имиджем и испытает трудности в создании унифицированного образа Ельцина» (15, с. 212). Партаппаратчик, более 30 лет бывший в рядах КПСС и занимавший в ней высокие посты, в годы перестройки стал лидером оппозиционной «Межрегиональной группы» вместе с Сахаровым, Афанасьевым, Поповым; действуя как популист, он завоевал широкую поддержку простого народа. Демократизм в Ельцине

сочетался с авторитаризмом, склонностью к насильственным действиям, приверженностью к федерализму, сформировавшимся у него под большевистским влиянием.

В целом Кимура Хироси считал Ельцина руководителем переходного периода, чья миссия была завершена уже к 1997 г. (время опубликования его книги).

IV

Если при оценке реформ Горбачёва и Ельцина японские исследователи акцентировали внимание на утверждении демократической власти и институтов и противостоянии им коммунистов, то при анализе реформ в России во времена В.В. Путина их занимают прежде всего вопросы функционирования новой власти, ее прочности и соответствия «демократическим стандартам» и ценностям капиталистического общества.

Во времена президентства Путина японских россиеведов, как и многих специалистов по России на Западе, постоянно волновал вопрос, приведет ли курс Путина «к упрочению новой авторитарной системы», или «путь на демократизацию и создание гражданского общества неизбежен» (21, с. 32).

Этой проблеме посвящена, в частности, книга Эгаси Хироси «Империя Путина» (24).

Японские россиеведы прежде всего отмечают, что избранный в 2000 г. президентом России В.В. Путин столкнулся с множеством проблем, доставшимся ему от его предшественника, и одной из основных и приоритетных задач было упрочение централизации власти в России. Как пишет профессор Центра славянских исследований при университете Хоккайдо (г. Саппоро) Мацузато Кимитака, «Российское федеративное государство, которое в конце 1990-х годов находилось на грани превращения в конфедерацию, при новом Президенте РФ В.В. Путине встало на путь централизации». В чем истоки реформы Путина? Диктовалась ли она интересами Центра или же самих регионов, которые в результате позднее ельцинского «восторга от регионализма» попали в тупиковую ситуацию? Почему регионы, в том числе сильные, уступили новому президенту так легко? До какой степени изменились взаимоотношения между Центром, регионами и субрегионами после начала реформ Путина? (4, с. 6).

Централизаторскую реформу Путина нельзя рассматривать только в свете реакции на кризисное состояние российской государственности, вызванной усилением центробежных тенденций, характерных для политики региональных властей в позднеельцинский период. «Скорее, – пишет Мацузато, – она имеет эволюционный характер и в первую очередь

соответствует современному этапу развития российского капитализма» (4, с. 7).

После финансового кризиса 1998 г. в российской экономике впервые со времени «краха социализма» обозначились признаки хозяйственного возрождения, это привело к активизации движения капитала, возникновению новой волны передела собственности и превращению олигархов в «игроков» «поистине общегосударственного масштаба» (4, с. 7). Активизация межрегионального движения капитала подорвала «замкнутую, патримониальную региональную экономику», представлявшую собой основу влияния региональных элит. Это изменение, скорее всего, ударило по руководителям многоресурсных регионов, таких как Коми, Башкортостан и Нижегородская область, которым удалось построить «сильный замкнутый рынок» еще до кризиса 1998 г. Региональным руководителям, избравшим модель «слабого открытого рынка» или из-за малоресурности своего региона сумевшим построить только «слабый полузакрытый рынок», «было относительно нетрудно пережить изменения на российском фондовом рынке после 1998 г.» (4, с. 7–8). Активизация межрегионального перемещения капитала привела к тому, что полномочные представители президента в федеральных округах стали часто играть роль брокеров (4, с. 8). Так, например, в Республике Коми, федеральным инспектором стал человек из «Лукойла». Известно много случаев подобного «брокерства». Показательны в этом отношении слова из речи Дальневосточного представителя президента К.Б. Пуликовского по случаю двухлетней годовщины введения института полпредов: «Раньше, во время реформы, до нашего региона у крупного капитала руки не доходили. Теперь наше время пришло. И я положительно воспринимаю, когда в регион приходит крупный серьезный капитал» (4, с. 8).

Путин избрал эволюционный путь проведения реформ. «Эволюционный характер реформы Путина, – пишет Мацузато, – четко прослеживается в межполитических отношениях, или в отношениях между уровнями политики» (4, с. 8). Существует упрощенное, но распространенное понимание межполитических отношений в России, будто бы они развивались в направлении от региональной автономии и слабого взаимодействия при Ельцине к интенсификации при Путине. На самом деле даже в позднеельцинский период, пишет Мацузато, главам регионов чрезвычайно важно было стать эксклюзивным партнером Центра. «Их эксклюзивный статус в отношениях с Москвой являлся и является одним из двух главных условий стабильности их режимов. Вторым выступает создание и сохранение “пакта элит”. Разумеется, оба эти условия часто представляют собой лишь две стороны одной медали: когда “пакт элит” разрушается, появляется альтернативный главе партнер центра и наоборот» (4, с. 8–9).

Региональная политика В.В. Путина, по мнению Мацузато, достаточно реалистична. Если Центр ищет в регионе альтернативного и *реального* (т.е. «*проходного*») партнера, то к действующему главе он относится жестко и не исключает возможности его замены. В противном случае центр находится в поисках компромисса с действующим главой и даже помогает ему усилить свой статус эксклюзивного партнера центра, как это произошло в случае с М. Шаймиевым в Татарстане и В. Любимовым в Рязанской области. Однако последствия этих двух противоположных тактик оказались одинаковыми: в результате монополия правящего или вновь победившего клана каждый раз заметно усиливалась (4, с. 9–10). Биполярная региональная практика Б. Ельцина («баланс кланов») сменилась путинской («сильный клан берет все») с опорой на «клан-победитель, если угодно, клан-хищник» (4, с. 10).

Отличие ельцинской региональной политики от путинской Мацузато видит в том, что: во-первых, при «позднем» Ельцине региональные руководители, как правило, могли выражать свою поддержку президенту лишь с большими оговорками и многословными оправданиями. «Ведь при резком снижении уровня жизни населения, распаде нравственности общества, “потере лица” Россией на международной арене и в условиях действия других отвращающих факторов первой половины 1990-х годов безоговорочная поддержка Ельцина могла превратить региональных лидеров в глазах рядовых избирателей чуть ли не в сознательных ненавистников России. Благодаря активному выдвижению Путиным патриотических лозунгов местным “баронам” стало намного легче становиться частью общенациональной электоральной машины» (4, с. 10). Во-вторых, сказался фактор второй чеченской войны: в ее условиях так легко было стать объектом «высочайшей» критики за антипатриотизм.

При Путине в электоральной политике центра более основательно, чем при Ельцине, укоренились, по словам Мацузато, «правила касикизма», «согласно которым вышестоящие боссы определяют свое отношение к нижестоящим, учитывая электоральные способности последних» (4, с. 10).

Самое значительное различие между Ельциным и Путиным, обусловившее последующее развитие «касикизма», Мацузато обнаруживает в их подходах к региональной элите. Ельцин был убежден, что, приобретая в своем регионе монопольный статус, местные руководители непременно превращаются в сепаратистов. Именно по этой причине он стремился в том или ином регионе иметь соперников главе в лице мэра регионального центра и т.п. Путин же позволяет, а в отдельных случаях и поощряет глав регионов становиться монополистами, взамен требуя от них жесткого подчинения центру.

В целом при Путине «региональные как, вероятно, и субрегиональные элиты сильнее ощущают совпадение своих интересов с интересами центральных

элит» (4, с. 10–11). Это благоприятно воздействует на развитие общенациональной партийной системы. При Путине развивается только одна общероссийская клановая партия, а именно – «Единая Россия», «программные» же партии (и левые, и либеральные) находятся в глубоком кризисе. «В этом заключается еще один признак традиционализма В. Путина. Таким образом, режим Путина процветает на почве, обработанной Ельциным» (4, с. 11).

По мнению Мацузато, путинская политика привела к переориентации региональных правящих элит по сравнению с позднеельцинскими временами. При «позднем Ельцине» Татарстан и Коми политически ориентировались на правовой сепаратизм, компенсированный политической лояльностью Ельцину, с моноцентристской моделью конфигурации элиты; Самарская и Ульяновская области ориентировались на правовую и политическую лояльность Ельцину, но имели разные конфигурации элит (первая – моноцентристскую, а вторая – бицентристскую); Рязанская и Тамбовская области ориентировались на лозунговую левизну, но на деле придерживались умеренной позиции, имея моноцентристскую (первая) и бицентристскую (вторая) конфигурации элиты; Краснодарский же край, возглавлявшийся губернатором Н. Кондратенко, представлял собой «мятежную цитадель» с моноцентристской моделью конфигурации элиты (4, с. 12). Если не считать руководства Краснодарского края, руководители других областей и республик (Татарстана, Тамбовской, Рязанской и Ульяновской областей) к концу 90-х годов постепенно отказывались от типичных для них в середине 90-х годов прокоммунистических или левоцентристских установок.

При Путине региональные элиты стали более правоцентристскими и лояльными центру, чем при Ельцине. «Парадокс реформы Путина, таким образом, заключается в том, что при нем, по видимости старающимся ограничить влияние региональных элит, последние стали еще более монолитными», – обобщает Мацузато (4, с. 13). Их объединила общая принадлежность к «правящему клану» на общероссийском уровне, достигнутая благодаря путинским реформам.

Как отмечают японские исследователи, в политическом курсе Путина важное место занимает идея создания «партии власти». По мнению политолога Оогуси Ацуси, хотя появление партии «Единая Россия» и ее монополия в Российской думе не свидетельствуют о торжестве демократии в России, она обладает большой мобилизационной силой. Правда «система партии власти в России еще четко не отлажена», но она, «очевидно, является эффективной концепцией» (18, с. 19). «Единая Россия» скорее опирается на практически-организационные методы работы, использующие такие понятия как патернализм, покровительство, «касикизм», чем на идеологию. Но «Единая Россия» в некоторых отношениях хрупка. Во-первых, из-за

доминирования в России системы сильной президентской власти в условиях раскола в администрации президента или в правительстве при отсутствии у президента преемника «Единая Россия» может расколоться, т.е. кризис ее «придет сверху». Во-вторых, «Единой России» необходимо превратиться из партии-«профсоюза бюрократов» в партию с более широким социальным представительством и расширить социальную базу своей поддержки. В-третьих, несмотря на большие мобилизационные ресурсы партии, она может столкнуться с теми же проблемами бюрократизации, с которыми в прошлом столкнулась КПСС, что приведет к росту политической индифферентности в России (18, с. 18–19).

Изменения в системе государственной власти в России также являются предметом внимания японских россиеведов. Анализируя эти изменения с точки зрения соответствия нормам современного демократического общества, они в то же время отмечают и их своеобразие. Так, профессор университета Васэда Цуда Юко подчеркивает, что после принятия в декабре 1993 г. новой конституции в России «произошел отход от премьерско-президентской системы, приближение к президентско-парламентской системе» (23, с. 5). Сегодня в России президент избирается на прямых всенародных выборах, назначает министров и имеет право распустить парламент. Хотя президентская система в России отражает национальную специфику исторических условий ее формирования, в общем она соответствует стандартам современной демократии.

Японские экономисты также отмечают, что при Путине начал активно развиваться российский бизнес (13), российские корпорации (9); российские компании успешно сотрудничают с многонациональными корпорациями (14); растут иностранные инвестиции крупных российских компаний (19).

Но при значительных экономических успехах был сделан шаг назад в области демократических свобод, поскольку под контроль попали средства массовой информации (8).

Возможность реализации идеи создания гражданского общества в России, провозглашенной Путиным одной из основных целей его политики, вызывает у японских россиеведов большие сомнения. Как пишет Накамура Ицуро в статье «Гражданское царское общество в России. Эпоха Путина» (16), в условиях экономического обнищания народа, политической нестабильности, роста общественных разногласий в стране этому будет еще препятствовать и многовековая традиция, ориентирующая русский народ на поддержание авторитарной (царской) власти. Согласно этой традиции, на основе моральной оценки, выносимой народом, верховная власть в лице царя строит свою политику. Сколь бы ни были остры общественные противоречия, как бы народ ни ошибался в оценке добра и зла, окончательное разрешение этих противоречий и ошибок доверяется

верховному властителю, «иными словами, – пишет Никамура, – при углублении общественных заблуждений россиянин возлагает надежды на сильного государственного деятеля. Но если этот верховный политик не прислушается к материальным требованиям народа, часть его может по обычаю перейти в террористы» (16, с. 36). Иными словами, идеям гражданского общества трудно реализоваться в России в силу того, что традиционно российский народ привык разрешать возникающие в стране проблемы и противоречия способами, характерными не для гражданского общества, а для авторитарных режимов.

Специалист по российскому праву из университета «Гифу» Такэмори Масатака, оценивая путинский курс на централизацию власти и называя его «революцией сверху», пишет: «Стратегия Путина, хотя и авторитарная, является стратегией неанархичной, функционально эффективной демократической системы. Сознание большинства современных россиян, вероятно, близко к такому пониманию ее. Однако нет гарантии, что благодаря “революции сверху” в России появится зрелое гражданское общество. Трудно, вероятно, отрешиться от авторитарного характера» (21, с. 32).

Вывод о двойственной природе современного российского государства и общества соответствует общему ментальному восприятию нашей страны в Японии, в котором нет резких сдвигов в сторону негативизма или приязни (характерных для иных западных изданий) и прослеживается стремление к конструированию сбалансированных представлений о «северном соседе».

Литература

1. Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. – М., 1999. – 400 с.

2. Корнилов М. Русская история, политика и культура в восприятии японцев // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 4(57). – С. 111–127.

3. Курода Канъити. Сны Горбачёва. (Перестройка в СССР: Взгляд из Японии). – М., 1994. – 256 с.

4. Мацузато Кимитака. Предисловие // Феномен Владимира Путина. – С. 6–13.

5. Мацузато Кимитака. Электоральная география России: Белый, красный, серый и взрывной пояса / Выборы и партии в регионах России. – М., СПб., 2000. – С. 170–194.

6. Феномен Владимира Путина. – Саппоро, 2005. – 264 с.

7. Авата Сатоси. Росиа-но ко:поратэндзуму. – Сонно мондаймэн. (Российский корпоративизм. Его проблемы) // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2007. – № 36. – С. 63–65.

8. Асо Масахиро. Путин сэйканка-но массу мэдиа (Российские СМИ при Путине) // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2005. – № 32. – С. 21–26.

9. Вада Харуки. Ватаси-но мита пэрэсуторойка (Мой взгляд на перестройку). – Токио, 1987.

10. Ёкотэ Синдзи. Гэндай Росиа сэйдзи ню:мон. (Современная российская политика. Введение). – Токио, 2005. – 154 с.

11. Ивасаки Масахаки. Росиадзин то нихондзин. (Русские и японцы). – Саппоро, 1990. – 210 с.

12. Ивасита Акихиро. Хокухо: рё:до мондай. (Проблема северных территорий). – Токио, 2005. – 284 с.

13. Икэда Масахиро. Росиа бидзинэсу-но юкуэ. (Положение российского бизнеса) // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2005. – № 32. – С. 15–20.

14. Иман Масакадзу. Росиа кигё-но такокусэкка-о гайнан суру. (Общий обзор интернационализации российского бизнеса) // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2005. – № 34. – С. 2–7.

15. Кимура Хироси. Борису Эрицин. Ити Росиа сэйдзика-но кисэки. (Борис Ельцин. Путь первого российского президента) – Токио, 1997. – 14, 240 с.

16. Накамура Ицуро. Россиа ко:тэй симин сякай – Путин-но дзидай. (Гражданское общество императора Путина) // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2004. – № 31. – С. 31–36.

17. Накаяма Хиромаса, Мальцев Ю.Н., Олейник И.С. Пэрэсуторойка то кэйдзай кайкаку. Собиэто кэйдзай-но парадоксу. (Перестройка и экономическая реформа. Парадоксы советской экономики). – Токио, 1990. – 14, 306 с.

18. Оогуси Ацуси. Сэйфуто: тайсэй-но сэйдока: «То:ицу Росиа» то: – но хаттэн. (Формирование системы правительственной партии. Развитие партии «Единая Россия») // Тайсэй тэнканго-но Росиа найсэй-но тэнкай. – Саппоро, 2006. – С. 15–22.

19. Отова Итару. Росиа сихон – ни ёру гайконукигё: байсю: – но дзиссой. (Тенденции иностранного инвестирования крупнейших российских предприятий) // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2006. – № 34. – С. 8–13.

20. Сиратори Масааки. Росиа-но дзайсэй кинзъю: дзё:сэй то кайкаку-но тэмбо: (Фискальное и финансовое положение дел в России и перспективы его реформирования) // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2004. – № 31. – С. 37–42.

21. Такэмори Масатака. Аратана сю:кэнка то Пу:тин-но «какумэй». (Новый централизм и путинская «революция») // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2005. – № 32. – С. 27–32.

22. Фудзивара Кацуми. Росиа бидзинэсу то хасан (Российский бизнес и система банкротства в России) // Ю:росиа кэнкю. – Токио, 2005. – № 32. – С. 2–8.

23. Цуда Юко. Дайто:рё:сэй то гиин найкакусэй-о мэгуру гирон-но хэнсэн – Росиа – ни окэру сэйдзи сэйдо: хэнко:-но кано:сэй. (Прения о президентской парламентской формах правления. – Возможности изменения политической системы в России) // Тайсэй тэнканго-но Росиа найсэй-но тэнкай. – Саппоро, 2006. – С. 1–8.

24. Эгасира Хироси. Путин-но тэйкоку. (Империя Путина). – Токио, 2004. – 333 с.

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА, ПЕНСИЯ, ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ («Круглый стол» в Институте экономики РАН)

Пенсионное обеспечение в современном мире рассматривается как базовая и одна из самых важных социальных гарантий стабильного развития общества, затрагивающая непосредственно интересы нетрудоспособного населения и косвенно всего занятого населения.

В силу своей масштабности современные пенсионные государственные и негосударственные программы играют исключительную роль и в социальной, и в финансово-бюджетной сферах, оказывают огромное влияние на формирование и перераспределение денежных ресурсов, на стабильность и сбалансированность национальных финансовых систем.

Суть глобального пенсионного кризиса заключается в росте дефицита пенсионных фондов, уже явно ощущающегося в одних странах или ожидаемого в ближайшей перспективе – в других. Поэтому изменение экономического механизма пенсионного обеспечения, которое снизило бы нагрузку на государство, но одновременно не привело к значительным социальным потрясениям, уже длительное время находится в центре научных и общественных дискуссий во многих странах мира.

Гурвич Евсей Томович, руководитель экономической экспертной группы при Правительстве РФ.

Нужны ли дальнейшие реформы пенсионной системы?

В 2002 г. в России началась радикальная пенсионная реформа, основным элементом которой стало создание системы накопительных пенсий. Реформа должна была решить широкий круг задач: обеспечить долгосрочную финансовую устойчивость системы, добиться в перспективе приемлемого с точки зрения социальной политики уровня пенсионных выплат, восстановить ослабевшую связь между трудовыми усилиями и размерами пенсий и т.д. В какой мере удалось приблизиться к этим целям?

Анализ динамики ключевых показателей пенсионной системы (табл. 1) свидетельствуют о неоднозначности достигнутых результатов. С одной стороны, за шесть лет (2002–2007) реальный размер трудовых пенсий вырос

на 52%. С другой – их уровень рос заметно медленнее, чем заработная плата. В итоге коэффициент замещения (соотношение средних размеров трудовой пенсии и зарплаты), служащий важнейшим показателем качества пенсионной системы, упал с 32,0% в 2002 г. до 25,8 в 2006 г. и менее 24% (по предварительной оценке) в 2007 г. Средний размер пенсий не намного превосходит прожиточный минимум пенсионера.

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ

	2002	2003	2004	2005	2006	2007 (оценка)
Индекс роста средней пенсии в реальном выражении (% к предыдущему году)	15,4	4,6	5,7	9,3	5,4	4,9
Отношение средней пенсии к прожиточному минимуму пенсионера (%)	100,0	102,0	106,3	97,3	99,4	104,0
Отношение средней трудовой пенсии к средней зарплате (%)	32,0	30,2	28,9	28,0	25,8	23,8

После того как в 2005 г. были снижены ставки социальных отчислений, потери пенсионной системы были компенсированы выделением дополнительных (сверх ЕСН) трансфертов на финансирование трудовых пенсий. Проект бюджета на 2008–2010 гг. предусматривает их увеличение с 0,9% в 2005–2007 гг. до 1,6% ВВП в 2010 г. Это позволит на время затормозить процесс падения коэффициента замещения. Вместе с тем вряд ли можно и дальше продолжать политику наращивания пенсионных трансфертов.

Главная угроза устойчивости пенсионной системы, как и во многих других странах, связана с неблагоприятными демографическими тенденциями.

В последнее десятилетие процесс сокращения населения России последовательно ускорялся: с 0,2% в 1996–1998 гг. до 0,5% в 2001–2006 гг. Еще важнее для пенсионной системы предстоящие сдвиги в возрастной структуре населения. Согласно «среднему» варианту демографического прогноза до 2050 г. к концу периода доля населения пенсионного возраста увеличится в полтора раза, в то время как доля населения трудоспособного возраста значительно сократится. Соотношение численности лиц пенсионного и трудоспособного возраста увеличится почти вдвое: с нынешних 32 до 61% к концу периода.

Для перспективы действующей ныне пенсионной системы необходимо, во-первых, выяснить ее долгосрочную финансовую устойчивость и, во-вторых, способность обеспечивать приемлемый уровень трудовых пенсий. Кроме того, важно проанализировать распределительные аспекты пенсионной системы: соотношения между величиной пенсий, получаемых разными группами населения.

Согласно долгосрочным (до 2010 г.) макроэкономическим прогнозам, реальный уровень пенсий на протяжении всего периода будет расти. Однако темпы роста резко замедлятся: между 2010 и 2030 гг. они будут втрое ниже, чем между началом реформы и 2010 г. (табл. 2).

Таблица 2

ПРОГНОЗНЫЕ СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЫ ПРИРОСТА РЕАЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЫ ЗАРПЛАТЫ И ТРУДОВОЙ ПЕНСИИ (В %)

	2002–2010	2011–2020	2021–2030	2031–2040	2041–2050	2002–2050
Средняя зарплата	11,8	5,9	4,1	4,5	4,2	6,0
Средняя трудовая пенсия	9,2	2,5	3,0	6,0	5,5	5,1

Расчеты показывают также, что соотношение между средней пенсией и зарплатой будет снижаться: с 25,8% в 2006 г. до 22% в 2015 г. и 19% в 2020 г. Низшая точка придется на 2027 г., когда коэффициент замещения составит лишь 16,5%, что вдвое меньше по сравнению с 2002 г. Затем он начнет расти, однако ожидаемая к концу периода его величина составит лишь 22% и будет оставаться заметно ниже, чем сейчас, не говоря о начальном уровне. Особенно тяжелым будет состояние пенсионной системы в период 2018–2041 гг., когда ожидаемая величина коэффициента замещения будет оставаться ниже 20%.

Несколько лучше ситуация с индексом замещения: его величина в 2006 г. была несколько выше коэффициента замещения (ориентировочно 28% для мужчин и 33% для женщин). Однако в дальнейшем ожидается падение и этого показателя. Иными словами, при сохранении действующей пенсионной системы в ближайшие два десятилетия мы будем не приближаться, а удаляться от целевых показателей пенсионного обеспечения.

Различия во влиянии пенсионной реформы на благосостояние мужчин и женщин требуют специального анализа. Расчеты показывают, что разрыв между уровнем пенсий мужчин и женщин будет расти: начальная пенсия женщин к 2050 г. будет на 36% ниже, чем у выходящих на пенсию мужчин. Рост гендерных различий в размере пенсий не является неожиданным. Дело в том, что сравнительно небольшие различия между пенсиями мужчин и женщин до реформы достигались за счет масштабного перераспределения ресурсов по гендерному признаку. Женщины получали меньшую зарплату (в

2001 г. в среднем на 37%) и в момент выхода на пенсию имели меньший трудовой стаж. В результате их расчетные пенсионные отчисления были почти вдвое меньше чем у выходящих на пенсию мужчин. В то же время женщины намного дольше (почти на 10 лет) получают пенсию, поскольку раньше выходят на пенсию, и имеют бóльшую среднюю продолжительность жизни. Близость средних пенсий мужчин и женщин (разность составляла в 2001 г. лишь 10%) подразумевала, что 37% взносов, выплачиваемых мужчинами, использовалась для выплат женщинам, а 42% выплат, получаемых женщинами, финансировалась из взносов мужчин. В реформируемой системе перераспределение сохраняется в рамках базовых пенсий, сокращается в рамках страховой компоненты[1] и полностью отсутствует в накопительной части. По мере роста роли накопительных пенсий доля перераспределяемых ресурсов сокращается и, соответственно, увеличивается гендерный разрыв между величиной пенсий.

В сложившейся ситуации у правительства могут быть следующие варианты действий:

- сохранить нынешнюю пенсионную систему;
- повысить ставки социальных отчислений;
- увеличить трансферты за счет общих доходов бюджета;
- продолжить реформирование пенсионной системы.

Выше показано, что сохранение пенсионной системы ведет к значительному ухудшению ее основных характеристик на протяжении нескольких десятилетий. Столь сильное расширение разрыва между пенсией и зарплатой вряд ли можно считать приемлемым с социальной точки зрения. Кроме того, пенсионеры составляют примерно треть избирателей. Демографические прогнозы свидетельствуют, что их доля в структуре населения и, следовательно, среди избирателей будет увеличиваться. Поэтому и с политэкономической точки зрения значительное ухудшение положения пенсионеров было бы весьма нежелательным.

Повышение ставок социальных отчислений вряд ли реалистично – они были снижены в 2005 г., и бизнес лоббирует их дальнейшее снижение, утверждая, что у нас очень велика налоговая нагрузка на труд. В принципе это не соответствует действительности: налоговая нагрузка на труд в нашей

1. В рамках страховых пенсий выплаты пропорциональны прошлым взносам, однако частичное перераспределение достигается тем, что не учитываются гендерные различия в длительности пенсионного периода. При равном расчетном пенсионном капитале мужчины и женщины получают одинаковую страховую пенсию, хотя последние имеют большую ожидаемую продолжительность жизни. В результате женщины при одинаковом пенсионном капитале получают бóльшие суммарные выплаты.

стране ниже средней по сравнению с другими странами нашей категории. Кроме того, основную часть таких налогов несут работники, а не бизнес. Меньшее противодействие со стороны бизнеса вызвало бы введение социальных отчислений, уплачиваемых самими работниками. Однако и это представляется маловероятным, нежелательным. Во-первых, результатом может стать снижение предложения труда. Во-вторых, сразу после завершения продолжавшейся несколько лет всеобъемлющей налоговой реформы начать новые серьезные изменения налоговой системы значило бы подорвать веру в ее стабильность, которая служит важным элементом инвестиционного климата.

Лежащий на поверхности способ повысить пенсионные выплаты – это выделить на это дополнительные финансовые ресурсы за счет общих доходов бюджета. Расчеты показывают, что масштаб требуемых для этого ресурсов достаточно велик. Даже для сохранения коэффициента замещения на уровне 2006 г. требуется увеличить пенсионные выплаты в период с 2020 по 2041 г. не менее чем на 2% ВВП, а пиковые размеры дефицита ресурсов составляют почти 3% ВВП. Для доведения коэффициента замещения до 30% необходимы дополнительные ресурсы не менее 3% ВВП с 2019 по 2048 г., с пиковым значением 4,2% ВВП. Вместе с уже выделяемым дополнительным трансфертом требуемое финансирование трудовых пенсий за счет общих доходов бюджета в указанный период будет достигать тогда 3,5–4,5% ВВП в первом случае и 3,6–5,8% ВВП во втором случае. Учитывая, что федеральный бюджет становится сбалансированным уже в 2009 г., выделение все больших пенсионных трансфертов из общих доходов бюджета является прямым путем к финансовому кризису.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что нам не остается другого выхода, кроме проведения нового этапа реформ пенсионной системы. В каком направлении они должны вестись?

Представляется, что при выработке соответствующих предложений следует определить приоритетные проблемы, на решение которых должны быть направлены основные усилия правительства. Среди них можно выделить следующие.

Предотвращение пенсионного кризиса в период до 2030 г. В этих целях необходимо:

1. Создание устойчивого и эффективного механизма финансирования пенсий. В настоящее время пенсионная система имеет запутанную схему финансирования, далекую от страховых принципов.

2. Компенсация потерь, понесенных старшими поколениями в результате пенсионной реформы. Фактически эта задача тесно связана с первой, поскольку проигравшими от реформы являются мужчины до 1963 г.

рождения и женщины до 1972 г. рождения – т.е. основные получатели пенсий в период 2010–2030 гг., когда достигнет минимума коэффициент замещения.

3. Снижение уровня бедности среди пенсионеров.
4. Сокращение гендерного разрыва в величине пенсий.
5. Достижение рекомендуемого МОТ уровня индекса замещения (40%).

Данная цель является наиболее труднодостижимой, ее имеет смысл рассматривать как программу-максимум.

Одно из наиболее болезненных направлений проведения пенсионных реформ в России связано с изменением границ пенсионного возраста. Существующие ныне границы и требуемый трудовой стаж довольно щадящие. Сложность решения данного вопроса объясняется низкими показателями средней продолжительности жизни и здоровья большинства населения, в том числе трудоспособных возрастов. Но поскольку страна вступает в длительный период острого дефицита рабочей силы, так или иначе эту проблему решать придется.

Демографические сдвиги в структуре населения, ведущие к увеличению доли пожилого населения, заставили большинство развитых стран начать серию пенсионных реформ. Во многих случаях реформы включают повышение пенсионного возраста (что часто обосновывается повышением длительности жизни) либо усложнение досрочного выхода на пенсию. Такие меры снижают расходы на пенсионные выплаты для стран, где снижение рождаемости и повышение продолжительности жизни в последние годы ведут к увеличению финансовой нагрузки на пенсионную систему. Отметим, что в процессе реформ различие в пенсионном возрасте мужчин и женщин, как правило, уменьшается, либо вообще исчезает. Как правило, подобные реформы подготавливаются и осуществляются в течение длительного времени.

Гонтмахер Евгений Шлёмович, д.э.н., проф., руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН.

Нынешняя российская пенсионная система – трехуровневая. Первый уровень – выплачиваемая всем лицам, достигшим пенсионного возраста и имеющим минимально необходимый страховой стаж, одинаковая базовая пенсия – фактически государственное пособие по старости. Второй уровень – страховая часть пенсии, формируемая индивидуально в зависимости от накопленных на протяжении всей трудовой жизни взносов. И наконец, третий уровень – обязательные накопления тех работников, кому до выхода на пенсию оставалось 10 и более лет. Причем эти средства, в отличие от страховой части, не поступают в общую копилку для обеспечения нынешних пенсионеров, а обособляются на персональных счетах и затем инвестируются, принося некий доход. В идеальной ситуации деньги,

десятилетиями аккумулируемые на накопительных счетах, должны не просто сохраняться от инфляции, но и реально прирастать, обеспечивая обладателю этого счета в будущем дополнительную прибавку к пенсии.

Необходимо отметить, что еще на стадии подготовки к запуску этих новаций (2000–2001) стали понятны потенциальные изъяны предлагаемой конструкции.

Во-первых, изъятие из тогдашнего 28%-ного (от фонда оплаты труда) взноса в Пенсионный фонд 2, 4, а затем, как планировалось, и 6 процентных пунктов в накопительную часть существенно снижал возможности повышения выплат тем, кто к началу пенсионной реформы (1 января 2002 г.) уже успел выйти на заслуженный отдых. Коэффициент замещения, составлявший в то время 33%, тем самым был обречен на снижение, если только не была бы оказана массированная финансовая помощь из федерального бюджета. Но это произошло совсем не в тех объемах, которые могли обеспечить неснижение этого коэффициента. Более того, во всех прогнозных расчетах – на десять и более лет вперед – хладнокровно фиксировалось его падение с надеждой на то, что через 15–20 лет ситуация начнет исправляться. Социально-психологические последствия таких расчетов не учитывались. В результате на данный момент коэффициент замещения упал до 25% и продолжает снижаться. Это все более накаляет атмосферу среди пенсионеров и тех, кому до пенсии уже не так далеко, несмотря на некоторый рост реального размера выплат по старости. Сейчас можно с уверенностью сказать, что в отношении нынешних пенсионеров, фактически пострадавших от проводимой реформы, необходим целый комплекс мер компенсационного характера.

Где взять для этого деньги? Ведь речь идет почти о 40 млн. человек. В трехлетнем бюджете на 2008–2010 гг. нет никаких специальных расходов на пенсионные цели, кроме рутинной поддержки Пенсионного фонда, который за счет собственных средств не может свести концы с концами. Значит, если все же что-либо будет предпринято под давлением политической конъюнктуры, то речь пойдет все о том же Стабилизационном фонде, а точнее о той его части, которая теперь называется Фондом национального благосостояния[2].

Самым простым выходом было бы просто форсированно повышать базовую часть пенсии, которая сейчас для большинства категорий получателей составляет менее 40% прожиточного минимума пенсионера. Но тогда доля базовой (нестраховой) части в общем размере средней пенсии начнет увеличиваться с нынешних 30 до 40% и более, что приведет к еще

2. К 2010 г. такое явление как профицит федерального бюджета исчезнет.

большей уравниловке в размере пенсий с дальнейшей потерей ее страховой природы (зависимости размера выплаты от величины накопленных взносов). Это путь ведет фактически к возвращению советской практики социального обеспечения, возлагавшей всю ответственность за положение пожилых людей на государство. Но, вероятно, именно он на ближайшие годы будет выбран в качестве ответа на недовольство пенсионеров своим положением.

Однако есть куда более социально эффективные варианты. Раз уж речь зашла о наследниках Стабфонда – Резервном фонде и Фонде национального благосостояния, то можно было за счет процентов от размещения их средств реализовать две программы:

– обеспечение бесплатного ухода на дому всем нуждающимся в нем пенсионерам;

– финансирование дополнительных медицинских услуг через приобретение для пенсионеров полисов самых надежных частных страховых компаний.

В этих двух фондах сейчас почти 4 трлн. руб. Если взять самую маленькую доходность от вложения 5%, получится 200 млрд. руб. Делим на 37 млн. пенсионеров. Получается 5,4 тыс. руб. в год – еще одна пенсия. Для социального обслуживания или здравоохранения это очень хорошие деньги.

Стоит внимательно присмотреться и к предложению о передаче в управление Пенсионного фонда части государственной собственности – как предприятий, так и земли с тем, чтобы получаемые доходы шли на повышение нынешних пенсий. Здесь, однако, надо избежать упомянутой выше опасности форсированного повышения базовой части пенсии. Философия должна быть другой: нужно увеличивать прежде всего страховую часть пенсий – ведь труд наших пенсионеров был сильно недооценен. Фактически речь идет о введении дополнительного повышающего коэффициента к страховой части пенсии, который ежегодно устанавливается в соответствии с полученной прибылью от эксплуатации государственной собственности.

Во-вторых, с самого начала было весьма проблемным все, что связано с инвестированием пенсионных накоплений нынешних работников. Как известно, тогда была предложена схема, при которой застрахованный, у которого открывался накопительный счет, мог сделать выбор в пользу либо частной, либо государственной управляющей компании (которой был назначен Внешэкономбанк). При этом ВЭБ получил право инвестировать пенсионные средства только в российские государственные ценные бумаги, которые очень надежны, но приносят – это изначально было известно – очень небольшой доход. Несомненной удачей в этом отношении была бы способность компенсировать инфляционные потери. Частным компаниям, а затем и негосударственным пенсионным фондам были предоставлены куда

более интересные инструменты: в частности инвестировать в акции, обращающиеся на российском и иностранных (но не более 20% инвестиционного портфеля) фондовых рынках.

Такие исходные данные вроде бы должны были склонить большинство обладателей накопительных счетов к выбору частной компании или НПФ. Но на данный момент 90% от общей их численности выбрали ВЭБ при том, что за 2004–2006 гг. обеспеченная им доходность составила всего 7,54% годовых, что ниже официального уровня инфляции за эти годы. Частные управляющие компании за 2006 г. показали более чем 20%-ную, а НПФ – 17%-ную доходность[3].

Но дело объясняется просто. В самом начале пенсионной реформы было опасение, что пенсионные деньги хлынут на тогдашний небольшой по объему фондовый рынок и дестабилизируют его. Но в январе 2002 г. индекс РТС только пересек отметку 300 пунктов. Это мизер по сравнению с нынешними 1780 пунктами. Именно поэтому были применены две нехитрые, но эффективные уловки:

– фактически не проводилась информационная кампания по разъяснению сути пенсионной реформы, хотя на это были выделены деньги в бюджете Пенсионного фонда;

– содержащиеся в рассылаемых «письмах счастья» бланки заявлений о выборе управляющей компании нужно было заполнять, только если этот выбор делался в пользу частников. Кстати, впоследствии Пенсионный фонд перестал рассылать и эти бланки, сославшись на дороговизну почтовых услуг. «По умолчанию» деньги переводились в ВЭБ. Отсюда и произошел термин «молчуны».

С тех пор, как уже упоминалось, ситуация на российском фондовом рынке принципиально изменилась, а расставленные ловушки для недопущения туда пенсионных денег исправно действуют. И здесь, кроме потенциального социального протеста обманутых вкладчиков ВЭБа (ведь деньги съедает инфляция), назревает и крупная финансовая неприятность. Почти 300 млрд. руб. пенсионных накоплений «молчунов», вложенных в государственные ценные бумаги, увеличивают государственный внутренний долг, который неумолимо нарастает с каждым поступлением ЕСН в казну.

3. Правда, 2007 г. оказался неудачным и для ВЭБа, и для частных управляющих компаний. Потрясения на фондовых и финансовых рынках не позволили получить доходность, хотя бы покрывающую инфляцию. Однако в данном случае можно предположить, что мы имеем дело с цикличностью экономической активности, когда на один-два плохих года приходится пять-шесть хороших. Поэтому долгосрочные вложения через частные управляющие компании, в конечном счете, должны быть выгодными.

Управлять этим процессом, если с числом «молчунов» все останется по-прежнему, можно только предоставив право ВЭБу инвестировать переданные ему деньги в те же инструменты, которые позволены и частным компаниям.

Ожидаемая в начале пенсионной реформы весьма умеренная доходность пенсионных накоплений привела к крупной ошибке. Когда встал вопрос о снижении ставки ЕСН, то у Правительства вполне резонно возникли опасения по поводу поступления доходов в Пенсионный фонд. Решили сэкономить на людях среднего возраста, фактически закрыв открытые им в 2002 г. накопительные счета. Объяснение было простым: эти люди, дескать, не успеют скопить сколько-нибудь значительные суммы. Хотя именно к 45–50 годам многие начинают получать приличные зарплаты и, соответственно, за них делаются столь же солидные страховые отчисления. Кроме того, еще два–три года назад можно было предложить этой категории работников льготные условия для пополнения своих счетов – например, предложенную В. Путиным в его Послании Федеральному Собранию схему: на каждую 1 тыс. руб. добровольного взноса государство доплачивает свою тысячу. Но факт остается фактом: изменение правил игры на ходу, внезапно отсекшее от пенсионной реформы миллионы работников, нанесло сильный удар по и без того весьма сомнительному доверию к тому, что делает государство в социальной сфере.

Пенсионная реформа – один из немногих проектов нынешней власти, который пока имеет шансы на успех. Но для того, чтобы это стало неизбежным, нужны публичные дискуссии, сопоставление мнений и понимание того, что потребуются большие дополнительные расходы, а не символические примочки.

Бочкарева Валентина Константиновна, к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Пауза в перманентной реформе пенсионной системы продолжалась недолго. Уже в 2005 г. Г. Батанов (тогдашний председатель ПФР) признал необходимость модернизации отдельных ее положений. Вновь на повестке дня повторяются вопросы (они возникают с удивительной регулярностью каждые три–пять лет): как превратить пенсионное обеспечение в страхование; как обеспечить устойчивость финансового положения ПФР. При этом первый вопрос чисто риторический и ни один этап реформирования не предполагал его решать всерьез. Основная задача каждого этапа реформы сводилась к приспособлению механизма перераспределения финансовых ресурсов внутри системы в связи с экономической ситуацией в стране (темпов роста зарплаты, дифференциации в оплате труда, индексации минимальных социальных гарантий, и т.д.).

Система страхования присутствует в целеполагании и, естественно, в терминологии пакета нормативных актов лишь для экспорта и формирования имиджа. От того, что Пенсионный фонд РФ в результате последней реформы, стартовавшей в 2002 г., назван страховщиком, он им не становится, так как функции и задачи его совсем иные. Он должен на средства, получаемые с 2005 г. от налоговых платежей содержать всех пенсионеров, которые не входят в элитные слои (госчиновники, военные и приравненные к ним работники силовых ведомств).

Современную ситуацию в пенсионной системе можно было предотвратить, так как она для многих была очевидна и об этом говорилось при обсуждении последней реформы.

Были и расчеты, которые явно доказывали неизбежность снижения коэффициента замещения и дефицит средств при разных сценарных вариантах перехода на новую модель пенсионной системы. Так, по расчетам Независимого актуарного информационно-аналитического центра он к 2020 г. при всех вариантах опускается ниже 25%[4]. Один из выводов авторов этой работы: «…нельзя полностью исключить вероятность того, что в будущем потребуется дополнительное финансирование пенсионной системы страны с целью повышения жизненного уровня пенсионеров. Приведенные расчеты показывают, что максимальное снижение коэффициента замещения будет иметь место в 2011году». Накопительная часть пенсии к 2050 г. составит по их расчетам только 11,3% для мужчин и 5,3% для женщин. При этом реальная ставка доходности инвестирования пенсионных накоплений принималась в расчетах на уровне 7%.

Тем не менее от исполнительной власти законодателям пришел пакет проектов новых законов по реформе, где в пояснительной записке давались вполне радужные перспективы по коэффициенту замещения – 32,5% вплоть до 2022 г. Дефицит средств ПФР, который может возникнуть после 2017 г., будет покрыт резервом, сформированным до этого ПФР[5].

Пенсионная система, независимо от модели и механизма ее функционирования, не может действовать в режиме непрерывного реформирования. Финансовая устойчивость не должна обеспечиваться за счет постоянной корректировки обязательств перед пенсионерами как текущими, так и будущими. Это еще возможно в нестраховых системах, но

4. В.Н. Баскаков, А.Л. Лельчук, Д.В. Помазкин. Модель пенсионной системы Российской Федерации (часть вторая)/ / Социальный вестник пенсионных и социальных фондов стран СНГ и Балтии, № 4(10). 2002 г.

5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации».

никак не допустимо в страховых, где законами гарантировались долгосрочные обязательства государства перед застрахованными.

В то же время в прогнозных расчетах, которыми подкрепляются некоторые предложения по реформированию системы, как правило, проверяют влияние на критерий эффективности лишь внешних параметров (демографических, темпов роста оплаты труда и т.д.). При этом в неявном виде предполагаются неизменными соотношения внутри пенсионной системы. Но эти соотношения могут оказывать более существенное влияние на устойчивость системы, чем внешние факторы. Оценить динамику внутрисистемных сдвигов для независимых экспертов и заинтересованных участников страхования практически невозможно. Информация для этого хранится «пуще зеницы ока» в ПФР.

Поэтому главное необходимое условие для создания страховой пенсионной системы – это грамотная отчетность, отвечающая требованиям страховой системы. Без нее невозможно:

– оценить долю пенсионеров (как нынешних, так и будущих), пенсионный капитал, который недостаточен для получения пенсии в минимальном размере (в настоящее время – на уровне базовой пенсии);

– оценить прогнозную динамику в распределении пенсионеров по уровню пенсионного капитала. Если доля с низким капиталом не сокращается, то никакой рост средней зарплаты не сможет обеспечить финансовую устойчивость системы.

Объем перераспределяемых ресурсов от пенсионеров с высоким и средним уровнем пенсионного капитала к остальным (с дефицитом пенсионного капитала) будет расти, что неизбежно потребует дополнительных финансовых вливаний в систему. Именно большая, и не имеющая тенденции к существенному снижению, дифференциация в оплате труда является для пенсионной системы основным фактором неустойчивости. Причиной такого положения является неэффективная политика государства в области оплаты труда.

Поэтому пенсионерам с низким пенсионным капиталом государство должно выплачивать государственную (базовую) пенсию за счет общих налогов. Они переходят в разряд социальных пенсионеров. Для остальных пенсионеров отпадает надобность искусственного деления пенсии на базовую и страховую часть. Это мера будет стимулировать совершенствование государственного механизма регулирования оплаты труда.

Один из основных инструментов воздействия на дифференциацию оплаты труда – налог на добавленную стоимость (НДС), который сдерживает рост фонда оплаты труда в трудоемких отраслях, ставя их в неравные условия с другими отраслями. Не ЕСН нужно было снижать, а отменять НДС, который для нашей экономики является неприемлемым. Другие, не менее

важные инструменты воздействия: МРОТ, государственный механизм функционирования и контроля которого должен быть полностью в федеральном управлении; любые льготы по стажу, форме и размерам взноса на страхование; прогрессивная шкала в подоходном налоге на доходы физических лиц. Логика должна быть следующая: если государство дает льготы или проводит неэффективную политику, то именно за счет своих финансовых ресурсов оно должно финансировать «дефицитных» пенсионеров. Не должны остальные пенсионеры «делится» своей пенсией с ними. Солидарность в страховой системе должна распространяется только на тех, кто получил в процессе труда инвалидность и на иждивенцев, потерявших застрахованного кормильца. Тариф на эти страховые риски должен иметь отдельное обоснование, информация для чего также должна присутствовать в отчетности страховщика.

Безусловно, для формирования страховой системы необходимо заменить ЕСН страховыми взносами, ставки которого должны утверждаться ежегодно, исходя из соответствующих актуарных расчетов, что и позволит упреждать и нивелировать негативное воздействие на устойчивость системы внешних факторов. При этом, чтобы ограничить пенсионные обязательства сверху и сделать предсказуемой максимальную страховую пенсию, следует заменить регрессивную шкалу максимальным размером страхуемого дохода.

Следующее необходимое условие для создания страховой системы – отказ от накопительной составляющей. Накопительная система в сложившихся условиях не спасает от риска финансовой неустойчивости фонда, а только создает дополнительный отток средств из страховой системы, без четких гарантий обеспечить в перспективе более высокую пенсию. Основная причина – высокие финансовые риски в финансовой системе страны, что связано не только с ее несовершенством. Существенно, что любая даже более совершенная национальная финансовая система встроена в международную систему. Глобальные финансовые кризисы происходят достаточно регулярно и механизма их предупреждения пока не найдено. Даже если страна не входит в круг стран, охваченных финансовым кризисом, негативные отголоски долетают до нее в виде снижения ставок, изменения политики инвестирования и т.д. На фоне реализации правительственной программы «Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на 2006–2008 годы»[6] доходность пенсионных накоплений в 2007 г. оказалась ниже уровня инфляции. По данным аналитического центра «Интерфакс-ЦЭА», все 63 управляющие компании смогли прирастить к деньгам будущих

6. Распоряжение Правительства РФ № 793–р от 1 июня 2006 г.

пенсионеров в среднем лишь 4,2%, а инфляция (по официальным данным) была почти 12%[7].

По нашим расчетам, за 25 лет непрерывного стажа, при ставке взноса в накопительную пенсию 2%, накопления застрахованного, в пересчете на годовую зарплату, составят: при средней доходности 3% – 0,75; при доходности 4% – 1; при 5% – 1,25; при 6% – 1,5 годовых зарплаты. Делить эти накопления необходимо на срок дожития застрахованных соответствующей возрастной категории (а не на средний по всему населению), для чего необходимо требовать от ПФР публиковать соответствующую отчетность о смертности застрахованных. При ограниченных возможностях существенно повысить тариф в накопительную систему и предполагаемом росте продолжительности жизни ожидать существенной прибавки от накопительной системы достаточно наивно.

Представленная выше модель реформы пенсионной системы была разработана нами еще в 2001–2002 гг. в рамках международной программы «Социальная защита населения»[8]. Результаты многолетней работы над актуарными расчетами в ПФР под руководством д.э.н. А.К. Соловьёва дали основания сформулировать «альтернативную модель долгосрочного развития пенсионной системы»[9]. Интересно, что в принципиальных подходах к реформированию существующей пенсионной системы, наши взгляды совпадают. Но А.К. Соловьёв предлагает изменить формулу начисления пенсии, которая противоречит и предлагаемой модели, и страховым принципам. Размер пенсии ставится в зависимость не только от индивидуального стажа и пенсионного капитала, но и от общей суммы собранных фондом взносов, от общих расходов пенсионного фонда, от соотношения численности занятых и пенсионеров. Тогда зачем какая-то новая модель? Эта формула раз и навсегда решает проблему распределения имеющихся средств и гарантирует финансовую стабильность фонду при любой экономической и демографической ситуации.

Дегтярь Людмила Серафимовна, д.э.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН.

На рубеже XX и XXI столетий усилилось действие демографических трендов и конкуренции между странами, корпорациями и работниками, диктующих настоятельность продолжения пенсионных реформ. Необходимость обеспечения конкурентоспособности вынуждает страны, в

7. http://ntws. Mail.ru/society/1660154/

8. ИСЭПН РАН и Карлтонский университет «Социальная защита населения». М., 2002 г.

9. А.К. Соловьёв. Актуарные проблемы формирования альтернативной модели долгосрочного развития пенсионной системы // СПЭРО, 2007. – № 7.

особенности, с обширными социальными программами, приспосабливать масштабы и структуру социальных расходов к новым условиям, сокращать свои социальные обязательства.

Не менее важным фактором углубления пенсионных реформ остаются процессы старения населения в результате увеличения продолжительности жизни и сокращения рождаемости. По данным ООН, на глобальном уровне средняя продолжительность жизни выросла с 47 лет в 1950–1955 гг. до 65 лет в 2000–2005 гг. и ожидается, что в 2045–2050 гг. она достигнет 75 лет. Среднее число детей, рожденных женщиной в течение жизни, снизилось за эти периоды с 5,0 до 2,6, а, согласно прогнозам, в 2045–2050 гг. на одну женщину будет приходиться 2,0 ребенка, что ниже уровня необходимого для обеспечения простого воспроизводства населения[10].

Активные пенсионные реформы проводятся в мире уже более четверти века. В конце 90-х годов прошлого столетия и в начале текущего на мировом и региональном уровнях был проведен ряд серьезных исследований итогов и перспектив национальных реформ, развенчаны многие сложившиеся вокруг них мифы, в концепции и практику реформ внесены некоторые новации, повышено внимание к политическим аспектам реформ.

Сравнительный анализ накопленного практического опыта и результатов исследований позволяет сделать ряд значимых для России выводов и выявить новейшие тенденции в пенсионном реформировании.

Основным общим ответом на новые вызовы стало усиливающееся стремление сократить государственные пенсионные обязательства путем модернизации распределительной системы, а также стимулировать, а иногда и просто заставить работников, в особенности со средними и более высокими доходами, сберегать на свое обеспечение в старости.

В половине государств Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), благодаря реформам второй половины 1990-х годов и текущего десятилетия, средние пенсионные обязательства в отношении мужчин снизились на 22% (с 10,7 среднегодовых сумм заработной платы до 8,4), в отношении женщин более чем на 25% (с 13 среднегодовых сумм заработной платы до 9,7). Только две страны из тридцати членов ОЭСР – Великобритания и Венгрия – увеличили свои пенсионные обязательства[11].

Одним из способов сокращения пенсионных обязательств (или скрытого пенсионного долга) стало законодательное повышение возраста выхода на полную пенсию. Сейчас происходит вторая волна такого повышения – уже за

10. ООН. Экономический и социальный совет. Обзор мирового экономического и социального положения, 2007 г.: Развитие в условиях старения населения мира. С. 3.

11. Pensions at a Glance. Public Policies across OECD Countries. 2007 Edition. OECD, 2007. – P. 11. Далее «Pensions at a Glance. 2007».

пределы 65 лет. Но практические шаги очень осторожны. Например, в Великобритании, предполагается, что повышение пенсионного возраста до 68 лет займет полвека, в Германии с 65 до 67 лет – 30 лет.

Другими методами сокращения пенсионных обязательств стали изменения в методологии начисления пенсий и их индексации.

Наблюдается также большая индивидуализация и усиление гибкости пенсионных схем, особенно в установлении возраста выхода на пенсию. Имеются (пока, в основном, в стадии проектов) намерения увязать возраст выхода на пенсию в распределительных схемах с продолжительностью жизни в стране и замены в случае досрочного прекращения трудовой деятельности пенсионного пособия различными видами социальных выплат[12]. Эти идеи считаются многообещающими, однако практические шаги по их реализации в некоторых странах потерпели неудачу.

В качестве одного из примеров наиболее успешного приспособления сложившейся социальной модели, в том числе пенсионной системы, к новым экономическим и социальным реалиям в Западной Европе рассматривается Финляндия. В ходе очередного этапа пенсионной реформы в стране с 1 января 2005 г. введен гибкий возраст выхода на пенсию. Вместо 65 лет для мужчин и женщин от теперь установлен в диапазоне от 63 до 68 лет. Можно выйти на пенсию и раньше, но тогда до конца жизни величина пособия будет на 7,2% ниже, чем в случае работы до 63 лет. Если работник продолжает трудиться после 63 лет, то пенсия увеличивается на 4,5% за каждый проработанный год, но только до 68 лет.

В последние годы во всех странах при переходе на новые пенсионные схемы усиливается внимание к защите низкодоходных слоев работников. Эта проблема возникает, прежде всего, при переходе к накопительной системе, так как не все работники в состоянии сделать накопления, обеспечивающие приемлемые условия существования в старости. Но она возникает при параметрических реформах, когда в распределительной схеме усиливается связь между взносами в пенсионную систему, т.е. заработком работника и пенсионным пособием. Так, подобные меры в Германии, Японии, Мексике, Польше и Словацкой Республике снизили коэффициент замещения у работников с низкой заработной платой (равной половине средней по стране

12. Досрочный выход на пенсию – одна из наиболее актуальных проблем пенсионной системы в развитых государствах. По состоянию на 2004 г. средний фактический возраст выхода на пенсию составлял по странам ОЭСР 58 лет. Если принять по внимание фактический возраст выхода на пенсию в регионе, который в последние годы снижался, то время, которое, как ожидается, мужчина проведет на пенсии увеличилось в среднем с менее 11 лет в 1970 до 18 лет в 2004 г., пенсионные годы женщины – с менее 14 до 23 лет (Aging and Employment Policies. Live longer, work longer. OECD, 2006. – P. 10).

и ниже) с 41% среднего заработка до 32,5%[13]. Только в двух (Великобритания и Венгрия) из 16 стран ОЭСР, осуществивших крупные пенсионные реформы, улучшилось положение работников с низкой заработной платой[14].

Это увеличивает риск бедности для тех, кто имел низкие доходы в течение своей трудовой жизни или прерывал трудовую деятельность (безработица, уход за детьми, больными и престарелыми, смена форм занятости и т.п.). В некоторых странах работнику, если он не добирает 10–15 лет до необходимого трудового стажа, трудно обеспечить при выходе на пенсию средний по ОЭСР коэффициент замещения. В целом по всему миру в результате реформ наблюдается тенденция к снижению жизненного уровня пенсионеров, имевших низкие заработки, бедность среди старших возрастов стала расти.

Другим, стратегическим ответом на новые вызовы, помимо модернизации сложившихся распределительных систем, стал переход полностью или частично к накопительной схеме[15].

В развитых государствах продолжалось введение в пенсионную систему в различной форме и масштабах накопительного уровня, т.е. продолжалась ее дальнейшая фрагментация – формирование в ней отдельных сегментов, действующих по принципиально разным схемам. Усилия были направлены на то, чтобы различными способами расширить охват работников накопительными планами. Например, в настоящее время обсуждается такая мера, как автоматическое включение работников в накопительную схему при определенных условиях (она уже опробована в Новой Зеландии). Другой путь – расширение содержания коллективных трудовых договоров за счет включения в них пенсионных вопросов. В Нидерландах и Северной Европе таким путем достигнут почти полный охват работников дополнительным пенсионным страхованием.

Наиболее широкое распространение накопительные системы получили в государствах Латинской Америки. Этот регион называют сегодня глобальной лабораторией системных пенсионных реформ. Их итоги стали в последние годы предметом серьезного анализа[16]. Они оценивались с двух позиций: 1) обеспечивают ли реформы безопасность и достойный уровень доходов

13. Pensions at a Glance 2007. – P. 11.

14. Пенсионная реформа – незакрытая повестка дня. September/ 2007. Policy Brief. OECD (http: //www.oecd.org/ data oecd/16/24/39310166.pdf).

15. Доля управляемого частным образом накопительного уровня в пенсионной системе в различных странах варьирует сегодня в мире от 0 до 100%.

16. См.: Independent Evaluation Group (JEG) – World Bank. Pension Reform and the Development of Pension Systems. An Evaluation of World Bank Assistance. The World Bank, Wash., D.C., 2006; Lessons from Pension Reforms in the Americas. Ed. by Stephan J. Kay and Tapen Sinha. Oxford University Press, N.Y., 2008.

пожилых людей; 2) достигнуты ли так называемые цели пенсионных реформ «второго порядка», т.е. увеличение национальных сбережений, развитие рынков капиталов и повышение гибкости рынка труда.

Что касается уровня доходности пенсионных средств в накопительном уровне, то он весьма различен по странам, но в целом был более благоприятным по отношению к динамике реальной заработной платы. Так, за период с момента введения новой пенсионной системы и до 2003–2004 гг. реальный уровень доходности пенсионных накоплений (без учета административных расходов по управлению фондами) составил в Аргентине 11,7%, а реальной заработной платы был менее 1% (0,8%); в Боливии, соответственно, – 16,8 и 8,8, Чили – 10,5 и 1,8; Колумбии – 11,8 и 1,4; Сальвадоре – 11,3 и 0,2; Мексике – 10,6 и 0; Перу – 5,7 и 1,8; Уругвае – 9,5 и 3,6%.

С диверсификацией пенсионных средств положение не столь однозначно. Ожидалось, что многоуровневая система расширит источники выплат, включив высокодоходные акции и иностранные фонды с низкой степенью рисков. Однако во многих странах основные средства были помещены в государственные облигации. Так, по данным за 2003–2004 гг. доля государственных облигаций составила в Аргентине 77%, в Боливии – 69. Мексике – 83, Уругвае – 55 и Колумбии – 49% всех пенсионных инвестиций. Только в Чили, Колумбии и Перу[17] пенсионные портфели относительно диверсифицированы. Такое положение не защищает пенсионные фонды от государственного вмешательства, от использования их в иных целях. Например, в Аргентине в 1994 г. 50% управляемых частными фондами активов было инвестировано в государственные облигации, позднее эта доля превысила 70%. Когда в конце 2001 г. в Аргентине был объявлен дефолт по государственной задолженности, это означало невыполнение обязательств и в отношении пенсионеров.

Что касается целей «второго порядка», то мало свидетельств того, что накопительный уровень обусловил увеличение национальных накоплений или развитие финансовых рынков. Не повысился и охват населения пенсионным обеспечением, а также степень формализации рынков труда (в развивающихся государствах неформальный сектор охватывает более половины экономически активного населения).

Накопительная система не решает эффективно одну из главных социальных задач пенсионной системы – обеспечение жизненного уровня пенсионеров и социальную справедливость. Выше уже отмечалась тенденция к увеличению бедности среди пожилых людей в результате пенсионных

17. Низкая доля государственных облигаций в Перу объясняется неразвитостью данного сегмента внутреннего рынка ценных бумаг в стране.

реформ. Менее исследован гендерный аспект пенсионного неравенства. Признано, например, что чилийская пенсионная реформа была дискриминационной по отношению к женщинам. Созданная в Чили в начале текущего десятилетия специальная комиссия[18] по оценке итогов реформы констатировала, что получаемый женщинами аннуитет равен лишь 42% того, что получают мужчины. Это обусловлено рядом факторов – от показателя участия женщин в трудовой деятельности до использования разных таблиц смертности[19].

Начиная с 2004 г. стал очевиден фундаментальный сдвиг в подходах к пенсионным реформам международных организаций, таких как Всемирный банк и Международный валютный фонд, которые раньше безоговорочно поддерживали накопительную схему, а также стран, имеющих относительно длительный период системного пенсионного реформирования. Повысился интерес к параметрическим реформам, которые в 90-е годы привлекали меньше внимания по сравнению с системой индивидуальных счетов, и к поискам возможностей расширить и разнообразить социальную защитную сетку для тех, кто не охвачен пенсионной системой или не может обеспечить себе соответствующий уровень пенсии[20].

Мировой опыт пенсионных реформ позволяет сделать еще три важных вывода для России.

Первый – о значении политико-экономического обеспечения системной реформы. Пенсионные реформы, как и любые другие социальные реформы затрагивают жизненные интересы людей и требуют для успешного осуществления доверия и одобрения. Мировая практика демонстрирует большое разнообразие применяемых при этом социальных технологий – от убеждения, переговоров до различных форм компенсаций и даже пересмотра отдельных положений первоначальных планов. От системных пенсионных реформ потенциально выигрывают более молодые поколения (моложе 40 лет). Но и в данном случае для обеспечения доверия к реформе необходима, как показывает опыт, продуманная система гарантий защиты от финансовых рисков со стороны государства, работодателей или пенсионных фондов.

Второй – одно из важнейших условий успеха пенсионной реформы – разъяснительная работа. Люди должны понять предлагаемые изменения,

18. «Marcel Commission» по имени ее руководителя.

19. Lessons from Pension Reforms in the Americas. Ed. by Stephen J. Kay and Tapen Sinha. Oxford University Press, N.Y., 2008. – P. 11.

20. Всемирный банк, например, предлагает сегодня вместо трехуровневой пенсионной системы пятиуровневую, включая так называемый универсальный не основанный на взносах нулевой уровень, а также уровень, предполагающий различного рода льготы для пенсионеров (например, обеспечение доступа к здравоохранению и помощь в решении жилищных проблем).

признать их необходимость и адаптироваться к ним. Даже в Чили, которая на момент проведения пенсионной реформы не была демократической страной, был использован ряд мер для получения политической поддержки действий правительства[21]. Один из примеров попыток достижения консенсуса при проведении реформы – создание специальных комиссий по пенсионной реформе (Дания, Франция, Германия, Ирландия, Норвегия, Великобритания и США). Но успех и в данном случае не гарантирован, о чем свидетельствует опыт Ирландии, где комиссия не преуспела в достижении консенсуса[22].

Венгерский ученый Я. Корнаи предложил следующий алгоритм структурных социальных реформ. «Целесообразно было бы начать, – пишет он, –
с публикации тщательного и взвешенного исследования, представляющего заинтересованным сторонам и общественности широкую и многообразную картину зарубежного опыта, объективный анализ основных альтернативных решений, их преимуществ и недостатков. После всего этого можно было бы опубликовать собственные предложения правительства, снабженные доводами в пользу их применения. После публикации исследования и правительственных предложений следовало бы организовать общественное обсуждение альтернатив». «В результате, – заключает Я. Корнаи, – мы имели бы проект, базирующийся на прочных основаниях и пользующийся общественной поддержкой»[23].

И наконец, третий вывод, о необходимости проведения пенсионной реформы в комплексе с другими преобразованиями системы социальной защиты. Общим недостатком пенсионных реформ в мире за редким исключением была их изолированность, т.е. они не проводились в одном пакете с другими реформами: налоговой, здравоохранения, рынка капиталов и др. Для успешного функционирования новой пенсионной системы не создавалась соответствующая среда в социальной сфере.

Шестакова Елена Евгеньевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Шесть лет – относительно небольшой период, чтобы подводить итоги, но за это время в пенсионной системе России накопилось много серьезных проблем, свидетельствующих о необходимости ее кардинальной трансформации, а не отдельных технических корректировок. Среди них –

21. New Ideas about Old Age Security. Toward Sustainable Pension Systems in 21 st. Century. Ed. by R.Holzmann and J. Stiglitz. The World Bank, Wash., D.C., 2001. – P. 154.

22. September 2007. Policy Brief. OECD. – P. 4.

23. Я. Корнаи. Сбалансированность, экономический рост и реформа. – Россия и современный мир, 2007, № 2. – С. 29.

нарастающий дефицит средств на выплату базовой и страховой части пенсии и увеличение зависимости пенсионной системы от федерального бюджета, снижение среднего уровня пенсий по отношению к средней заработной плате, смещение от страховых принципов функционирования системы к принципам социального обеспечения, низкий уровень доверия населения к пенсионным начинаниям государства, особенно после исключения из системы пенсионного накопления граждан 1953–1966 гг. рождения.

За период реформ мы не сумели приблизиться к решению таких ее первоочередных задач как создание эффективного страхового механизма и достижения долгосрочной устойчивости бюджета ПФР, усиления ответственности самого работника за свою будущую пенсию и согласования интересов государства, работодателей и работников в отношении профессиональных пенсионных систем. За исключением небольшого числа российских гигантов, бизнес не заинтересован в создании своих пенсионных программ.

Спектр предложений по реформированию системы достаточно широк: стимулирование и государственная поддержка добровольных дополнительных накоплений граждан, возвращение в накопительную систему граждан среднего возраста и открытие накопительных счетов действующим пенсионерам, обособление института пенсионных накоплений от института страхования и перевод накоплений в управление частным управляющим компаниям, изменение или отмена регрессивной шкалы единого социального налога, финансирование базовой части пенсии за счет общего налогообложения. Есть и более радикальные предложения, например, полностью перейти к накопительным частным системам и сохранить распределительный принцип только для лиц с низкими доходами. Активно обсуждается и вопрос повышения официального возраста выхода на пенсию.

Подобные проблемы пенсионной системы отмечаются во многих развитых государствах. Мировая тенденция эволюции пенсионного обеспечения направлена на переход от государственных распределительных к смешанным вариантам и к частно-накопительным системам. Возникновение данной тенденции можно рассматривать прежде всего как адаптацию пенсионного страхования к реалиям стареющего общества, к перспективе хронического дефицита государственных пенсионных систем. В ЕС соотношение лиц в возрасте 65 лет и старше к трудоспособному населению к 2020 г., по прогнозам, составит 30%, а к 2050 г. – 53%. Но при ориентации только на данную мировую тенденцию нельзя не учитывать, что изменение модели и успешный переход на накопительные технологии возможны в условиях не только устойчивого экономического роста, но и функционирования развернутой сети инвестиционных механизмов и финансовых институтов, отвечающих необходимым стандартам качества и

надежности. Недостатки финансового механизма оборачиваются обесценением пенсионных накоплений и повышением административных издержек. Кроме того, новые модели требуют от каждого члена общества ответственного и предусмотрительного поведения, расчета последствий своих действий и, что наиболее важно, доходов, существенно превышающих необходимый прожиточный минимум. В противном случае общая сумма сбережений может оказаться очень низкой или даже нулевой (пример тому частные пенсионные фонды Чили, в которых от 20 до 30% участников, имея накопительные счета, не перечисляют на них взносы).

Альтернативой изменения модели, а в ряде случаев и дополнением к ней выступают меры по повышению пенсионного возраста и требований к стажу работы, необходимого для получения полной пенсии, упразднение льгот, повышение абсолютных размеров и доли уплачиваемых работниками и работодателями страховых взносов, снижение отношения пенсии к средней заработной плате. В отношении последней тенденции, учитывая крайне низкий уровень коэффициента послетрудового замещения заработка в РФ, необходимо отметить, что средний уровень замещения заработной платы пенсией для работников со средними доходами по обязательному пенсионному страхованию составляет в настоящее время в странах ОЭСР – около 59%, а минимальное пособие по старости (для лиц, имеющих полный трудовой стаж) – 29% средней заработной платы. Правда полный стаж работы и уплаты страховых взносов может достигать в европейских странах 45 лет. Соотношение средней пенсии к средней заработной плате колеблется от менее чем 40% (Бельгия, Германия, Великобритания) до 95% (Греция, где планируется серьезное реформирование пенсионной системы и постепенное снижение данного показателя). Если рассматривать общую тенденцию, то реформы систем пенсионного страхования ведут и уже привели (например, в Германии, Японии, Польше) к сокращению уровня коэффициента замещения, в том числе для лиц с низкими заработными платами, что в перспективе может серьезно увеличить риск возвращения к бедности пожилых людей в ряде стран. К 2040 г., по прогнозам, в 16 развитых странах мира обязательные государственные пенсии в реальном выражении сократятся более чем на 20%, а пенсионный возраст будет повышаться.

Повышение пенсионного возраста – достаточно широко используемый способ сокращения численности пенсионеров. Повышение пенсионного возраста до 67 лет предусматривается, например, в США и Германии. Но проблема повышения пенсионного возраста в развитых странах стоит несколько иначе, чем в РФ, где на сегодняшний момент крайне ограничены возможности его увеличения из-за состояния здоровья населения. В государствах ЕС при официальном возрасте выхода на пенсию 65 лет, реальный возраст ухода с рынка труда составляет менее 60 лет (в Бельгии,

например, 57 лет для мужчин и 54 года для женщин). При этом в 50% случаев ранний выход на пенсию является вынужденным решением. В отношении работников старших возрастных групп у основной массы работодателей сохраняется целый ряд традиционный предубеждений (более низкая производительность труда, сниженная способность к адаптации и восприятию нововведений, отсутствие заинтересованности в повышении квалификации). В силу сложившихся стереотипов эта категория работников мало востребована на рынке труда, 2/3 всех длительно безработных – лица старше 45 лет. Такой метод продления трудовой жизни как постепенный уход на пенсию, который еще недавно рассматривался как весьма перспективный, на практике не получил широкого распространения. Главные причины здесь – трудности создания таких рабочих мест и слабая заинтересованность самих работников из-за потерь при начислении пенсий. При оценке многочисленных действующих в европейских странах схем сокращения занятости остается неясным и вопрос: улучшает ли частичная занятость качество трудовой жизни работников или она может рассматриваться как своеобразный способ выдавливания пожилых работников с рынка труда.

ЕС ставит целью увеличить долю занятых работников старших возрастных групп (55–64 года) с современных 38–40 до 50% уже к 2010 г. При этом необходимыми условиями для достижения этой цели признаются: изменение отношения работодателей к данной категории работников; снятие ограничений на рост пенсий при продолжении занятости после достижения пенсионного возраста; упразднение схем раннего выхода на пенсию в связи с безработицей; финансовая поддержка работодателей, нанимающих пожилых работников; создание рабочих мест с гибким графиком работы, неполной рабочей неделей или рабочим днем.

В России в качестве основных принципиальных ограничений повышения пенсионного возраста является негативная тенденция сохранения высокого уровня смертности, особенно среди мужчин и юридическая незащищенность работников старших возрастных групп. В ЕС, благодаря широкому распространению трудовых договоров, затрудняющих увольнение пожилых работников, риск безработицы среди них относительно невысокий. В реальной российской ситуации работники предпенсионного возраста и старше 60 лет находятся в крайне уязвимом положении, они могут легко потерять работу, но уже не смогут претендовать на пенсию и рискуют опуститься за черту бедности.

Среди доводов в пользу повышения пенсионного возраста в России могут фигурировать не только относительно низкий по международным меркам официальный возраст выхода на пенсию, но и расширение возможностей продления активной жизни граждан, за которую ратуют прежде всего работники интеллектуальных профессий, к 45–50 годам

накопившие необходимый опыт и профессионализм, а также изменение ситуации на рынке труда. Согласно большинству экономических прогнозов, уже в ближайшей перспективе в стране начнет ощущаться серьезный дефицит рабочей силы, что должно повысить конкурентоспособность опытных работников в возрасте старше трудоспособного. Но здесь приходится учитывать, что тенденция нарастания дефицита труда имеет сильно выраженную региональную специфику. Кроме того, работники в возрасте старше трудоспособного, как показывает практика, занимают вакантные места в относительно низкооплачиваемых и менее динамичных отраслях экономики. Помешать тенденции увеличения активного использования в экономике работников старших возрастных групп может и экспансия мигрантов на рынок труда России. Низкие издержки использования их труда делают данную категорию работников очень привлекательной для покрытия возникающего дефицита. Определенные проблемы с вовлечением пожилых работников на рынок труда могут возникнуть и в связи со спецификой их профессиональных навыков, хотя данную проблему не стоит абсолютизировать.

Из-за крайней непопулярности данной меры, повышение пенсионного возраста целесообразно осуществлять постепенно, с серьезным временным лагом начала данного процесса и на основе явного улучшения показателей смертности населения. В более близкой перспективе с экономической и демографической точек зрения оправданной может быть постановка вопроса о повышения пенсионного возраста женщин, приближения его к пенсионному возрасту мужчин, что подтверждают более высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни женщин. Кроме того, более низкий пенсионный ценз для женской рабочей силы существенно снижает и так невысокую конкурентоспособность женщин на рынке труда. Потеряв квалифицированную работу в 45 лет, женщина имеет очень мало шансов найти ей адекватную замену.

Серьезные возможности для решения проблемы дефицита пенсионного фонда открываются на пути изменения системы льготных пенсий, назначенных в связи с тяжелыми условиями труда, создания профессиональных пенсионных систем с дифференцированными страховыми тарифами.

Н.И. Комков, М.А. Шамин,
А.Ю. Шатраков, Ю.Г. Шатраков,
Е.В. Юрченко

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Комков Николай Иванович – доктор экономических наук, профессор, руководитель лаборатории Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН.

Шамин М.А. – кандидат экономических наук, доцент Московской академии рынка труда и информационных технологий («МАРТИТ»).

Шатраков Артем Юрьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой антикризисного управления «МАРТИТ».

Шатраков Юрий Григорьевич – доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ректор «МАРТИТ».

Юрченко Евгений Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент «МАРТИТ».

Экономика первой половины XXI в. в силу сформировавшихся технологических направлений по-прежнему будет зависеть от мировых цен на углеводородное топливо и объемов их добычи. Также во многих странах наблюдается замедление роста производства в наукоемких отраслях промышленности. Наметилось сокращение притока высококвалифицированных кадров в эти отрасли экономики, что сдерживает создание и производство конкурентоспособной продукции. В то же время экономика отдельных наиболее промышленно развитых стран, основанная на программах государственной поддержки национальных макротехнологий, продолжает устойчиво удерживать мировые рынки по сбыту своей продукции. Разработка и освоение технологических инноваций в этих

странах – это решающий фактор социального и экономического развития, залог создания потенциала экономической безопасности как предприятий, так и страны в целом. Здесь основное внимание направляется на создание автоматизированных рабочих мест и наращивание интеллектуального капитала специалистов. Прямое воздействие технологических инноваций одной из наиболее развитых стран – США на мировой научно-технический прогресс и глобальное проникновение в международную хозяйственную политику обусловлено технологическим перевооружением, а также масштабами экспортно-импортных операций в наукоемких отраслях. В оценке эффективности международного обмена технологиями решающее значение имеет коэффициент технологической независимости. Он определяется как отношение экспорта и импорта в обмене технологиями. За последние годы этот коэффициент для США не опускался ниже 3÷4, для Германии, Японии, Великобритании его значение не превышает 0,8÷1,2. Общий объем экспорта технологий из США для наукоемких отраслей промышленности за последние годы составил более 615 млрд. долл., в то же время импорт за этот период составил около 400 млрд. долл. Все это свидетельствует о том, что США обеспечили себе лидирующее положение на мировых рынках передовых технологий на ближайшие 20 лет (это с учетом объема ежегодных продаж).

На международном рынке к наукоемким отраслям относятся аэрокосмическая, электронная, телекоммуникационная, атомная, фармацевтическая, электротехническая, биологическая, медицинская промышленности, а также отрасли электронного машиностроительного, управленческого оборудования и ЭВМ. Экспортная ориентация этих отраслей отвечает национальным интересам нашей страны и перспективам развития экономики. В условиях открытости внутреннего рынка стран с рыночной экономикой такая промышленная политика обеспечивает конкурентоспособность отечественных технологий, которая базируется на использовании отечественного инновационного и зарубежного научно-технического потенциала.

Технологическая структура экономики представляет собой взаимосвязанную последовательность технологий и продуктов, обеспечивающих процессы добычи ресурсов, их переработку в промышленные объекты вплоть до выпуска конечных продуктов, товаров и услуг. Упорядоченная совокупность всех технологий от добычи до потребления и утилизации конечных продуктов образуют полный технологический цикл, а его последовательные стадии представлены агрегированными комплексами отраслей: добычи первичных ресурсов и энергоносителей; переработки первичных ресурсов и их компонент; обрабатывающей промышленности; производства конечной продукции

товаров и услуг. Масштабы и соответствующие им валовая добавленная стоимость производства распределены по технологическому циклу для экономик разных стран неодинаково. Развитые страны, располагая сравнительно небольшими запасами природных ресурсов и энергоносителей, концентрируют основные производственные мощности на срединных и конечной стадиях производственного цикла (в перерабатывающей и обрабатывающей промышленности, сфере услуг, производстве конечной продукции). В противоположность им производственный потенциал многих развивающихся стран Латинской Америки, Азии, Африки задействован на начальных стадиях технологического цикла. Если развитые страны, имея избыточные мощности обрабатывающей промышленности, экспортируют значительную долю конечной продукции, то развивающиеся, наоборот экспортируют первичные ресурсы, импортируя конечную продукцию и продукцию обрабатывающей промышленности. Технологическую структуру с развитой стадией первичных ресурсов относят к регрессивной, а с развитой стадией переработки и обработки – к прогрессивной. Оценка уровня технологичности экономики нашей страны и США может характеризоваться отношением стоимости первичных ресурсов и энергоносителей к стоимости конечной продукции. Это отношение для США составляет 1,4 к 1, а в РФ 2 к 1, что отражает крайне невыгодное условие для развития наукоемких отраслей промышленности.

Автаркичность научно-технологического развития экономики бывшего СССР требовала вовлечения в производство в недалеком прошлом массовых ресурсов низкого и среднего уровня качества. Их использование увеличивало потери и не позволяло производить продукцию высокого качества. Массовое производство гражданским машиностроением некачественной продукции приводило к росту ремонтной базы и дополнительным затратам на эксплуатацию изделий по сравнению с зарубежной техникой. Низкое качество массовых ресурсов также препятствовало созданию технологий более высоких поколений и тормозило технологическое развитие экономики.

Анализ распределения валовой добавленной стоимости (ВДС) по комплексам отраслей для России (в 1999 и в 2004 гг.), а также для США (1999 г.) показал, что они качественно различны. Если в США это распределение имеет вид «выпуклой трапеции», концентрирующейся на перерабатывающих и добывающих отраслях, то в России – вид «горки», отражающей «сползание» добавленной стоимости от ресурсов к производству конечных продуктов и восстановлению производственной инфраструктуры. Однако с 2003 г. «горка» постепенно трансформировалась в «вогнутую трапецию». Это означает дополнение экономики России направлениями прогрессивного типа, что должно привести в будущем к выработке мер по удержанию такого распределения добавленных

стоимостей. Обращает на себя внимание распределение средневзвешенной рентабельности по комплексам отраслей, сходное с распределением добавленной стоимости. Согласно исследованиям, распределение интенсивности инновационной деятельности по технологическим комплексам складывается в пользу перерабатывающих и обрабатывающих отраслей. Всё это подтверждает ситуацию благоприятствования свободному притоку инвестиций в добывающие отрасли и в отрасли, производящие конечные продукты. Отсюда следует однозначный вывод о невозможности создания механизмов перераспределения инвестиций в пользу увеличения потенциала перерабатывающих и обрабатывающих отраслей без активного вмешательства государства. Россия обладает достаточным потенциалом для развития национальной экономики, включая вышеперечисленные факторы развития. Главные среди них – ресурсный и энергетический потенциал, наука, инновационный потенциал, развитый оборонно-промышленный комплекс, квалифицированный кадровый потенциал и значительная, в том числе, малоосвоенная территория. В последние годы главным фактором экономического роста России остаются природные ресурсы, прежде всего, углеводороды (нефть и газ), мировые цены на которые достигла исторически максимального уровня. Хотя средние темпы роста ВВП с 1999 г. остаются высокими (7,1%), темпы роста промышленного производства низки, и к 2006 г. удалось достичь только 74 % уровня 1990 г.

Стратегии развития экономики можно строить на основе преимущественного использования тех или иных факторов. Однако оценка перспективности эволюционно сложившейся ресурсно-экспортной стратегии свидетельствует о низком росте ВВП (2–4% годовых) даже при самых благоприятных условиях. Альтернатива ресурсно-экспортной стратегии – ускоренный рост наукоемкого сектора промышленности и наращивание за счет этого объема экспорта. В силу низкой доли этого сектора в настоящее время даже его ускоренный рост с темпом до 25% годовых способен через 10 лет обеспечить не более 10–12% прироста ВВП. Остается практически единственный вариант – ресурсно-инновационная стратегия, позволяющая соединить ресурсы и новые технологии. При этом новые технологии в ресурсодобывающих и перерабатывающих отраслях способны выполнить роль мультипликатора, а не примитивного «сумматора» дополнительного экспорта наукоемкой продукции с уменьшающимся экспортом ресурсов. По оценкам, при выполнении необходимых условий возможно удвоение ВВП в сроки, близкие к 10 годам. Далее ресурсно-инновационная стратегия последовательно переходит в инновационно-технологическую.

В основе ресурсно-инновационной стратегии лежит рациональное использование потенциала комплекса перерабатывающих отраслей. Его наличие обусловлено следующими факторами и условиями:

– высокой ВДС по сравнению с ресурсодобывающими отраслями;

– более высоким уровнем рентабельности при достаточных объемах переработки продукции и поставки их на экспорт;

– качественным улучшением структуры экспорта в виде увеличения доли обработанных ресурсов;

– необходимостью использования высоких технологий для глубокой переработки ресурсов;

– возможностью ускоренного развития подотрасли конструкционных материалов, необходимых для создания надежных, долговечных и высокопроизводительных машин и оборудования.

К числу причин малых масштабов и низкого уровня развития комплекса перерабатывающих отраслей в РФ относятся следующие:

– жесткая налоговая политика в отношении перерабатывающих отраслей, включая одинаковый размер налога на добавленную стоимость (НДС) на всех технологических переделах;

– высокие риски рентабельного функционирования предприятий, особенно на конечных технологических переделах;

– предпочтения внешних импортеров в экспорте российских продуктов переработки с меньшей ВДС;

– отсутствие государственной поддержки развития перерабатывающих отраслей;

– нестабильная и нередко убывающая рентабельность на возрастающих технологических переделах.

Перечисленные причины могут быть устранены при осуществлении реалистичной и прогрессивной промышленной политики правительства, формируемой с учетом национальных интересов и согласованной с отечественным бизнесом.

С учетом возможной трансформации качественного соотношения между РФ и США в распределении ВДС по упорядоченным комплексам отраслей перспективно следующее поэтапное позиционирование распределения ВДС (рис.1):

1-й этап – «начало реструктуризации». Оно предполагает ускоренное относительно других развитие комплекса перерабатывающих отраслей, способное сформировать предпосылки и для ускоренного развития комплекса обрабатывающих отраслей.

2-й этап – «ликвидация отставания базовых отраслей», ориентирующая на ускоренное развитие обрабатывающих отраслей. Это, прежде всего, связано с формированием заказа обрабатывающим отраслям на разработки и

поставки новых технологий, техники и оборудования, что позволит приблизиться к равномерному распределению ВДС по всем четырем комплексам отраслей.

3-й этап – «создание и сохранение устойчивого потенциала перерабатывающих и обрабатывающих отраслей», означающее удержание преимущества в объемах и темпах роста ВДС базовыми отраслями. При этом стартовая ресурсно-инновационная стратегия переходит в инновационно-технологи-
ческую стратегию развития экономики России.

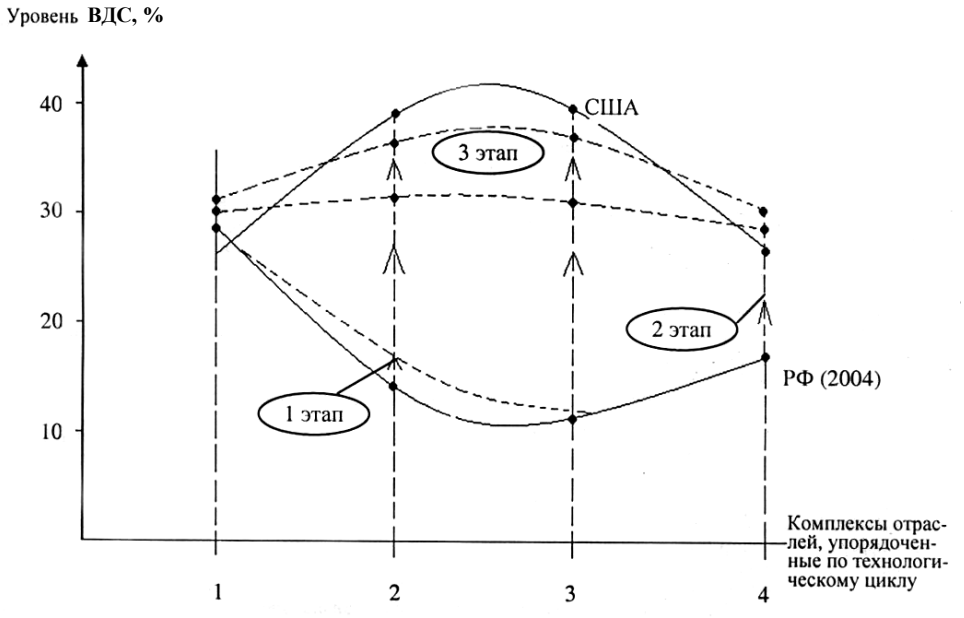

Рис. 1. Поэтапный порядок реализации стратегии инновационно-технологического развития экономики России

Последовательное изменение распределения ВДС не означает новой попытки экономического соревнования РФ и США. Но переход к такому типу распределения ВДС для экономики РФ может означать ее более предпочтительное позиционирование в мировой экономике и приближение к экономикам развитых стран. Неизбежное приближение к уровню максимальной
добычи природных ресурсов, прежде всего невозобновляемых запасов углеводородного сырья, ставит перед экономикой страны новые проблемы, включая принятие более сбалансированной экономической стратегии. При этом следует обеспечить три главных условия:

– максимально полное, экономически оправданное и экологически безопасное извлечение всех полезных запасов ресурсов;

– глубокую, максимально безотходную переработку ресурсов в полезные продукты;

– энерго- и ресурсосберегающее использование первичных ресурсов, полученных на их основе продуктов, энергоносителей и произведенной энергии.

Основой обеспечения поиска этих условий являются новые технологии, инвестиции и активная государственная поддержка. На региональном уровне ситуация с распределением ВДС по технологическому циклу неоднозначна. Например, последовательная и продуманная инновационно-промышленная политика Правительства Москвы позволяет ежегодно получать рост объема промышленной продукции уже в течение трех лет более 18%. При этом затраты в Москве на технологические инновации в объеме отгруженной продукции в последние три года превосходят 10%, что в 3 раза выше чем во всех федеральных округах страны. Мониторинги, проведенные по указанию как Правительства Москвы, так и по программам оценки деятельности предприятий позволили установить следующее распределение затрат на основные виды технологической инновационной деятельности хозяйствующих субъектов:

– 25,8% – приобретение и освоение машин и оборудования, имеющих отношений к технологическим инновациям;

– 15,3% – производственное проектирование, другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрения услуг или методов их производства (передачи);

– 13,5% – исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов;

– 11,2% – приобретение программных средств;

– 9,9% – обучение и подготовка персонала, связанная с технологическими инновациями;

– 7,8% – маркетинговые исследования в области технологических инноваций;

– 6,5% – приобретение технологических инноваций;

– 10,0% – прочие технологические инновации.

Анализ статистических данных позволил установить распределение затрат на исследования и разработки в общем объеме отгруженной продукции, а именно:

– 64,4% организаций расходуют на исследования и разработки до 1% от общего объема отгруженной продукции;

– 14,7% организаций – 4% и более;

– 11,7% организаций – 1–2%;

– 9,3% организаций – 2–4%.

Экономический рост способны обеспечить финансовые и другие ресурсные накопления, необходимые для качественных изменений в национальной экономике и технологической модернизации производства. Такой подход позволит ликвидировать сложившуюся диспропорцию в технологической структуре экономики: в настоящее время доля промышленности в ВВП составляет не более 26%, в бывшем СССР она равнялась 27%, а в развитых промышленных странах превышает 45%. Для преодоления сложившейся тенденции целесообразно использовать методы нормативного прогнозирования, которые позволили бы принципиально изменить траекторию развития экономики страны и регионов.

На формирование стратегии ресурсно-инновационного развития влияют многие факторы и условия. К внешним условиям относятся национальные интересы, а также требования потребителей продукции (услуг) на внутренних и внешних рынках. Среди возможных факторов, влияющих на формирование стратегии, могут быть выделены следующие: ресурсы, наукоемкая продукция и инновации. Стратегия ресурсно-инновационного развития промышленных комплексов РФ предполагает последовательное увеличение глубины и качества технологической переработки и обработки добываемых ресурсов, что позволяет последовательно вовлекать в производственный оборот и удерживать в нем более высокие доли первичных ресурсов по сравнению с распределением, сложившимся в настоящее время. В результате произойдет значительный рост загрузки простаивающих производственных мощностей, наращивание объемов выпуска с привлечением новых инвестиций. В итоге наукоемкий сектор к 2012 г. может вырасти примерно в 3 и более раз. К основным условиям реализации ресурсно-инновационной стратегии, обеспечивающей гармонизацию технологической структуры экономики путем расширения производства на завершающих стадиях технологического цикла, можно отнести следующие направления:

1. Стратегия должна гармонизировать научно-техническое, технологическое и экономическое развитие и процесс глобализации путем выбора, с учетом национальных интересов доминант геоэкономической ориентации страны, реализации ее сравнительных преимуществ в рамках международного разделения общественного труда, а именно:

– формирование «зоны особых интересов» России на пространстве СНГ и соседних государств с дифференциацией по регионам: в странах Балтии, Центральной и Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока и Индии, в КНР и странах Тихоокеанского региона для приоритетного сбыта наукоемкой, высокотехнологичной продукции;

– интеграция российской экономики в западную, прежде всего, европейскую, а также селективная кооперация российского

высокотехнологичного потенциала и соответствующих структур экономики развитых стран (например, подключение российского ОПК к международным научно-техническим и военно-техническим программам, хотя бы в рамках ШОС).

Это будет способствовать гармонизации технологической структуры народного хозяйства при достижении устойчивых внешнеэкономических связей в рамках единой структуры и формированию механизма получения технологической ренты с «зоны особых интересов» как «внешнего продолжения» национальной российской экономики, что может существенно увеличить темпы роста ВВП.

2. Необходимо обеспечить трансформацию уже сформировавшейся совокупности наиболее жизнеспособных и эффективных предприятий ОПК и высокотехнологичных гражданских производств, имеющих долгосрочную перспективу на мировых рынках, в рамках единой национальной инновационной, научно-технической системы, ориентированной на разработку, производство и продажу как передовой военной, так и высокотехнологичной гражданской продукции. Это не исключает необходимости сохранения отдельных узкоспециализированных производств оборонного типа. Заказы Минобороны России должны концентрироваться преимущественно на предприятиях, производящих продукцию, конкурентоспособную на внешних рынках, либо продукцию в рамках Гособоронзаказа и на длительное время (3–5 лет).

3. Должно быть обеспечено финансирование консервации потенциально перспективных, но временно невостребованных разработок путем систематизации и подробного оформления групп сопровождения, в которых будет обеспечиваться преемственность кадров.

4. Приоритеты господдержки 7–10 критических метатехнологий (информационные технологии, биотехнологии, космос, авиация, энергомашиностроение, нанотехнологии и пр.) способных стать «локомотивами развития» как для целых отраслевых кластеров, так и экономики в целом. Они должны быть системно увязаны между собой и распределены по отраслям технологического цикла с целью последовательной модернизации всего комплекса отраслей, а не только наукоемкого, высокотехнологичного сектора. В рамках этих «суперпроектов» необходимо сделать ставку на сохранение научных коллективов, которым должно быть обеспечено расширенное воспроизводство (включая существенное повышение оплаты труда) с целью превращения их в инновационно-технологические центры. Последние смогли бы обеспечить организационное и научное сопровождение всего научно-технологического цикла «фундаментальные исследования – прикладные исследования – практические разработки – создание и освоение инновационной

продукции». Это позволит не только прекратить утечку научных кадров за рубеж, но и содействовать возврату в Россию ведущих ученых, ранее уехавших на работу в иностранные фирмы.

5. Стратегия должна обеспечивать системную увязку трех возможных типов субстратегий: национального лидерства в системных технологиях, партнерского участия в кооперации с ведущими фирмами и лидерства в отраслевых базисных технологиях для производства отдельных компонентов конечного продукта. Другими словами, в ряде отраслей (например, в авиакосмической промышленности) можно допустить селективную интеграцию ведущих компаний в производственные, научно-технические и сбытовые сети европейского и мирового уровня по некоторым видам продукции и таким образом включиться в процесс формирования региональных и глобальных технологических альянсов.

В результате оценки перспективных технологий для экономики страны были проведены опросы более 3 тыс. научно-производственных предприятий. В результате получены данные о более 4 тыс. перспективных технологиях. В табл. 1 представлены агрегированные по направлениям результаты этого исследования.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕЧНЕЙ
ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ПРИОРИТЕТНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ

Приоритетные направления	*Количество*		
	организаций, участвующих в опросе	*полученных ответов*	*предлагаемых технологий*
Информационно-телекоммуникационные технологии и электроника	364	86	327
Космические и авиационные технологии	185	30	195
Новые материалы и химические технологии	120	32	277
Новые транспортные технологии	41	7	148
Производственные технологии	900	130	775
в том числе:			
Быстрое возведение и трансформация жилья	109	10	43
Мехатронные технологии	115	10	43
Лазерные и электронно-ионно-плазменные технологии	65	22	122
Оценка комплексное освоение месторождений и глубокая переработка стратегически важного сырья	213	28	227
Технологические совмещаемые модули для металлургических мини-производств	88	21	95
Микросистемная техника	100	6	28
Информационная интеграция и системная	109	14	138

поддержка жизненного цикла продукции (CALS-технологии, CAD-CAM, CAE)			
Технологии глубокой переработки отечественного сырья и материалов в легкой промышленности	66	14	62
Технологии на основе сверхпроводимости	35	5	17
Технологии живых систем	186	79	671
Экология и рациональное природопользование	196	78	439
Энергосберегающие технологии	155	50	437
Нанотехнологии и наноматериалы	749	105	723
Всего	2898	597	3994

ЭХО РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

П.П. Марченя

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И МАССЫ В РОССИИ 1917 ГОДА: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИИ

Марченя Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета и Московского университета МВД России.

Проблема изучения особенностей взаимовлияния и взаимодействия политических партий и масс в России является одной из ключевых для целостного осмысления отечественной истории последнего столетия и важной составляющей рефлексивно-исследовательского комплекса под названием «Россия и современный мир».

В этом контексте особое значение для историков России сохраняет тема революционных событий Февраля-Октября 1917 г., под знаком 90-летия которых проходил весь прошлый, 2007 год. Юбилей послужил катализатором ожесточенных дискуссий специалистов (и не только) по самым разным аспектам революционной тематики. Не секрет, что в научном сообществе нет единства даже по наиболее общим теоретическим положениям: что считать «Великой Русской революцией» (и считать ли вообще), как разграничить «Февраль» и «Октябрь» (если разграничивать), называть ли Октябрь переворотом или революцией (а если революцией – то какой она имела характер и в каких хронологических рамках протекала) и т.д., и т.п. Словно отголоски Гражданской войны (хорошо бы только прошлой, но не будущей) слышатся в непримиримо полярных высказываниях по этим и многим другим вопросам. Серия тематических научных мероприятий, собравших по поводу круглой даты двух русских революций ученых и политиков самых разных взглядов[1], в очередной раз продемонстрировала всю неоднозначность и остроту проблемы понимания того, что произошло без малого век назад, но до сих пор продолжает раскалывать российское общество на непримиримые лагеря.

Не окончен и старый спор о закономерности и обусловленности победы большевиков и поражения других, первоначально более крупных и популярных политических партий России, рассматриваемых в качестве исторических альтернатив большевизму. Подобно всякому значимому историческому событию, революция 1917 г. активно эксплуатируется в современной политической мифологии, где за действительное может выдаваться как желаемое, так и не желаемое. Некоторые юбилейные доклады в очередной раз продемонстрировали, что попытки использовать ошибки прошлого для оправдания настоящего осуществляются иногда явно вопреки историческим фактам, формальной логике и даже просто здравому смыслу. Так, например, на одном из «круглых столов», посвященном революции, один видный общественный деятель заявил буквально следующее: «Тем не менее закончил бы я на мажорной ноте. Как известно, на выборах в Учредительное собрание победили эсеры, собрав 39,5 процента голосов. 4,5 процента получили кадеты, 3,5 процента – меньшевики, 14,5 процента – национальные партии. Большевики взяли в масштабах страны лишь 22,5 процента голосов. *Значит, несмотря на все потрясения, катаклизмы и прочее, общество проголосовало за демократический путь развития, за многопартийную систему, за социальную справедливость* (курсив мой. – П.М.)»[2]. Противопоставляя таким образом большевистскую партию всем остальным, отнюдь не имевшим общей программы и значительно различавшимся по целям, выступавший исходил из более позднего опыта большевизма у власти, который тогдашнее российское общество и электорат Учредительного собрания никак не могли предвидеть.

В связи с этим, исключительно значимым для осмысления исторической логики случившегося тогда судьбоносного выбора России является исследование массового сознания революционной эпохи, в недрах которого и формировался ответ на вопрос об «исторических альтернативах». Любой «исторический выбор пути» становится подлинно *историческим*, только если он признан *массами*, получил поддержку в *массовом сознании*. Поэтому в период серьезных качественных трансформаций в обществе массовое сознание стоит рассматривать не только как объект борьбы партий и партийных идеологий, но и как важный фактор политической истории и критерий реальной жизнеспособности и эффективности различных исторических альтернатив. Важно осознать, что массовое сознание не есть лишь «фон развивающихся идеологических процессов» и «объект манипулятивного воздействия идеологических программ и идеологических конструктов»[3]. Это еще и активный субъект политической жизни, в определенных исторических ситуациях оказывающий большее влияние на партии, чем партии на него.

Непонимание и сознательное игнорирование этого факта породили особую историографическую ситуацию темы. С одной стороны, наличествует множество исследований русских революций, которые специально посвящены так называемой «борьбе политических партий за народные массы». С другой – методологической основой большинства из них остается миф о том, что между бумажными текстами партийных программ и подлинным успехом тех или иных конкретных партий в массах существует прямая и действительная взаимосвязь. В русле такого подхода тема ментального соответствия властных и околовластных «элит» России пресловутым «народным массам» и, соответственно, вопросы об органической совместимости «российских политиков» и «россиян», долгое время находились за обочиной актуального интереса отечественных ученых.

Априорное положение о том, что российский (впрочем, как и иной) электорат в массе своей составляет сознательное мнение о политической партии путем изучения ее программных документов и соотнесения их со своими «объективными» интересами – основано либо на наивной вере обывателя, либо на лицемерном ханжестве или заведомом цинизме манипулятора. Надо признать, что абсолютное большинство населения как не читало партийных программ ранее, так не читает их и теперь.

Процессы «примерки» определенного мировоззрения, шкалы ценностей, модели поведения конкретных партий, в ходе которых народ осуществлял некий выбор, и происходило поэтапное движение от политической пассивности к сравнительной политической определенности[4], в России (тем более, в России 1917 г.) весьма далеки от каких бы то ни было рациональных схем и линейных последовательностей.

По свидетельству хорошо знавшего особенности отечественной партийной «кухни» В.А. Маклакова, «…политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. *обывательской* массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии *обыватель*. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить. Суждение обывателя проще»[5].

Сказанное относится не только к широким «темным» массам, но и к «просвещенной» российской интеллигенции. Как откровенно сформулировал популярный столичный адвокат Ф.Н. Плевако, «сознательно» вступая в политическую партию, в ответ на вопрос о знакомстве с ее программой: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?..»[6].

А вот как описал «причины» и степень «осознанности» личного партийно-политического выбора один из умнейших людей своего времени

В.В. Розанов: «… Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов, – кричал Боря, попыхивая трубочкой. – Твои октябристы, Боря, болваны; но так как у жены твоей у-ди-ви-тельные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов. И подал за них (в 3-ю Думу): так как квартиры д-ра Соколова (старшина эсдеков в СПб., – где-то на Греческом проспекте) не мог найти, а проклятый “бюллетень”, конечно, потерял в тот же день, как получил…»[7]

Заметим, что речь идет о «выборе», сделанном еще в относительно спокойный, дореволюционный период. Понятно, что в революционной многоголосице постфевральских партийных речей определиться со своими политическими симпатиями путем изучения и сравнения партийных документов и прессы неискушенному российскому избирателю было очень непросто. М.А. Волошин, искренне пытавшийся осмысленно сделать партийный выбор, горько жаловался в мае 1917 г., что совершенно не в состоянии сам для себя определить, в какой политической партии «выражалось бы то, чего можно было бы пожелать России». Славившийся своей мистической проницательностью поэт с недоумением признавался: «…читая газеты, я по очереди соглашаюсь с самыми противоположными мнениями, только проявления человеческой глупости меня выводят из себя…»[8]. Но даже такие, пусть и неудачные, но все же попытки составить собственное мнение о партии посредством изучения ее программы – представляли редчайшее исключение, а вовсе не правило.

Сами партийные деятели зачастую принципиально не интересовались текстами партийных программ. Так, А.Ф. Керенский сознавался в своих воспоминаниях: «Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. Я всеми силами этого избегал, не потому, что занимал другую позицию, а потому, что по натуре никогда не был склонен к подобным занятиям. В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы. Я был слишком захвачен грандиозной таинственной неизвестностью, к которой нас неудержимо влек головокружительный ход событий. И говорил себе, что ни программы, ни дискуссии не ускорят грядущего и не отменят случившегося. Революцию порождает не только мысль, она проистекает из самых глубин человеческих душ и сознания. И действительно, все проекты, программы, теории были отброшены и забыты, прежде чем их успели практически воплотить авторы, которые двинулись дальше диаметрально противоположным путем»[9].

Но если программы партий не читались людьми блестяще образованными и партийными, то чего же было ожидать от безграмотных и беспартийных крестьян, солдат и рабочих (тем паче от крестьянок, солдаток и работниц!), впервые призванных к участию в политике, о которой они

имели самое смутное представление? В сложившейся новой, совершенно незнакомой и непонятной для выведенных из равновесия масс ситуации, от них требовали срочно определиться с выбором «своей» партии. Для обескураженных невиданной ранее «демократией» «простых людей» все программы всех партий первоначально были неотличимы друг от друга. По их свидетельству, понять можно было лишь одно: «…все эти партии на разные лады хвалили свои программы и, ратуя за свободу, предлагали рабочим, солдатам и крестьянам свое руководство, а на словах давали обещание устроить всем хорошую жизнь и полное довольство»[10].

Межпартийное соперничество в борьбе за политические симпатии внешне далекого от политики «русского мужика» (не говоря уже о «русской бабе») разворачивалось не в политическом измерении. И развивалось оно в условиях, когда, по признанию известного кадетского публициста А.С. Изгоева, «…каждая партия своих соседей ругает “буржуями”. Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков “буржуями”, а меньшевики доказывают, что большевики – мелкобуржуазная партия»[11].

Если такая ситуация установилось в центре, то что же можно сказать о положении в регионах? По сообщению самарской кадетской газеты «Волжский день», даже спустя несколько месяцев «демократической многопартийности», уже ближе к осени 1917 г., «…в провинциальных уездных городишках совершенно нельзя установить, к какой партии принадлежит тот или иной общественный деятель. Вчера был социал-демократ, сегодня – социалист-революционер, а завтра он будет, наверное, кадетом. Никакой партийной дисциплины и чистоты. Социал-демократы вступают в блок с явными черносотенцами, социалисты-революционеры с какими-то беспартийными субъектами…»[12]

При этом необходимо учитывать, что отечественные политические партии «являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации»[13]. Поэтому справедливо замечание о том, что анализируя выступления представителей тех или иных партий, нужно обращать внимание не только на партийные программы, но и на умонастроение входящих в партии людей. «Возможно, существует некая разделительная граница между носителями одного менталитета и другого безотносительно к программным установкам, которые зачастую оказываются близкими. В

какой-то ситуации люди с разными программами могут найти общий язык, а люди с одной программой могут этого общего языка не найти. Все это представляется важным для анализа политических процессов в их развитии. Особенно большое значение при оценке той или иной партии приобретает свойственный ей модуль поведения»[14]. Подобные выводы современных исследователей живо перекликаются с мнениями политических деятелей прошлого. Еще И.И. Петрункевич высказывал мнение, что российские «либералы, радикалы и революционеры различались не политическими целями, а темпераментом»[15].

Таким образом, ответов на вопросы о причинах побед и поражений тех или иных конкретных политических партий в борьбе за массы не найти в их программах. Более того, по программным документам партий затруднительно судить не только об отношении к ним избирателей, но и о самих партиях. М. Дюверже так характеризовал специфику жизни партийной организации: «Организация партий покоится главным образом на практических установках и неписаных правилах, она почти полностью регулируется традицией. Уставы и внутренние регламенты всегда описывают лишь ничтожную часть реальности, если они вообще описывают реальность; ведь на практике им редко следуют неукоснительным образом. А с другой стороны, партии сами охотно окружают свою жизнь тайной, и поэтому нелегко добыть о них точные сведения, даже элементарные. Здесь сталкиваешься с первобытной юридической системой, где законы и ритуалы секретны, а посвященные фанатически укрывают их от мирских взоров. Одним только ветеранам партии хорошо известны все перипетии организации партии и тонкости интриг, которые в них завязываются. Но они редко обладают научным складом ума, что мешает им сохранять необходимую объективность; и они так неохотно говорят...»[16]

Заметим, что речь идет о «классических» партиях сравнительно благополучного Запада, имеющего длительную историю развития многопартийности и устоявшиеся демократические традиции. По сравнению с ними, отечественные партийные организации 1917 г. имели ряд отличительных особенностей, еще более заостряющих сформулированную Дюверже проблему. Наряду с очевидно более поздним формированием российских партий и их построением «слева направо», современные исследователи к числу таковых относят: «насаждение сверху», а не «прорастание снизу»; «интеллигентский характер» и вытекающие из него повышенную степень конфликтности и абстрактность идеалов, не соотнесенных с реалиями страны; недостаточность как прямой, так и обратной связи с электоратом; нахождение вне общественного контроля в силу отсутствия гражданского общества и правового государства; «герметичность», нетерпимость к инакомыслию как в собственной, так и в

окружающей среде; воспроизведение авторитарной модели идеологии и методов исторически господствующего в России режима[17]. Даны и еще более хлесткие и емкие характеристики: «Партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснодушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов»; «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом “пустоцвет”, способный, однако, провоцировать смуту», а «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно – проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то программные установки»[18].

Следовательно, если мы действительно хотим разгадать секрет популярности и непопулярности в народе тех или иных партий, необходимо анализировать не столько программные установки разных партий как средство борьбы за массы, сколько «модули поведения» этих партий и их отношение с «модулями поведения» самих масс. Предметом изучения при этом становится не степень соответствия «объективным» интересам «электората» различных партийных проектов, а непосредственное отношение его к самим партиям, мифологизированный имидж которых складывается в народном сознании вне зависимости от недоступных ему доктринальных хитросплетений. Конкретные результаты борьбы партий определялись в решающей степени тем, насколько резонировали, либо напротив, вступали в противоречие идейно-ценностные, психологические и поведенческие векторы ведущих политических сил с доминантными установками массового сознания, ситуативно производного от архетипических характеристик русского народа. Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было соответствовать особенностям народной ментальности и учитывать механизмы массового сознания и поведения. Эффективность партийной пропаганды определялась в первую очередь не степенью и качеством выражения группового сознания, а способностью «цеплять» коллективное бессознательное. Политический успех той или иной партии в условиях русской смуты определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги этой партии были понятны русскому мужику и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, а также со спецификой их преломления в массе.

В конечном итоге, в условиях «пустоцвета» постфевральской многопартийности, на поражение была обречена любая партия, не способная

позиционировать себя адекватно массовому сознанию и поддерживать с массами
непрерывную двустороннюю связь. Наибольшие шансы на успех получала партия, способная максимально использовать ресурсы народной идеологии и особенно психологии. Для этого партии, желающей победить, необходимо было твердо обозначить ожидаемую массами позицию по наиболее острым вопросам революции: «о земле» (ибо «земельный вопрос является той центральной точкой, около которой сосредоточено внимание не только партий, не только отдельных групп, но самое главное – широких народных масс, как сельскохозяйственного производительного класса, и как национальных единиц, составляющих Россию»[19]) и «о мире» (ибо вопрос о мире «как лампа Аладдина, кто ее взял, тому и служат духи, тому дается и власть в руки»[20]). Кроме того, чтобы не «повиснуть в воздухе», необходимо было озаботиться внедрением в массовое сознание таких идеологем, которые, с одной стороны, смогут в достаточной степени выразить партийные установки, с другой – будучи облечены в соответствующие лозунги, окажутся созвучны чаяниям масс (т.е. обеспечат социокультурную преемственность исторической традиции). В условиях смуты лишь обращение к «почве» могло дать политическим партиям реальный шанс обрести надежную «почву под ногами».

Но ни земли, ни мира, ни доступной массовому сознанию Идеи, способной скрепить устои «демократической» государственности и консолидировать общество, пришедшие на смену самодержавию силы предложить не сумели. Политические элиты явно недооценили массы, и это стало роковой ошибкой новой российской власти и ее крупнейших партий. Именно массовое сознание, в котором аккумулировались и резонировали все взрывоопасные противоречия революционной эпохи, фактически и оказалось решающим, доминантным фактором политической истории русской революции[21].

Исходя из всего вышеизложенного, кратко охарактеризуем четыре общероссийские партии 1917 г., представлявшие основные партийно-политические альтернативы (либерализм, социал-демократия, неонародничество и большевизм), от отношения к которым со стороны широких масс, собственно, и зависела судьба так называемой «Февральской демократии». Это («справа налево»): кадеты, меньшевики, эсеры и большевики. Именно «их взаимодействием, – по выражению Л.Г. Протасова, – определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные и промежуточные партии»[22].

Можно с полной уверенностью констатировать, что Конституционно-демократическая партия, в интересующее нас время именовавшая себя не иначе как «Партия Народной Свободы», не имела никаких шансов на победу

в борьбе за массы в условиях войны и смуты 1917 г., так как просто не имела ничего общего ни с самим народом, ни с его пониманием «свободы».

Даже лидер кадетов П.Н. Милюков признавал: «Никто не будет отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения»[23], «…без опоры на массы мы не сила, на нас поэтому рассчитывать нельзя, никакой помощи оказать мы не можем…»[24] Кадеты вопиюще игнорировали массы и демонстративно не считались с коллективной психологией большинства населения России. Не желая идти на уступки даже по самым больным вопросам массового сознания – о мире и земле, – либералы непоправимо упустили время первоначального доверия и радужных ожиданий масс. Самозванные «борцы за народную свободу» не умели и не хотели разговаривать с народом на понятном ему языке. Выступления кадетских деятелей и предлагаемые ими проекты решения тех или иных вопросов были непонятны и неприемлемы для масс ни по содержанию, ни по форме. Даже внешний вид представителей кадетской партии восстанавливал массы против нее, ибо «у нашего населения самые смутные понятия о буржуе: кто чуть получше одет – тот и буржуй и доверять ему нельзя»[25].

В условиях, когда, по свидетельству современников, «толпы обывателей, одинаково далеких от социализма, демократизма, либерализма, объявили себя... социалистами», «быть социалистом, заявлять себя таковым, вступать в социалистическую партию стало просто требованием бонтона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы дерзать отмежевываться от социализма»[26], кадет в массовом сознании становится конкретным воплощением образа врага. Ответом народа ораторам-кадетам на их невнятные, с точки зрения масс, выступления (как будто для полноты абсурда, часто еще и начинавшиеся с одиозного: «Господа!» – что незамедлительно и абсолютно предсказуемо провоцировало буйную агрессию толпы) становится: «Мы крестьяне, а вы – буржуй»[27].

В атмосфере «митинговой демократии» кадетские интеллигенты практически не имели шансов на понимание толпы. «Ты не виляй как собака хвостом, говори прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие – в вашем списке? Нет у них, братцы, трудовых людей – все у них купцы, помещики али их сынки или прихвостни их – кричат солдаты-большевики с разных сторон», – передает в своих воспоминаниях картину обычного солдатского митинга бывший солдат. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути решения наболевших проблем, о том, что «без закона нельзя», тотчас раздавалось: «Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад и чтобы летел с трибуны головой вниз!..»[28]. Один из кадетских активистов так вспоминал о соперничестве с большевиками на митинге в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка: «Увы! Зиновьев

“побил” и старого Дейча, и А.И. Шингарева, отважившегося выступить со своими кадетскими тезисами в этом осином гнезде. Наши крики, наши аплодисменты и свистки не могли ничего изменить в “соотношении сил”, а солдаты обложили нас нецензурной бранью, из которой мы должны были понять, что буржуазные сынки последний раз уносят ноги целыми с митинга “сознательных” гренадер. Уходя (надо сказать, очень поспешно) с этого ристалища, мы уносили все то же чувство злобы и бессилия и желание от слов перейти к действиям»[29].

Кадеты не только не перешли «от слов к действиям», но и слов, доступных массе, так и не нашли. «Демократы без демократии», они даже не пытались адаптировать свою пропаганду, сделать ее адекватной сознанию адресата, в силу чего «...единственной аудиторией, которая могла бы внимать кадетскому слову, оставалась сама интеллигенция»[30]. Элементарное непонимание массами смысла кадетских речей, усугубляемое «антибуржуйской» пропагандой остальных партий, способствовало тому, что весеннее, бессознательно-доверчивое отношение народа сменилось жаждой расправы, достигшей апогея к осени 1917 г., когда экстремистски настроенные толпы преследовали российских либералов везде, где встречали. (Характерно, что массовые акты насилия по отношению к членам партии конституционных демократов зачастую происходили как раз в ходе «реализации демократических процедур». Бюллетени и записки с их кандидатами «торжествующе рвали в клочья», самим активистам ПНС обещали «выпустить кишки», а бывало, что и били прямо на избирательных участках избирательными же урнами[31].)

Не удивительно, что именно кадеты – эти «слепые поводыри» русской революции – были назначены всеми остальными партиями на роль «козла отпущения». «Партия Народной Свободы» сама позиционировала себя так, что в условиях «народной свободы» стала чуждой своему народу и своему времени. Считая себя творцами Великой Русской Революции, кадеты очень скоро оказались в глазах народа «временщиками», политическими шарлатанами, самозванно узурпировавшими место Царя-батюшки и, в конце концов, «повинными в смуте оборотнями».

Не очень счастливой, но поучительной оказалась в истории русской революции и судьба социал-демократов-меньшевиков.

Члены этой партии принципиально отказались от поиска массового союзника, от ставки на стихию, от использования мощи психологии масс в целях прихода к власти, для которого, по их мнению, не созрели исторические условия. Они не хотели ослаблять «пролетарскую социалистическую революционность крестьянским бунтарством и крестьянскими, якобы социалистическими, иллюзиями», «отказавшись от авантюристического использования временной ситуации, когда

несознательность крестьянских масс может в известный момент... бросить их в... объятья» социалистов и подчеркивали, что не следует «стремиться вызвать такую ситуацию»[32]. Эта партия категорически не желала обрести опору в сознании многомиллионного российского крестьянства, ибо, как выразился член ее ЦК Н.А. Рожков, «социал-демократия исходит из одного – из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним»[33].

Ортодоксальные и политически близорукие марксисты меньшевистского толка забыли завет Маркса, что именно в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»[34]. (Его, напротив, прекрасно помнил куда менее догматичный вождь большевизма. В.И. Ленин, по собственному признанию, совсем не желал уподобляться тем «горе-марксистам», о которых сам Маркс писал: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»[35].)

И в «вопросе о земле», и в «вопросе о мире», меньшевики, подобно кадетам, демонстрировали, как «страшно далеки они от народа». Не имея собственной политической воли, они призывали все «демократические силы» к единству, а между собой были согласны, по выражению Г.В. Плеханова, разве только в том, что «меньшевизм лучше большевизма»[36]. Но сами меньшевики в искреннем самолюбовании считали такую свою позицию единственно верной. (Как высказался на I Всероссийском съезде Советов И.Г. Церетели, «мы понимаем, что только при такой политике, которую мы ведем, – политике, сплачивающей все живые силы страны в поступательном развитии революции, – спасение страны»[37].)

Современные исследователи справедливо отмечают целый ряд негативных особенностей партии меньшевиков: «догматическую зашоренность»;
непонимание «особенностей русского народного менталитета и истории страны», отличавших Россию от Запада, трактуемых исключительно как «пережитки прошлого» и «недостатки, подлежащие исправлению» (что провоцировало «конфликт между реалиями жизни и умозрительными идеологическими построениями», «гигантский разрыв между декларированными меньшевиками гуманными целями демократизации российского общества и тем ужасным анархо-уголовным результатом, который был получен страной к осени-зиме 1917 г.»); склонность перекладывать ответственность за свои просчеты на большевиков; политическую нерешительность, неспособность настоять на проведении реформ, жизненно необходимых стране; отсутствие политической воли и фактическую (политическую и мировоззренческую) «капитуляцию перед

либералами, объективно тянувшими страну к военной и экономической катастрофе»[38].

Тем не менее эта партия вела за собой большинство Советов (кроме крестьянских) и профсоюзов, ее политический приоритет признавали эсеры, она «снабжала всю контрреволюцию теоретическими доводами против большевиков»[39] и считалась «мозгом революционной демократии»[40]. В условиях смуты 1917 г. меньшевистская партия упорно продолжала громогласно объявлять русское крестьянство – это более трех четвертей населения России! – «аморальным классом»[41].

Стоит ли недоумевать, отчего эта партия в массовом сознании сблизилась с «образом врага» и лишь немногим позже разделила историческую участь либералов? Как удовлетворенно констатировали кадетские издания, уже в мае «жизнь поставила социал-демократов меньшевиков и кадетов вплотную друг к другу – это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное – идеологии»[42]. Осенью же большевики имели все основания подвести итоги «хождения во власть» партии меньшевиков и результаты их «сотрудничества» с либералами: «За 6 месяцев знамена у меньшевиков побелели, а вожаки их выветрились»[43].

Ю.О. Мартов в одном из частных писем так объяснял свое неприятие большевизма: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с аракчеевским пониманием социализма и пугачёвским пониманием классовой борьбы, которые порождаются …фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве»[44]. Но что же тогда предлагал разбушевавшейся русской стихии сам меньшевизм? Подождать до тех пор, пока не сложатся «подходящие условия»? Или пока «почва» сама собой из «азиатской» не превратится в более отвечающую «европейскому идеалу»?

Откладывая на абстрактное будущее претворение в жизнь конкретных, востребованных массой преобразований, меньшевики в итоге остались в прошлом. Как было подмечено еще очевидцами и участниками революции, в проповеди социализма, с одной стороны, и в попытках удерживать массы от его «осуществления» – с другой, была заключена «безысходная, самоубийственная противоречивость», характеризующая идеологию и деятельность всей революционной демократии[45].

Не будет большим преувеличением сказать, что тактика, которую избрали для себя в революции 1917 г. российские меньшевики, стала политическим суицидом. Декларируя, что их время еще не пришло, позиционируя свои идеалы как «европейские», к которым пока не готова

«азиатская почва» России, меньшевики, по сути, сами выбросились за обочину продолжающейся истории Российской цивилизации. Резонным ответом на их упреки массам, в частности, в адрес рабочего класса, который не оправдал возлагаемых на него надежд, не проявил «достаточной классовой сознательности» и пошел «за сбившими его с верного пути большевиками», становится меткая реплика из зала: «Тогда вам нужно найти себе другой рабочий класс!»[46].

Не менее самоубийственным характером в это же время отличилась и политическая психология партии социалистов-революционеров.

Вступив в коалицию с меньшевиками и перейдя от погромной агитации «Земли и Воли» к попыткам решать вопросы государственного значения конституционным путем, эсеры быстро утратили контроль над народной стихией, ранее развязанной во многом именно их действиями. Положение эсеров между двумя революциями 1917 г. было крайне антиномично: одной рукой указывая сельскому миру на вожделенную землю, они раскачивали колоссальную силу, высвобождавшуюся из недр крестьянства, другой – пытались придерживать растущий радикализм выведенных из равновесия широких масс. Даже меньшевики, будучи союзниками эсеров в их коалиции с буржуазией, подчеркивали: «У социалистов-революционеров два лица, две позиции, две тактики: одна – непреклонная, крикливая – для масс, налево, другая – уклончивая, оппортунистическая, сбивчивая – для буржуазии, направо... Для широких масс упрощенные лозунги, которые никогда осуществлены не будут, для превращения же этих лозунгов в жизнь совсем иная тактика, неустойчивая и расхлябанная»[47]. А по злорадной оценке кадетов, «разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же ее назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже о государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу»[48].

Как и следовало ожидать, взаимоисключающие усилия эсеров примирить вышедшую из берегов стихию масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые, по ехидному выражению Ленина, напоминали попытки «усесться между двух стульев»[49], оказались безуспешны – массы взяли на вооружение большевистские рецепты *немедленного* решения наболевших проблем. Поняв, что проигрывают ленинцам даже крестьянские массы – свою традиционную социальную базу, неонародники, по их собственному запоздалому признанию, наивно пытались подорвать авторитет большевизма «*обещаниями почти того же, что и он обещал, но только – чуть поменьше*»[50].

Противоречивость политики эсеров, усугубленная отсутствием единства внутри партии, на фоне повсеместного озлобления масс и разочарования их в

легитимных процедурах, привела к тому, что большевики, которые, напротив, последовательно поощряли рост массового насилия на аграрной (и не только) почве, сумели тактически обыграть неонародников и превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего «союзника», почерпнув, по признанию Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага»[51]. Перехватив у крестьянофильствующих конкурентов источник их силы, Ленин обезоружил тех надежнее, чем библейская Далила, остригшая Самсона. И подобно Самсону, эсеры заметили, что их могущество призрачно, только когда поражение стало уже очевидно.

Огромную роль в «отвоевании» большевиками масс у эсеров сыграло использование ленинцами наряду с лозунгом немедленного захвата земли и лозунга немедленного прекращения войны. Характерны воспоминания одного из солдат Самарского гарнизона: «Солдаты массами шли в город, чтобы вступить в партию. Вспоминается момент, когда наша группа шла в город, чтобы оформить вступление в РСДРП (б). Глядим, навстречу нам идет такая же группа солдат-однополчан. Повстречались, они нас спрашивают: «Куда идете?» Отвечаем: «В город, оформляться в партию». Они усмехнулись и говорят: «Эк, проспали, мы уже вступили!» Спрашиваем: «А в какую же партию вы вступили?» Отвечают: «В свою, крестьянскую, в партию социалистов-революционеров». Наша группа прыснула смехом и добавила: «Значит вы за лозунг «Земля и воля и война до могилы, то бишь до победы». Наши друзья были ошеломлены: «Как! – вскрикивают они, – разве так? А у большевиков какой лозунг?» – спрашивают. «А у большевиков, – отвечаем, – лозунг такой: «Долой войну!» Наши однополчане тут же повернули назад оглобли и вместе с нами пошли обратно в город, где они все до одного выписались из эсеровской партии и вступили в ряды большевиков»[52].

Непредвзятое исследование взаимовлияния масс и партий в политической истории Февраля-Октября неминуемо приводит к выводу, что большевики оказались единственной – *безальтернативной* – политической силой в России 1917 г., оказавшейся способной обратить массовое сознание в инструмент для достижения своих партийных целей.

Именно они лучше всех умели работать с массой и оперативнее всех реагировали на изменения в настроении масс. Любопытно в этой связи признание, сделанное о своем «авторском методе» словесного гипноза массы Л.Д. Троцким, который объяснял механизм внушения толпе «не просто, а очень просто»: с трибуны надо выбрать самую тупую физиономию и говорить до тех пор, пока не заметишь в ней искру осмысленности[53]. Еще более «чувство массы» было присуще Ленину, которому, пожалуй, в этом смысле вообще не было равных. Тот же Троцкий признавал непревзойденное

умение Ленина выразить настроение массы: «Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей степени свойственна, особенно на великих исторических поворотах»[54].

Большевики завоевывали политический капитал, демонстрируя готовность удовлетворить любые требования масс и не брезгуя никакими способами межпартийной борьбы. (В качестве типичных методов ленинцев их конкуренты перечисляют регулярные «акты грубого насилия по отношению к другим партиям», систематические «срывания митингов с целью зажимания рта противникам», организованные «клаки» (шум по команде), «клевету», «инсинуации» и «намеренные замалчивания» невыгодной для себя информации, «угодничество перед толпой», «спекуляции на темноте масс и их инстинктах», «призывы к погромам», «авантюристические выступления», «беззастенчивую неразборчивость в средствах» и т.д.)[55]. И все же, по неохотному признанию Р. Пайпса, которого сложно упрекнуть в излишних симпатиях к РСДРП (б), «невозможно было бороться с большевиками только на том основании, что в стремлении к общей цели они пользовались более откровенными средствами: во многих отношениях Ленин и его соратники являлись истинной “совестью революции”. Интеллектуальная безответственность и нравственная трусость социалистического большинства создавали психологическую и идеологическую ситуацию, в которой большевистское меньшинство с успехом росло и множилось»[56].

До конца оставаясь «партией радикальной оппозиции», не «скомпрометировавшей» себя участием в немощной демократической коалиции, и благодаря попустительству «демократической власти», ленинцы безнаказанно обещали каждой недовольной группе населения то, чего она более всего желала, при этом ловко указывая не только «*что делать*», но и «*кто виноват*». Тем самым, используя массовую веру в социальную инверсию, они без боя овладели, по сути, социально-психологической монополией на *Чудо*.

Оппоненты большевизма, вполне осознавая психологические корни популярности ленинцев в массах, решительно ничего не могли противопоставить простым, но эффективным большевистским приемам. В результате большевики стали в процессе разлива народной смуты гораздо больше, чем просто партией – для значительной части населения они превратились в единственную надежду. Большевизм взял на себя функции центра, организующего хаос движения масс, притягивающего всех недовольных, аккумулирующего, генерирующего и трансформирующего взрывную силу ресентимента.

По сути, весь ход событий от Февраля к Октябрю 1917 г. представлял процесс трансформации критической массы социального конфликта,

квинтэссенцией которого был вопрос о неадекватности идеологии политических элит массовому сознанию, в социальный взрыв. Итогом этого стала закономерная победа большевизма, мобилизовавшего основные традиционные импульсы народных утопий и мессианских ожиданий и оформившего политически аморфные надежды и требования масс в понятные им лозунги и символы. Современным российским политикам по-прежнему есть над чем здесь задуматься.

Литература

1. Так, например, определенный резонанс в научном сообществе получил ряд конференций международного статуса. К ним, в частности, можно отнести (в хронологическом порядке, везде 2007 г.): *«Уроки революций XX века в России. Роль женщин в революционных процессах»*, 16–17 марта (Ассоциация женщин с университетским образованием «Вера», С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов); *«1917–2007: Идея революции и опыт истории»*, 9–10 июля, Москва (Научно-просветительский центр «Праксис»); *«Документальное наследие двух революций 1917 г. в России: Его сохранение и использование»*, 27–28 сентября, Москва (РГАСПИ); *«1917 год в российской и мировой истории»*, 20–25 октября, Красноярск, (Сибирский Федеральный ун-т [и др.]); *«1917–2007: Уроки Революции»*, 1–2 ноября, Москва; 5–6 ноября, Санкт-Петербург (Современная гуманитарная акад.); *«Россия и революция 1917 г.: опыт истории и теория»*, 4–5 ноября, Санкт-Петербург (Рос. Нац. Б-ка [и др.]); *«Октябрьская революция 1917 года: На перекрестке мнений»*, 6 ноября, Санкт-Петербург (С.-Петерб. Гуманитарный ун-т профсоюзов); *«1917-й: Церковь и судьбы России (к 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона)»*, 19 ноября, Москва (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т).

Отнюдь не бесследно прошло также множество конференций всероссийского, межрегионального и межуниверситетского уровней. Отметим, например: *«Становление демократии и истоки формирования гражданского общества в России. Февраль 1917 года»*, 14–15 марта, Санкт-Петербург (Мемориальный музей «Разночинный Петербург»); *«Тихомировские чтения 2007: 1917 год в судьбах российской археографии и архивного дела»*, Москва, (Археогр. комис. [и др.]), *«1917 год в зеркале истории»*, 24–25 октября, Ульяновск (Музей-мемориал В.И. Ленина); *«Россия в свете революций 1917 г.: Исторический выбор и современные оценки (к 90-летию февральских и октябрьских событий)»*, 25–26 октября, Ставрополь (Ставропольский гос. ун-т); *«Октябрьская революция: Предпосылки, дискуссии, проблемы и значение»*, 14–15 ноября, Воронеж (Воронежский гос. ун-т); *«Революции 1917 года: Уроки истории и политики»*, 16 ноября, Нижний Новгород (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); *«90 лет Октябрьской революции. К итогам современной дискуссии»*, 22 ноября, Москва, Горбачёв-Фонд; *«1917 год: Революции в России»*, 29 ноября, Москва (МГУ им. М.В. Ломоносова); *«Урал в истории России: 1917 год»*, 12 декабря, Пермь (Гос. архив Пермской обл.).

По результатам некоторых юбилейно-научных мероприятий уже опубликованы материалы, вызывающие интерес у научной общественности. См., например: Февральская революция 1917 года в России: история и современность: материалы круглого стола, 13 марта 2007 г., Москва, Рос. гос. гуманитарный ун-т. – М., 2007; *Секиринский С.С.* Февральская революция 1917 года в российской истории [«Круглый стол»] // Отечественная история. –

2007. – № 5. – С. 3–30; 1917–2007: Уроки СССР и будущее России (ресурсно-энергетические, экономико-политические и социо-культурные параметры): доклады и выступления на Междунар. науч. конф., 19–20 апреля 2007 г., Москва, Рос. Гос. Б-ка [и др.]. – М., 2007; 1917 год в судьбах России и мира: сборник материалов науч. конф., Архангельск, Поморский гос. ун-т. – Архангельск, 2007; Интеллигенция в процессах преобразования мира: Исторические вызовы, социальные проекты и свершения: материалы XVIII Междунар. научно-теоретической конф., Иваново, 27–29 сентября 2007 г.: конференция приурочена к 100-летию завершения Первой русской революции и 90-летию революционных событий 1917 г., Иваново, Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2007; Октябрь 1917 года: Взгляд из XXI века [Материалы Всерос. науч. конф., 6 ноября 2007 г., Москва, Ин-т гуманитарного образования]. – М., 2007.

2. См.: Февральская революция 1917 года: Уроки истории. Материалы заседания круглого стола 12 марта 2007 г. Фонд «Единство во имя России». – М., 2007. – С. 75.

3. *Кириллов Н.П.* Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики (Вопросы теории и методологии). – Кн. II. – Томск, 1995. – С. 58.

4. *Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю.* Социокультурный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек. Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С. 167.

5. *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России // Российские либералы: кадеты и октябристы. – М., 1996. – С. 253.

6. См.: Там же.

7. *Розанов В.В.* Уединенное: Соч. – М., 1998. – С. 422.

8. *Волошин М.А.* Из литературного наследия (Из неизданного). – Вып. II. – СПб., 1999. – С. 160.

9. *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. – М., 2005. – С. 37.

10. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 116. Л. 5.

11. *Изгоев А.* Социалисты и крестьяне. – Пг., 1917. – С. 5.

12. Волжский день. – Самара, 1917 (*далее* – ВД). – 26 июля.

13. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. – М., 1997. – С. 33.

14. *Лупоядов В.Н.* Политические партии России в 1917 г. Дис… канд. истор. наук. – М., 1993. – С. 147–148.

15. Цит. по: *Пайпс Р.* Русская революция. – Ч. 1. – М., 1994. – С. 169.

16. *Дюверже М.* Политические партии. – М., 2002. – С. 19.

17. См., например: *Шелохаев В.В.* Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М., 2005. – С. 99.

18. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С. 40, 41, 203.

19. *Канчер Е.С.* Аграрный вопрос: политические партии в России. – Пг., 1917. – С. 28.

20. *Верховский А.И.* Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 10. – С. 67.

21. См.: *Марченя П.П.* Массы и массовое сознание в русской революции как предмет исторического познания // Историческое обозрение, 2007. – Вып. 8. – С. 28–43.

22. *Протасов Л.Г.* Указ. соч. – С. 32.

23. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.

24. См.: *Савич Н.В.* Воспоминания. – СПб., 1993. – С. 250.

25. ВД. – 11 мая.

26. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 101, 100.

27. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 18.
28. Гос. архив Самар. обл. (далее – ГАСО). ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Л. 44. Об., 49.
29. См.: *Иван Куторга*. Ораторы и массы. Риторика и стиль политического поведения в 1917 году (Публ. В.П. Булдакова) // НГ. Фигуры и лица. – 2000. – № 6 (48).
30. *Кичеев В.Г.* Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дис. … канд. истор. наук. – СПб, 1993. – С. 124.
31. См., например: Речь. – Пг., 1917. – 28 сентября; ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 74; Д. 167. Л. 45; Ф. 1796. Оп. 6. Д.164. Л. 75–76.
32. См.: Меньшевики в 1917 г. – Т. 1. – М., 1994. – С. 246–247.
33. Рабочая Газета. – Пг., 1917. – 25 августа.
34. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 8. – С. 607.
35. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 181.
36. Цит по: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: Страницы истории. – М., 2002. – С. 539.
37. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет. – М., Л., 1930. – С. 67.
38. См.: *Бакулин В.И.* Между догмой, иллюзией и реальностью: Меньшевизм в 1917 году // Отечественная история. – 2004. – № 1. – С. 69–83.
39. *Минц И.И.* История Великого Октября. – Т. 2. – М., 1968. – С. 85.
40. См.: *Миллер В.И.* Революция в России, 1917–1918 гг. Проблемы изучения. Дис. в форме науч. доклада по совокупности опубликованных трудов. – М., 1995. – С. 41.
41. См., например, речь А.Н. Потресова на Всероссийском объединенном съезде РСДРП // РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
42. ВД. – 24 мая.
43. Правда. – Пг., 1917. – 3 октября.
44. Цит. по: Политические деятели России 1917. – М., 1993. – С. 207.
45. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 112, 98.
46. См.: *Иоффе Г.* Как большевиков пропустили к власти // Московские новости. – 2003. – № 43. – С. 13.
47. Пролетарий Поволжья. – Саратов, 1917. – 26 октября.
48. ВД. – 6 сентября.
49. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 137.
50. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 120.
51. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 12. – С. 34.
52. ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 244. Л. 3–4.
53. См.: *Булдаков В.П.* Указ. соч. – С. 213.
54. *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. – М., 1994. – С. 118.
55. См., напр.: Москвич-избиратель. – М., 1917. – № 11.
56. *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. – С. 80–81.

ВЛАСТИ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

А.В. Митрофанова

РОССИЯ КАК ПРАВОСЛАВНОЕ ГОСУДАРСТВО: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Митрофанова Анастасия Владимировна – доктор политических наук, старший научный сотрудник Дипломатической академии МИД России.

Выступая 9 сентября 2005 г. в Афонском монастыре на встрече с членами Священного Кинота, президент России Владимир Путин официально заявил, что Россия – «самая большая православная держава»[1]. Такое заявление впервые прозвучало на уровне главы государства. Тем больше оснований разобраться в проблеме: что представляет из себя понятие «православная держава», есть ли в мире такие державы и можно ли говорить о каком-либо единстве между ними.

Напрашивается простейшее решение: зачислить в «православные страны» все государства, где большинство населения исторически исповедует православие. Однако на этом пути можно встретить сразу несколько «подводных камней». Во-первых, тот факт, что исторически население исповедовало православие, совершенно не означает, что оно исповедует его до сих пор. Ситуация с религиозностью в «православных странах» крайне сложна. Большинство людей не придерживается ни канонической версии православия, ни народной. Хотя многие обладают фрагментарным знанием народного православия, это почти никак не влияет на повседневную жизнь людей.

Социологические опросы, проведенные в России, Украине и Беларуси, свидетельствуют, что «православными» называют себя значительно больше людей, чем «верующими». В 1999 г., по данным российско-финского исследования религиозности «Старые церкви, новые верующие», 82% всех

1. Путин В.В. Заключительное слово на встрече с членами Священного Кинота (Греция, Святая Гора Афон, 9 сентября 2005 г.). В Интернет по адресу: http://www.kremlin.ru/appears/2005/09/09/1207_type63376_93574.shtml

русских респондентов назвали себя приверженцами православия[2]. Тем самым, православных оказалось намного больше верующих (42% опрошенных). Православными назвали себя 98% русских верующих, 90% колеблющихся, 50% неверующих и даже 42% атеистов. Авторы исследования пришли к выводу, что для большинства русских православие является не религией, а символом русского своеобразия и его духовной ценности; это явление они обозначили как «идеологическое православие».

«Идеологические православные» отличаются от «просто православных» прежде всего тем, что почти не соблюдают обрядов и не являются воцерковленными. Примерно одинаковая ситуация сложилась как в странах бывшего СССР, так и в Румынии, Болгарии, Сербии, Греции. Хотя в российских православных средствах массовой информации религиозное безразличие русских часто сравнивают с якобы всеобщей воцерковленностью сербов, социологи придерживаются несколько иной точки зрения. По данным опроса «World Values» 1990–1993 гг., в Сербии только 7% взрослого населения посещали церковь по крайней мере раз в неделю (в «католических» Словении и Хорватии – по 22%)[3]. По другим показателям воцерковленности (знание молитв, частота молитв, знакомство с Библией, исповедь, общение со священниками, причастие) «идеологические православные» также демонстрируют свою отдаленность от церковного понимания православия.

Греческие ученые констатируют, что начавшееся в конце XX в. «православное возрождение» представляло собой не возрождение религии как таковой, а возрождение национализма, отождествленного с православием, т.е. то самое «идеологическое православие», которое сейчас распространилось в России и других бывших советских республиках. Согласно опросу «European Values Survey», в Греции в 1999 г. – на пике политико-православных выступлений – 53,9% респондентов посещали церковь по особым случаям, 20,9 – раз в месяц и 22,3% – раз в неделю[4]. Эти цифры, разумеется, выше, чем в России или Белоруссии, но для страны, где православие является государственной религией, выглядят не особенно впечатляюще.

2. Каариайнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 1990-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. – СПб.; М.: Летний сад, 2000. – С. 16.

3. Perica V. Balkan Idols. Religion and Nationalism in Yugoslav States. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002. – P. 305 (сноска).

4. Molokotos-Liederman L. «The Religious Factor in the Construction of Europe: Greece, Orthodoxy and the European Union». Paper presented at the 1st Symposium on Modern Greece «Current Social Science Research on Greece». London School of Economics. 21 June 2003. – P. 6.

«Идеологические православные» – не просто плохие прихожане, они еще и теологически неграмотны. Большинство придерживается эклектичных религиозных убеждений, иногда противоречащих церковным доктринам и часто заимствованным из «народного православия». Как антропологи, так и местные священники сообщают о множестве предрассудков и ложных религиозных убеждений, распространенных среди православных верующих (даже воцерковленных). Иеромонах Тихон (Полянский), настоятель Троицкой церкви села Захарьево Клинского округа Московской епархии, пишет, что «этнофольколорные пережитки славянского язычества либо не воспринимаются носителями как имеющие религиозный характер, либо воспринимаются как ничуть не противоречащие православию или даже определяются как православные»[5]. К таким пережиткам он относит, например, изготовление кутьи или проведение поминальных трапез в определенные дни.

Даже беглый взгляд на приведенную выше статистику заставляет задаться вопросом: а есть ли вообще в России (или где-нибудь еще в «православном мире») настоящие верующие, которые посещали бы церковь, знали бы основы вероучения и т.д.? Авторы исследования «Старые церкви, новые верующие» попытались выделить настоящих, «традиционных» православных верующих из общей массы. Таких оказалось в 1996 г. – 6%, в 1999 – 7%[6]. Высокий процент православных верующих среди населения «православных стран» достигается простым приемом: в качестве православных учитываются все представители определенных этнических групп (в России это русские, украинцы, белорусы, некоторые народы Поволжья, народы Крайнего Севера, грузины, молдаване и др.).

В 2002 г. произошло резкое обострение отношений между католической церковью и РПЦ, связанное с тем, что 11 февраля 2002 г. Папа Римский Иоанн Павел II постановил повысить статус административных структур Римско-католической церкви на территории России. 11 февраля 2002 г. было обнародовано «Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви», в котором указывалось, что «учреждение “церковной провинции” – “митрополии”, по сути, означает создание поместной Католической церкви России со своим центром в Москве, претендующей иметь своей паствой российский народ, который культурно, духовно и исторически является паствой Русской Православной Церкви. Образование в России такой церкви фактически означает вызов, брошенный Православию, укорененному на территории страны в течение

5. Тихон (Полянский), иеромонах. Проявления язычества и их преодоление в приходской практике // Миссионерское обозрение. – 2002. – № 9. – С. 11.

6. Каариайнен К., Фурман Д. Указ. соч. – С. 23, 26.

многих столетий»[7]. Перед нами характерный пример фактического уравнивания этнической (в данном случае даже территориальной) принадлежности с религиозностью.

Для подавляющего большинства россиян тем не менее православие не является личной религией, это – один из маркеров культурной, этнической или же идеологической идентификации. Ничего странного в этом нет. Религия в опосредованной форме является основой любой культуры. Даже неверующие люди могут определять себя в терминах религии – например, как «светских мусульман», «непрактикующих католиков», «мусульман по культуре» и др. Светские государства, культура которых складывалась под воздействием православия, вполне можно (в культурном смысле) отнести к православному миру. Даже государство, в котором православные не составляют большинства населения, но культура которого сформировалась под православным влиянием, можно назвать «православным». В культурном смысле Россия является православной страной, даже если большинство населения является религиозно безразличным или исповедует другие религии. Ведь и к «мусульманским странам» относят не только идеократические государства типа Ирана, но и светские (Турция).

Вопрос в другом: можно ли говорить о России как о православном государстве не в культурно-историческом, а в политическом смысле? Нам представляется, что «православное государство» в политическом смысле – прежде всего государство идеократическое, т.е. такое, где внутренняя и внешняя политика строятся на основе какой-либо религиозной идеологии. Подчеркнем, что речь идет не о религии как таковой, а именно о ее трансформированной форме – религиозной идеологии. Религия не может стать непосредственной основой политического действия, и большинство политических режимов, установленных на основе религии, являются не теократическими в буквальном смысле, а идеократическими, т.е. строятся не непосредственно на принципах религии, а на принципах соответствующей идеологии. Таков иранский режим, построенный на основе идеологии хомейнизма, которая существенно отличается от классического шиитского ислама[8]. Концепцию идеократического государства развивали русские мыслители начала XX в., в частности, Н.С. Трубецкой, полагавший, что подобное государство характеризуется не тем, что власть в нем принадлежит

7. Цит. по сообщению агентства «Русская линия» (http://www.rusk.ru/News/02/12/vvrl15_12d.htm).

8. Подробнее см., например: Abrahamian E. Khomeinism: Essays on the Islamic Republic. – Berkeley: University of California Press, 1993.

духовенству, а тем, что «правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице»[9].

В нашем понимании «православное идеократическое государство» – не государство, в котором высшая светская власть принадлежит православной церкви и не государство, в котором население поголовно посещает церковь и выполняет обряды. Это такое государство, где внутренняя и внешняя политика строятся на основе одной из православных религиозных идеологий. Некоторые из этих идеологий далеко ушли от православных канонов. То есть мы употребляем этот термин не в церковном смысле (существует каноническое представление о православном государстве с монархом во главе) и не в обыденном (государство, где всем «заправляют церковники»), а в строго ограниченном научном смысле.

Оставаясь в рамках заданных нами терминологических ограничений, еще раз попытаемся отыскать на карте мира хотя бы одно «православное государство» в политическом смысле. С формальной точки зрения, только Греция обладает правом называться православным государством без кавычек. Статья 3 греческой Конституции 1975 г. определяет православие как преобладающую религию Греции. Священники получают зарплату и пенсию как государственные служащие и могут выполнять их обязанности (церковный брак предоставляет права гражданского). В учебных заведениях в обязательном порядке преподаются основы православия. Хотя ст. 13 Конституции Греции гарантирует свободу вероисповедания последователям «известных» религий – т.е. ислама и иудаизма, она же запрещает им вербовку паствы. При этом Греция участвует в процессах европейской и евроатлантической интеграции, внутренняя политика страны достаточно либеральна (разрешены аборты). Нет никаких признаков, что Греция является идеократическим государством, внутренняя и внешняя политика которого строятся на основе православной религиозной идеологии. Правительство страны полагает, что, возглавив православный мир, Греция сможет послужить мостом между ним и неправославной Западной Европой, «ввести» православные страны в европейские структуры.

Единственной страной, где религиозная идеология является частью идеологии государственной, является на сегодняшний момент Белоруссия. В идеологическом смысле это, несомненно, православная страна. Одна из религиозных идеологий, созданных на основе православия, – панславизм – является столпом современной государственной идеологии Белоруссии. Выступая 27 марта 2003 г. на семинаре руководящих работников

9. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. – С. 518.

республиканских и местных государственных органов Республики Беларусь, Александр Лукашенко, в частности, отметил, что Россия перестала быть центром восточнославянской цивилизации (он также обозначал ее как восточно-евразийскую и восточноевропейскую). Поэтому, заключил президент РБ, духовным лидером этой цивилизации стала Белоруссия. «Беларусь должна притягивать силы патриотической направленности со всего нашего Отечества, постсоветского пространства. Именно здесь люди должны получить трибуну, свободную от неолиберального террора и травли», – отметил президент РБ[10].

Участники православно-политических организаций однозначно числят А. Лукашенко и возглавляемое им государство среди «своих», хотя, подчеркнем еще раз, Белоруссия – государство не клерикальное, не православное в формальном (греческом) смысле. Например, В.В. Чертович, лидер крупнейшей белорусской православно-политической организации «Православная инициатива», пишет о Лукашенко следующее: «Как-то он назвал себя “православным атеистом”. И как же зубоскалила наша “оппозиция”! А смешного тут ничего нет… мы, православные, … судим о власти по делам ее. А дела А.Г. Лукашенко… таковы, что любой православный человек скажет: наш президент живет в согласии с Законом Божиим, храни его Господь. Вне зависимости от того, какими соображениями сам он лично руководствуется»[11].

Россия на сегодняшний момент не является ни православной страной в идейно-политическом смысле, ни тем более – лидером православного мира (сам православный мир не существует как политическое целое, так как не выработано единой идеологии для его объединения). Но она имеет шансы стать таким лидером. Во-первых, Россия – самая крупная и мощная из предполагаемых православных стран; во-вторых, со времени появления в конце XV в. русского централизованного государства Россия на протяжении всей своей истории сохраняла государственность; и в-третьих, Россия – единственная «православная» страна, имеющая мировой геополитический вес. Хотя «региональный мессианизм» присущ многим «православным странам», ни одна из них не обладает достаточной мощью, чтобы стать во главе православного мира. Белоруссия легко уступит России роль идейного лидера, которую сама выполнить не может (нет ни идейной традиции, ни способных развивать ее интеллектуалов).

Таким образом, появление православного мира на международной арене в качестве значимого культурно-политического единства зависит от того,

10. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. – Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2003. – С. 21.

11. Чертович В. Стоит ли искушать судьбу? // Русский вестник. – 2004. – № 20.

превратится ли Россия в православное государство, т.е. государство, внутренняя и внешняя политика которого основаны на идеологии политического православия. Став (в политическом смысле) православным государством, Россия могла бы стремиться к созданию союза, объединяющего вероятные православные страны, а также негосударственные субъекты международных отношений (политические движения, отдельные неполитические группы и т.д.). Пока этого не произошло, называть Россию «православным государством» преждевременно и научно необоснованно.

Совершенно прав ректор Московского исламского университета Марат Муртазин, заявивший, что «Россия не православное государство! Это демократическая страна, в которой равными правами пользуются все религии, в том числе и ислам»[12]. На сегодняшний момент его слова адекватны ситуации. Неадекватно ситуации заявление Михаила Леонтьева, что «Россия – православная страна, глубоко уважающая другое население, другие – особенно традиционные – конфессии»[13]. Россия пока не православное государство, но она **может** им стать, и замалчивать эту возможность бессмысленно.

Существует еще один устойчивый образ России – не просто как православного, но как **славяно-православного** государства. Мы не можем отрицать, что славяне составляют в России большинство населения. Но опять же – достаточно ли этого, чтобы объявить страну «славянским государством» и «лидером славянского мира»? На наш взгляд, говорить о «славянских» государствах можно только тогда, когда принадлежность населения к славянству оказывает какое-либо воздействие на внутреннюю и внешнюю политику. Обычно это достигается через включение в государственную идеологию элементов панславизма.

Идеология панславизма иногда представляется чем-то архаическим, относящимся исключительно к XIX в. Не все осознают масштаб и влияние славянских движений в современном мире. Современные панслависты продолжают линию рассуждений своих предшественников о славяно-православном мире во главе с Россией. При этом «славяне» автоматически признаются «православными», а «православные» – славянами. Однако, в отличие от своих предшественников XIX в., современные панслависты не

12. Петров А. Наша страна – не православное государство. Российские мусульмане не намерены считать себя «вторым сортом», говорит ректор Московского исламского университета Марат Муртазин // НГ-Религии. – М., 2005. – № 12, 10 августа.

13. Леонтьев М. Сделать православие государственной религией... // ПРАВАЯ.RU (http://portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=7390)

могут отмахнуться от того печального для них факта, что православные бывают не славянами, а славяне – не православными.

Современные панслависты, безусловно, хотели бы считать католическую веру некоторых славянских народов чем-то вроде исторического недоразумения. Панславистски ориентированный журнал «Мир Божий» напоминает, что Святая Равноапостольная княгиня чешская Людмила и ее внук Св. Вячеслав были православными (так как жили в IX в., до разделения церквей)[14]. Но в принципе, современные панслависты готовы признать приоритет славянского единства перед всеобщим исповеданием православия. «Тот факт, что я славянин, – говорит польский панславист Б. Тейковский, – важнее, чем то, что я православный, католик, протестант, атеист, либо язычник»[15]. Учитывая изменившиеся реалии, современные панслависты отказываются от «сомнительного» тезиса своих предшественников о всеобщем принятии православия в будущем славянском мире.

Большинство современных панславистов подчеркивает, что их проект объединения славян – только часть более крупного геополитического проекта. Эту мысль, в частности, выразил Б. Тейковский, выступая на 9-м Всемирном Русском Народном Соборе в Москве в марте 2005 г. Сходную мысль выразил в одном из интервью председатель Славянского комитета Беларуси, один из руководителей Коммунистической партии Беларуси С.Н. Костян, подчеркнув, что «надо создавать какое-то славянское единство, возродить славянский рынок – СЭВ. Кто в него входил раньше? И Венгрия, и ГДР, и Румыния, и др. … Вот что такое славянский рынок: как “Славянский базар” в Витебске. Он тоже назывался так, а что, там были одни славяне?…»[16].

Основной проблемой современного панславизма, как и панславизма XIX в., является нежелание признать: единой «славянской», а тем более «православно-славянской» цивилизации не существует. Многие панслависты воспринимают «славянское сообщество», «славянский мир», «славяно-православную цивилизацию» как осознающую себя общность, согласованно действующую на международной арене. Так, К.А. Смирнов и О.В. Катаева пишут о «славянском сообществе», в которое «входит 12 государств»[17]. Несомненно, руководители и население большинства этих государств очень

14. См.: Болотнова Л. Паломничество в Прагу (К мощам святой Людмилы) // Мир Божий. – 1999. – № 2. – С. 41.

15. См.: Русско-славянская цивилизация: Исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности. Сост. Е. Троицкий. – М., 1998. – С. 254.

16. Костян С.Н. Боль моя – Югославия! – Мозырь, 2000. – С. 42.

17. Смирнов К.А., Катаева О.В. Исторический вызов славянскому сообществу. – М., 2000. – С. 4.

удивились бы, узнав, что их страны входят в какое-то сообщество. Тем не менее у панславистов есть некоторые основания говорить о «славянском мире»: он существует не на уровне государств, а на уровне неправительственных панславистских движений и личных связей между отдельными панславистами. Другое дело, что такая «славянская цивилизация» не обладает значительной политической силой. Поэтому современные панслависты вынуждены одновременно говорить о «славянском мире» как о сплоченной общности и признавать за «славянским проектом» некоторую незавершенность[18]. Большинство панславистов приходят к выводу, что политически понимаемый славянский мир состоит в лучшем случае из трех стран: России, Белоруссии и Сербии.

Звездным часом панславизма стало решение югославского парламента о присоединении к Союзу России и Белоруссии (12 апреля 1999 г.). Вообще, с началом военной операции НАТО в Косово панславистские настроения достигли пика. Международное панславистское движение организовало «Международный общественный трибунал по преступлениям НАТО в бывшей Югославии» под руководством профессора-юриста Михаила Кузнецова. Эта организация была создана сразу после начала событий в Косово – 23 мая 1999 г. – на 4-й Чрезвычайной сессии Всеславянского собора. Трибунал пришел к выводу, что НАТО повинна в совершении преступлений против мира и человечности.

«Потеря» Сербии в результате смещения С. Милошевича (названного в газете «Завтра» «героем славян») произвела на панславистов тяжелое впечатление. По мнению большинства панславистов, славянские страны прозападной ориентации – предатели православия и славянства. Тем не менее они сохраняют надежду на возвращение к власти в Сербии социалистов, после чего ее можно будет вновь рассматривать как братскую православную страну. Панслависты также с большим пиететом относились (и относятся до сих пор) к Республике Сербия и ее лидеру Радовану Караджичу.

Белоруссия – еще одна страна, крайне важная для идеологии панславизма. Это единственное государство, где панславизм является элементом государственной идеологии. Одним из центров белорусского панславизма является журнал «Беларуская думка» (Белорусская мысль), который издается администрацией президента РБ. Содержание и внешний вид журнала напоминает оппозиционные издания в России (журналы «Москва» и «Наш современник»). В апреле 2004 г. Международный союз славянских журналистов наградил главного редактора «Беларуской думки» Владимира Величко почетной грамотой и медалью «России верные сыны».

18. Там же. – С. 82.

«С первых дней своего существования журнал «Беларуская думка» верен идее панславизма, то есть сплочения единокровных братьев-славян», писалось по этому поводу в редакционной статье[19]. Термины «восточнославянская цивилизация», «восточнославянский мир» часто употребляются на страницах журнала. Мысль о том, что Александр Лукашенко является неформальным лидером славянского движения и должен стать лидером единого славянского государства, разделяется большинством панславистов. А.Г. Лукашенко – бессменный Почетный председатель Международного Славянского Комитета. 9-й Всеславянский съезд прошел в Минске 1–3 июля 2005 г. Если предыдущие съезды (в Праге и Москве) проходили чуть ли не в подпольных условиях (и без всякой поддержки правительств указанных государств), то минский съезд проводился как официальное мероприятие, спонсируемое Администрацией президента РБ.

Основным панславистским форумом являются Всеславянские съезды, которые проводятся раз в четыре года. Считается, что первый такой съезд был проведен в Праге в 1848 г. Затем состоялись второй и третий съезды, соответственно в Праге (1908) и Софии (1910), после чего традиция надолго прервалась. Она была возобновлена только в 1946 г., когда в Белграде состоялся славянский конгресс, который современные панслависты считают четвертым Всеславянским съездом. Под пятым съездом подразумевают внеочередной съезд Всеславянского собора (Москва, 1992), а под шестым – Всемирный конгресс славян (Минск, 1997). С 1998 г. Всеславянские съезды проводятся Международным Славянским Комитетом (объединяет славянские комитеты различных государств) регулярно (1998 – Прага, 2001 – Москва, 2005 – Минск).

Большинство внероссийских сторонников панславистской идеи – социалисты, сожалеющие о распаде мировой социалистической системы. Они также являются противниками присоединения своих стран к НАТО и Европейскому союзу. Например, председатель польского организационного комитета «Всеславянский съезд–98» Болеслав Тейковский говорил на Всеславянском съезде в Праге, что Польше «нельзя подвергнуться интеграции с Евросоюзом и НАТО, что разобщит нас со славянщиной и противопоставит славянским странам»[20]. Чешский панславист, профессор Бржетислав Хвала, председатель съезда, охарактеризовал установление просоветских режимов в Восточной Европе как «закономерный подъем славянских сил во главе с Советским Союзом», стремящихся к установлению народно-демократического строя и построению фундаментального

19. Беларуская думка. – 2004. – № 4. – С. 7.
20. См.: Русско-славянская цивилизация. – С. 252.

социализма[21]. Несомненно, восточноевропейские панслависты представляют определенные группы населения внутри своих государств. Какими бы немногочисленными эти группы ни были, их не стоит сбрасывать со счета, а на волне ностальгических настроений они могут расширить свою популярность.

Учитывая, что международные славянские движения относятся к России с большим пиететом, не совсем понятно, почему этот ресурс совершенно не используется для продвижения интересов России в мире и для улучшения ее международного образа. Интеграционные славянские мероприятия полностью отданы «на откуп» оппозиционным организациям. Например, на 9-м съезде в Минске отсутствовали официальные наблюдатели от России, зато присутствовали представители оппозиции (КПРФ, «Родины», Союза офицеров и др.). При этом участники съезда называли Россию исключительно «Великой Россией» и с большой симпатией говорили о нынешнем руководстве России, в частности о В.В. Путине. Таким образом, прочные связи международных славянских организаций с внутрироссийской оппозицией не являются, на наш взгляд, препятствием для реализации внешнеполитических интересов России. Необходимо упомянуть, что современное панславистское движение достигло финансовой самостоятельности и в нем участвуют много обеспеченных людей.

Впрочем, следует отметить, что славянские движения во многом сами несут ответственность за сложившуюся ситуацию. Их мероприятия являются закрытыми, участники движения не готовы к диалогу с теми, кто не разделяет их позиций (не говоря уже о диалоге с сознательными противниками). Свои публикации славянские организации распространяют на местных языках, не переводя их даже на русский, не говоря уже об английском или немецком языках. Создается впечатление, что международное славянское движение превратилось в закрытую субкультуру, члены которой чувствуют себя вполне комфортно, так как не общаются ни с кем, кроме единомышленников. Однако, достигнув личного психологического комфорта, они рискуют оказаться все дальше и дальше от намеченной цели: славянского единства.

21. Там же. – С. 242.

Н.Е. Емельянов, О.И. Хайлова

ГОНЕНИЯ НА РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ (1917±1950-е ГОДЫ)

Емельянов Николай Евгеньевич – доктор технических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) и Института системного анализа РАН.

Хайлова Ольга Игоревна – научный сотрудник ПСТГУ.

«Мученичество всегда высоко и важно, но особенно оно важно теперь, когда сам мир приходит в разрушение, когда отчасти поколебалась вселенная, когда изнемогающая природа представляет свидетельства последнего разрушения»[1]. Самое поразительное в этих словах св. Киприана Карфагенского – это то, что сказаны они были еще в III в.

А спустя семнадцать (!) столетий разверзлась страшная бездна и поглотила жизнь сотен тысяч мучеников – священнослужителей и мирян Русской церкви, пострадавших за православную веру. О них и пойдет речь ниже.

Еще в конце 1917 г. члены Поместного Собора Российской Православной церкви начали собирать сведения о пострадавших за веру. Советская власть расценивала подобную деятельность как тяжелое преступление, так как, по ее заявлениям, преследований за веру в Стране Советов быть не могло.

Однако уже в следственном деле Патриарха Тихона (Беллавина) имеется постановление (не успевшее войти в силу в связи с кончиной Святителя) о привлечении его в марте 1922 г. к судебной ответственности за то, что он «составлял сведения о репрессиях, применяемых советской властью по отношению церковников, пользуясь сведениями из недостаточно верных

1. Киприан Карфагенский, свт. Творения. М., 1999. – С. 720.

источников», имея целью «дискредитировать Советскую власть»[2]. Точно по такому же обвинению в 1925 г. был сослан на три года на Соловки профессор Московского университета и Московской духовной академии И.В. Попов[3]. В 1930 г. был приговорен к трем годам заключения в Северном лагере особого назначения в Коми АССР за составление письма Константинопольскому патриарху о гонениях на Церковь бывший секретарь подворий Поместных церквей в Москве – А.И. Дросси[4]. Церковный историк М.Е. Губонин, начав сбор информации о периоде гонений, сформировал ценнейший архив[5]. Сведения о 200 пострадавших в России от безбожной власти собрал на Родине и в эмигрантских источниках протопресвитер Русской зарубежной церкви Михаил Польский (Сан-Франциско), бежавший в 1930 г. в Персию из ссылки в Коми[6].

Масштабная научная работа в этом направлении началась в 1992 г., когда в Москве был открыт Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ПСТБИ), получивший в 2004 г. статус университета, где на кафедре информатики была разработана база данных «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века»[7]. 22 февраля 2008 г. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет имел честь принимать в своих стенах митрополита Лавра, епископов и священников РПЦЗ. Они высоко оценили труд университета во главе с ректором профессором протоиереем Владимиром Воробьевым в деле почитания новых страстотерпцев.

Предлагаемая вниманию читателей статья целиком построена на материалах упомянутой выше базы данных (БД).

Свою работу сотрудники ПСТБИ начали в церковных, партийных и правительственных архивах. Ими было выявлено и описано около 600 архивных дел – документов ГА РФ, Центрального Архива ФСБ РФ, местных

2. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли: ПСТБИ, 2000. С. 402. (Раздел 1. Документ № 229).

3. Без предъявления нового обвинения Иван Васильевич был заключен в Кемский лагерь, а затем отправлен в Сибирь. В 1938 г. он был расстрелян и в 2003 г. причислен к лику святых.

4. Скончался в ссылке в Красноярском крае в 1937 г.

5. В ПСТГУ архив был издан в виде книг: Акты и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти в Русской Православной Церкви. М., 1994; История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2006. Современники о патриархе Тихоне. В 2 т. М., 2007.

6. Новые мученики российские. В 2 т. Джорданвилль, 1949, 1957.

7. См.: Емельянов Н.Е. База данных «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви в XX веке» как исторический источник // Церковь в истории России / Сб. трудов ИРИ РАН. Вып. 7. 2007. – С. 316–347.

городских архивов и краеведческих музеев[8]. Другими источниками для БД стали письма людей, переживших страшную эпоху, сведения в виде списков от разных епархий и отдельных исследователей, региональные книги памяти, изданные воспоминания, неопубликованные рукописи, аудио и видеозаписи, результаты научных исследований. Около 900 имен было введено из семитомного издания под редакцией игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия» (Тверь: «Булат», 1992–2002).

В БД были включены сведения о тех, кого государство сочло социально опасными из-за принадлежности к Русской православной церкви. Это проходившие по так называемым «церковным делам» (делам, связанным со вскрытием мощей, изъятием церковных ценностей, мифическими «контрреволюционными организациями церковников» и т.п.), казненные без суда и следствия, а также осужденные по уголовным делам с целью компрометации преданных Церкви людей. В «церковных» делах никогда (за редчайшими исключениями) не говорится, что человек осуждается за веру в Бога. «Дело священников церкви Флора и Лавра на Зацепе» 1933 г. и другое групповое «Дело Агафона Лебедева» 1935 г. содержат яркие примеры обвинений в «распространении к/р провокационных слухов о якобы проводимых советской властью гонениях на религию». Протоколы допросов показывают, что «церковников» судили не как верующих, а как контрреволюционеров. На деле же все оказывалось по-другому. Так, арестованный в 1930 г. настоятель Троицкой церкви села Телядовичи Минской области отец Валериан Новицкий из тюрьмы передал записку жене – матушке Доминикии, оставшейся с тремя малолетними детьми: «Диночка, мне предложили отречься от Бога и священнического сана. Как ты справишься одна с детками?» В ответ матушка написала: «Валечка, не отказывайся ни от Бога, ни от сана, меня с детками Господь управит». Отца Валериана с двумя другими заключенными привели в лес близ д. Тимковичи. Всем троим предложили отречься от Бога и написать об этом в газете. В ответ на отказ их заставили вырыть самим себе могилу и расстреляли.

В БД есть также имена добровольно последовавших в ссылку за своими духовными отцами, родными и близкими. Так, Вера Максимовна Сытина (из дворянского рода Свербеевых) последовала за своим женихом Сергеем Иосифовичем Фуделем, впоследствии известным духовным писателем, в Усть-Сысольск в ссылку, где в их венчании участвовали ссыльные архиереи

8. Это примерно пятая часть всех материалов, собранных исследователями во многих городах России и за рубежом и переданных нам в виде печатных и электронных публикаций для обработки и ввода в единую базу данных.

– епископ Фаддей (Успенский) и архиепископ Николай (Добронравов)[9]. Ученый-химик и духовный писатель Николай Евграфович Пестов отправился по этапу за своей женой Зоей Вениаминовной[10]. Известны более ста таких примеров, есть сведения и о тех, кто сделал заботу о безвинных узниках своим служением, собирая и отправляя для них посылки, принимая их под свой кров, помогая устроиться на работу, на жилье, а порой и на церковное служение. Среди них многие приняли мученическую кончину.

К марту 2008 г. выявлено более 30 600 имен и собрано 5 тыс. фотографий, в том числе и скопированных из следственных дел. Эти сведения более десяти лет используются в научных исследованиях и издательской деятельности ПСТГУ[11]. Фотоматериалы БД служат ценным источником для работы иконописцев над иконами и росписями храмов[12].

С 1996 г. БД представлена в Интернете (адрес: http://www.pstbi.ru). За 12 лет к ней обратились более 600 тыс. посетителей. В сутки передаются более 10 тыс. страниц по запросам со всего мира.

Оценка числа пострадавших за православную веру

В дореволюционной России было около 100 тыс. монашествующих и более 110 тыс. белых священников и диаконов (с учетом членов семей, к сословию духовенства на рубеже XIX и XX вв. относилось 630 тыс. человек)[13]. Каждый третий монах или священнослужитель, о котором есть сведения в БД, принял постриг или получил сан после 1917 г. По нашей методике расчетов, общее число пострадавших за веру в 1917–1950-е годы было оценено в 564 тыс. человек.

9. Расстреляны в 1937 году и прославлены в лике святых.

10. Серафимово благословение: Воспоминания семьи Пестовых и Соколовых. М., 2002. – С. 320.

11. Сотрудниками Отдела новейшей истории РПЦ ПСТГУ в течение нескольких лет в серии «Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви» были подготовлены книги, посвященные новым мученикам: «Молитва всех вас спасет» о священноисповеднике Афанасии (Сахарове), «Все вы в сердце моем» о священномученике Серафиме (Звездинском), «Письма владыки Германа» (публикация писем священномученика Германа (Ряшенцева)), «Путь на Голгофу» о священномученике Симоне (Шлееве), «Непобедима пребывает» о священномученике Константине Голубеве, ряд книг, посвященных Св. Патриарху Тихону и мн. др. труды.

12. Для иконы «Собор новомучеников и исповедников Российских», написанной к прославлению новых святых на Архиерейском Соборе 2000 г. было взято из БД около тысячи фотографий.

13. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 54. СПб., 1898. – С. 86.

Эта цифра сопоставима с данными из письма, написанного в 1937 г. Сталину секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым. В письме он доказывает, что необходимо «покончить с органами управления церковников, с церковной иерархией», а религиозные объединения называет «широко разветвленной враждебной советской власти легальной организацией в 600 тыс. человек по всему СССР»[14].

Проблемы канонизации российских новомучеников и исповедников

В настоящее время 1646 человек из числа пострадавших за православную веру согласно решению Комиссии по канонизации Русской православной церкви причислены к лику святых. Необходимыми условиями канонизации Комиссия считает безукоризненное исповедание православной веры, праведную жизнь, народное почитание и чудотворение, как при жизни, так и по смерти подвижника. Сведения о пострадавших той или иной епархии предварительно проверяются правящими архиереями и передаются в Комиссию. Убиенных за веру в 1917–1919 гг. обычно причисляют к лику святых без особых исследований. Пострадавшие в последующее время могут быть канонизированы только при наличии следственных дел. В Калужской епархии, например, из-за отсутствия следственного дела не могут прославить в лике святых почитаемого народом старца схиархимандрита Амвросия (Иванова) – настоятеля Преображенского храма с. Спас-Прогнань.

Препятствием к канонизации служит информация в следственном деле об оговоре пострадавшим себя или других, о негативных фактах его личной жизни, о пребывании в расколах (обновленческом, григорианском, старообрядческом) без последующего принесения покаяния. Как наличие сведений, порочащих обвиняемого, так и их отсутствие в следственном деле нуждаются в дополнительном изучении. Следователи могли оставить без внимания некоторые факты или же написать протокол заранее в нужном им ключе (среди них были и так называемые «литераторы», и «забойщики», которые «выбивали» подписи)[15]. К узникам применялись разные способы дознания: от «невинной» просьбы перечислить своих знакомых до угроз и пыток, чтобы добыть «материал» для ареста других, ни в чем не повинных людей. Иногда в протоколах допросов можно увидеть запись слов подследственного: «Я вам никого называть не буду, потому что это

14. Цыпин В., прот. История Русской Церкви, 1917–1997. М., 1997. – С. 248.

15. Головкова Л. А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации Новомучеников и Исповедников Российских // Богословский сборник № 6 (приложение). М: ПСТБИ, 2000. – С. 4.

противоречит моим религиозным убеждениям». Так, епископ Нектарий (Трезвинский), на допросе в 1932 г. назвавший себя истинным сторонником Патриарха Тихона, готовым за него умереть, по поводу своей паствы сказал, что фамилий называть не будет, так как считает это подлостью и предательством. В тех случаях, когда обвиняемый отказывался признать свою «вину» или признавал ее «частично», например, не отрицал своего участия в тайных богослужениях, но отказывался от навязываемого главенства в «контрреволюционной организации», а также в случаях, если разнарядка по «признательным» делам уже была выполнена, в деле могло значиться, что обвиняемый «своей вины не признал, но достаточно уличается показаниями свидетелей».

В 2000 г. на Поместном Соборе Русской церкви в Соборе новых мучеников и исповедников российских было прославлено 860 человек, но само понятие Собора новых святых следует понимать шире: здесь страдальцы
известные и безвестные, епископы и простые русские крестьяне, спецпереселенцы и узники ГУЛАГа, ссыльные всех сословий, возрастов, национальностей. Для причисленных к лику святых установлены дни памяти, когда в церквах возносятся молитвы в их честь, или звучат их имена в перечне святых данного дня. Во многих храмах страны и за рубежом ежедневно читаются поминальные записки, распечатанные из БД с именами пострадавших в этот день. Вначале мы призывали народ предоставить нам сведения о пострадавших, а теперь с той же просьбой к нам может обратиться каждый, чтобы выяснить, нет ли среди пострадавших за веру его родственников. Так церковная память служит сегодня делу исцеления народной памяти.

Пострадавшие за веру и места их упокоения

Среди 30 600 имен, установленных к настоящему моменту, есть имена первостоятелей Русской православной церкви, подвергшихся арестам и заключению: Святой Патриарх Тихон; священномученик Петр (Полянский) – митрополит Крутицкий и Коломенский, Местоблюститель патриаршего престола; Патриарх Сергий (Страгородский), Патриарх Алексий (Симанский), Патриарх Пимен (Извеков). Из 425 митрополитов, архиепископов и епископов расстрелян или замучен каждый второй. Из священно- и церковнослужителей пострадали: 337 архимандритов и игуменов, 83 игумены, 1089 монахов, 3200 монахинь, 1750 протоиереев, 10 885 священников, 1034 диаконов, 940 церковных старост, 875 членов церковно-приходских советов, более
1 тыс. псаломщиков, 120 регентов, 90 певчих. Среди репрессированных за

веру мирян – девять членов Российской академии наук, более 100 профессоров высших учебных заведений, каждый второй или третий из них расстрелян или замучен.

В настоящее время различные общественные организации и представители Церкви ведут работу по выявлению мест массовых захоронений в России, на Украине, в Казахстане, Прибалтике и других регионах. Дополнительной работы требует выявление в этих местах останков умученных за веру. Индекс БД «Место захоронения» показывает, что по всей России, во всех епархиях имеются места упокоения новомучеников, в том числе и места их массовых захоронений. Так, на подмосковном полигоне «Бутово» среди 20 760 репрессированных покоятся 940 человек, пострадавших за Христа.
В Левашовой пустоши под Санкт-Петербургом из 22 069 человек[16] более чем 250 замучены за веру. Свыше 200 православных похоронены в Ульяновске. В мужском Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре на месте упокоения насельников в Богомзданных пещерах похоронены останки 10 пострадавших за веру архипастырей, священноиноков и монахов. Массовые захоронения обнаружены в Казахстане (под Чимкентом), а также на городских кладбищах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Краснодара и др. Много мест еще не найдено, некоторые – исчезли.

Волны гонений

Выявление зависимости числа арестов и расстрелов пострадавших за Христа от времени, когда они производились, позволило выделить четыре волны – пики арестов. Они приходятся на 1918, 1922, 1930 и 1937 г.[17].

Первая волна гонений. 1917±1919. Красный террор

Общее число пострадавших за веру в годы красного террора может составить (по оценкам) 15 тыс. человек, из них убитых – 13 тыс. человек. Причем максимальное число расстрелов приходится на 1918 г. – 10 тыс. расстрелов. В отличие от последующих волн, за эти годы в БД зафиксировано смертей больше, чем арестов.

Гонения на Русскую православную церковь начались с первых дней Советской власти. Уже 13 ноября (31 октября по ст. ст.) 1917 г. в Царском

16. Сведения о которых опубликованы в 5 томах «Ленинградского мартиролога» (подготовлено к публикации еще 7 тыс. имен).

17. График арестов и расстрелов см.: Емельянов Н.Е. База данных «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви в XX веке» как исторический источник. С. 327.

Селе после крестного хода об умиротворении Родины толпой солдат был взят под стражу и затем зверски убит петербургский протоиерей Иоанн Кочуров. В годы Гражданской войны епископов и священников распинали на Царских вратах и дверях церквей, вешали, жгли на костре, топили в проруби, душили епитрахильями, закапывали в землю живыми. Были случаи, когда у священника на глазах сначала убивали жену и детей, а потом подвергали его самого пыткам и казни.

Проходивший в это время Поместный Собор Православной Российской церкви принял решение отмечать всецерковную память Собора новых мучеников и исповедников в ближайшее воскресенье после дня убиения старейшего иерарха Русской церкви митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) 25 января / 7 февраля. За развертывание братоубийственной бойни и попрание православных святынь Святейший Патриарх Тихон в 1918 г. предал большевиков анафеме. Не боялись обличать их и простые верующие. Участник Первой мировой войны студент Казанской духовной академии Александр Сергеевич Верижский, приехав в 1918 г. в родное село в Ставропольском крае, открыто говорил о предательстве большевиков на фронтах, обличал их в безбожии и насильственной политике по отношению к Церкви. Идя на казнь, Александр заявил, что никогда не признавал большевиков и с ними не примирится.

Церковное предание донесло до нас предсмертные слова некоторых мучеников. Так, по воспоминаниям случайного очевидца, привезенный на место казни митрополит Киевский Владимир спросил своих палачей: «Вы здесь меня хотите расстрелять?» – Один из них ответил: «А что ж, церемониться с тобой что ли?». Тогда митрополит попросил у них разрешения помолиться Богу, на что последовал ответ: «только поскорей». Владыка молился вслух: «Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и приими дух мой с миром!» Потом благословил крестообразно обеими руками своих убийц и сказал: «Господь вас да простит»[18].

В первую волну гонений при захвате власти большевиками и массовом грабеже рухнули все институты огромной Российской империи: дворянство, офицерство, купечество, крестьянство – и только Церковь устояла. Это необъяснимое историческое явление можно назвать великим подвигом русского народного духа в эпоху гонений.

Вторая волна гонений. 1922±1923 гг. Изъятие церковных ценностей. Обновленческий раскол

18. Польский М., прот. Новые мученики Российские. Репр. изд. 1949 г. Ч. 1. – С. 22–23.

Всего за этот период арестов – около 20 тыс., расстрелов и смертей – около 1 тыс. Наибольшее количество репрессий по «церковным» делам в этот период приходится на 1922 г., когда число арестов составило порядка 16 тыс., расстрелов и смертей – порядка 500.

Гражданская война обескровила страну, неубранная часть урожая погибла, та, что успели убрать, была конфискована, начался голод. Средства, полученные властями от изъятия церковных ценностей под видом помощи голодающим Поволжья были потрачены на подарки 1-й конной армии, зарплату рабочим и служащим ВЦИК, на деятельность комиссии по изъятию и т.п. нужды[19]. По тщательно разработанному сценарию во исполнение указаний, данных Лениным в письме Молотову от 19 марта 1922 г., по всей России прошли громкие «процессы попов за расхищение церковных ценностей»[20]. Многие подсудимые были приговорены к расстрелу. Митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), проходивший по делу «петроградского духовенства» сказал в последнем слове, отвергнув предъявленные ему обвинения: «…стоя перед судом, я спокойно дожидаюсь его приговора.., хорошо помня слова апостола: “Берегитесь, чтобы вам не пострадать как злодеям, а если кто из вас пострадает как христианин, то благодарите за это Бога”»[21].

Если в городах фарисейски изображали соблюдение хоть какой-то законности, то в сельской местности доходило до самосуда. Так, в селе Васильевка Херсонской губернии власти потребовали золото и драгоценности у местных жителей за то, что организация американской помощи России «АРА» обеспечила их питанием в столовой. Когда дело дошло до конфискации церковных ценностей, сельчанки прогнали уполномоченного и нанесли ему побои. За это отряд милиции из волости жестоко расправился со священником Сергием Штенько и попечителем церкви Кириллом Приймаком: им отрезали ноги и руки, выкололи глаза, выбили зубы, еще с живых содрали кожу и отрезали головы. Староста церкви Прохор Бунчук был убит при аресте. Могила мучеников у церкви стала местом поклонения окрестных жителей.

С начала 1920-х годов усилия безбожной власти были направлены на создание в Церкви расколов. Попытки властей отнять церковную власть у Патриарха и «контрреволюционного черносотенного» крыла Церкви и

19. Дамаскин (Орловский), игум. Русская Православная Церковь в 1922–1965 гг. (по документам архива президента Российской Федерации) // Церковь в истории России. – С. 348.

20. Там же. С. 350.

21. Митрополит Вениамин был расстрелян 12 августа 1922 г. и впоследствии был причислен к лику святых.

передать «сменовеховскому советскому» крылу – обновленцам – успехом не увенчались. За борьбу с обновленчеством репрессиям подверглось большинство не перешедших к раскольникам епископов и священников. Им предъявлялись абсурдные обвинения в контрреволюции.

Если в следственных делах борцов с обновленчеством упор делался на контрреволюцию, то в секретном донесении на епископа Мелитопольского Сергия (Зверева), арестованного в 1923 г., сотрудники ГПУ прямо называют его «самым вредным и активным врагом обновленческого движения, который постоянно срывает работу раскола – обновленческого движения», из-за чего обновленцы «собираются покинуть Симферополь». Сроки заключения «тихоновцев» достигали трех лет, иногда больше. По этим обвинениям, как правило, духовенство отправляли в тюрьмы и ссылки, реже в лагеря. Ссылки того времени воспринимались многими гонимыми как школа монашеской жизни. После выхода из заключения епископы и священники как мужественные исповедники веры пользовались еще большей любовью и преданностью церковного люда.

Во вторую волну гонений власть, используя голод, предприняла попытку восстановить народ против Церкви, расстрелять, отправить в лагеря и ссылки наиболее достойных священнослужителей, запугать других, развалить Церковь изнутри с помощью обновленцев, сотрудничавших с тоталитарной властью. Но русский народ устоял и явил верность православию, несмотря на невысокий уровень грамотности, массированную агитацию и репрессии. В эти годы храмы тихоновцев были переполнены, а храмы обновленцев оказались пустыми.

Святейший Патриарх Тихон скончался 7 апреля 1925 г. Он шел очень трудным подвижническим путем, который еще предстоит оценить потомкам. Его самоотверженное служение, молитвы, подлинная духовная мудрость, отеческая любовь к пасомым легли в основание церковной жизни многих будущих поколений. Святейший Патриарх говорил: «Пусть погибнет имя мое в истории, лишь бы Церкви была польза».

Попытка ОГПУ в декабре 1925 г., уже после смерти Патриарха, создать новый раскол во главе с уважаемыми в народе иерархами (а не представителями обновленческого «сброда») епископами Григорием (Яцковским) и Борисом (Рукиным) также не была поддержена верующим народом.

В должность Местоблюстителя патриаршего престола вступил митрополит Петр (Полянский)[22] – он единственный из трех кандидатов

22. О нем см. подробнее: Мазырин А., иерей. Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, «правая» церковная оппозиция и митрополит Сергий // Иерархия

указанных в завещательном распоряжении св. Патриарха Тихона находился на свободе в момент кончины Святителя и был утвержден епископами, собравшимися на похороны. Очень скоро митрополит Петр за отказ сотрудничать с ОГПУ был практически изолирован от управления Церковью. С 1925 г. вплоть до своей мученической кончины, последовавшей в 1937 г.[23], митрополит Петр находился или в далеких ссылках, или в тюрьмах. От него тщательно скрывали происходящее в церковной жизни. Чтобы донести до Владыки правду, епископ Стародубский Дамаскин (Цедрик) организовал тайное посольство из двух верующих в зимовье Хэ за Северным полярным кругом, где находился святитель Петр. Когда по окончании очередного срока святитель возвращался из мест заключения, к нему каждый раз по дороге присоединялся начальник 6-го секретного отдела ОГПУ по борьбе с Церковью Е.А. Тучков, предлагая сотрудничество с органами. Следовал новый отказ, а в ответ новое наказание: святителя увозили в еще более глухую ссылку или подвергали еще более суровым условиям заключения. Восемь лет митрополит Петр провел в одиночной камере в страшной сырости, не имея даже права выхода на прогулку, Владыка медленно умирал. Ему предлагали улучшить условия содержания за отказ от Местоблюстительства, но для митрополита Петра было немыслимо нарушить волю Патриарха. Благодаря стоянию в вере Патриарха Тихона и митрополита Петра, под знаменем их имен верующие ощущали себя единой Церковью, гонимой и страдающей за Истину Христову, и это сознание единства придавало силы в тяжких испытаниях.

Третья волна гонений. 1929±1933. Коллективизация. Безбожная пятилетка

Всего в 1929–1933 гг., по оценкам, было произведено порядка 190 тыс. арестов, 16 тыс. человек были расстреляны или умерли в заключении. Максимальное количество репрессий в этот период приходится на 1930 г., когда число арестованных достигло 60 тыс. человек, а число расстрелов и смертей – 7 тыс.

Перед тем как митрополит Сергий стал в 1925 г. заместителем Патриаршего Местоблюстителя Петра (Полянского), Е.А. Тучков предлагал занять эту должность двум другим указанным Патриархом кандидатам на Местоблюстительство – митрополитам Агафангелу и Кириллу, но на определенных условиях. Однако их согласия получено не было. По

Русской Православной Церкви, Патриаршество и государство в революционную эпоху / Отв. редактор д. и. н. В.М. Лавров. М.: Русская панорама, 2008. – С. 258–359.

23. Митрополит Петр был расстрелян 10 октября 1937 г. в г. Магнитогорск.

церковному преданию, митрополит Кирилл сказал тогда Тучкову в ответ на предложение удалять нежелательных для властей архиереев под предлогом нарушения ими церковной дисциплины: «Евгений Александрович! Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать Русскую Церковь!»[24] Тотчас святитель Кирилл был арестован и до самой кончины с небольшими интервалами находился в тюрьмах и ссылках[25]. Один из арестов митрополита Кирилла был связан в 1926 г. с тем, что многие епископы тайно избрали его Патриархом, за что также подверглись репрессиям.

Первоначально деятельность митрополита Сергия протекала согласно воле митрополита Петра, но 16/27 июля 1927 г. власти вынудили его выступить публично с Посланием (Декларацией) «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти»[26]. В это же время органы ОГПУ сообщали Сталину о том, что послание, «которым Сергий торжественно провозглашает полную лояльность церкви к советской власти, внесло смятение в среду верующих и духовенства. Произошло разделение на две почти равные части»[27]. По словам Святейшего Патриарха Алексия II, «трагедия митрополита Сергия была в том, что он пытался «под честное слово» договориться с преступниками, дорвавшимися до власти»[28]. Среди протестов, посланных митрополиту Сергию, сохранились письма митрополита Кирилла (Смирнова), в которых он считает превышением заместительских полномочий митрополита Сергия его выступление от лица всей Церкви с заявлениями, не согласованными с митрополитом Петром[29]. В конце 20-х – начале 30-х годов внутри Церкви возникли группы верующих во главе с епископами, которые перестали признавать распоряжения митрополита Сергия обязательными для себя, оставаясь верными митрополиту Петру и руководствуясь указом Патриарха от 20 ноября 1920 г. об организации самостоятельного церковного управления в епархиях в случае невозможности сохранить центральное управление, возглавляемое Патриархом. Практически все эти группы,

24. Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию Святителя Афанасия епископа Ковровского. М.: ПСТБИ, 2000. – С. 44.

25. Расстрелян в Лисьей балке под г. Чимкент 20 ноября 1937 г.

26. В Декларации говорилось: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши успехи, а неудачи – наши неудачи» (см. Акты. – С. 509–513).

27. Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М.: ПСТГУ, 2006. – С. 15.

28. Святейший Патриарх Алексий II. Принимаю ответственность за все, что было // Журнал Московской Патриархии. 1991. – № 10. – С. 6.

29. Переписку митрополита Кирилла и митрополита Сергия см.: Акты. С. 637–641, 644–650, 651–657, 677–681.

называемые «непоминающими» или «правой оппозицией», к концу 30-х годов считали наиболее верным то отношение к деятельности митрополита Сергия, которое высказывал митрополит Кирилл.

«Непоминающих» арестовывали целыми церковными общинами. В Москве это были общины церквей Никола Большой Крест, Рождества на Стрелке и др. Митрополитом Сергием было издано распоряжение о том, чтобы епископов, подвергшихся заключению или ссылке, не поминали в Церкви, т.е. не возглашали их имя за богослужением. Иеромонах Порфирий (Гулевич), впоследствии епископ Симферопольский и Крымский, священномученик, писал в те годы в одном из писем: «Невозможно отказаться от сосланных епископов, это все равно, что отказаться от самих себя»[30].

«Безбожная» пятилетка имела целью «окончательно изжить религиозный дурман». О необходимости такой меры заговорили к началу осени 1929 г. члены Союза воинствующих безбожников (СВБ). В докладе Е. Ярославского, главы СВБ, «О пятилетнем плане работы безбожников» говорилось, что начавшийся в 1928 г. «процесс сплошной коллективизации связан с ликвидацией значительной части церквей» и что его нельзя отрывать от пятилетнего плана СВБ[31].

Преследования священников-крестьян (у каждого было свое хозяйство) обычно совершались так: сначала конфисковывали имущество, часто вплоть до жилья, затем требовали заплатить огромный налог, а в случае неуплаты – арест и ссылка. Оставшийся без священника храм закрывался. В 1930–1932 гг. производилось следствие по целому ряду групповых дел монастырей и храмов, практически все монастыри были закрыты. Проходящие по этим делам обвинялись как «контрреволюционеры-тихоновцы». В протоколах следователи обходили религиозные мотивы.

В эти годы совершались и расстрелы «за агитацию против сплошной коллективизации села». Священник Михаил Пятаев села Малокрасноярка Акмолинской области, всегда готовый прийти на помощь бедным и обиженным, в начале 1930 г. был арестован за «контрреволюционную деятельность с призывами к вооруженному восстанию». Поводом к аресту послужило составление священником списков верующих для перерегистрации общины по требованию властей. Эти самые власти и приписали ему тут же агитацию против коллективизации. Отца Михаила не смогли заставить даже под пытками подписать материалы сфабрикованного «дела», так же как и второго священника церкви о. Иоанна Куминова (он был арестован за проповедь на Рождественской службе, содержащую призыв

30. Сообщила В.В. Королёва, исследователь (г. Алма-Ата).

31. Православная энциклопедия. Т. 4. С. 443.

народа к трезвой жизни и частому посещению храма Божия). 28 февраля 1930 г. священников расстреляли. Впоследствии жену Иоанна Куминова – матушку Ефросинью, беременную восьмым ребенком, вместе с семью детьми отправили в ссылку.

Соловецкий лагерь особого назначения[32], Белбалтлаг (строительство Беломоро-Балтийского канала), Дмитлаг (канал «Москва–Волга»), Карлаг (совхоз-гигант ОГПУ), Сиблаг, Темниковские лагеря и многие другие – все это были места мучения русских людей вместе со своими архипастырями и пастырями. В лагерях епископам и священникам иногда поручали работу, связанную с материальной ответственностью – бухгалтера, счетовода, начальника склада. На Соловках действовали научные лаборатории. Выдающийся ученый и священник Павел Флоренский проводил в одной из них исследования по добыче йода из водорослей, совершив в лагере целый ряд научных открытий. Однако в основном священнослужители участвовали в общих работах наравне со всеми. Порой их нарочно посылали на самые тяжелые участки, но и в трудных испытаниях они не отчаивались, проявляли силу духа и подбадривали других заключенных.

Для церковного человека жизнь немыслима без церковной службы и келейной молитвы, поэтому и в тюрьмах, и в лагерях, и в ссылках служители Церкви и простые верующие, как могли, устраивали свою молитвенную жизнь: кто-то молился по ночам, кто-то, зная наизусть молитвы и Святое Евангелие, читал вслух для остальных. Иногда у верующих была возможность где-нибудь вместе помолиться, совершить Божественную литургию.

Многие епископы и священники, особенно «непоминающие», после лагерей оказывались на «покое», который означал нищенскую и скитальческую жизнь. Так, епископ Никита (Делекторский), расстрелянный в Бутове 19 ноября 1937 г., последние годы зарабатывал на жизнь сдачей утильсырья, которое собирал где придется. Отрадой для епископа было тайное служение в храмах Орехово-Зуева, но оно, разумеется, никем не оплачивалось. В 1936–1937 гг. он ночевал в милицейских казармах, куда его пускал из жалости милиционер.

В период третьей волны репрессий власти стремились убить в народе христианское нравственное начало: нельзя помогать арестованным и ссыльным, нельзя за них молиться соборно, нельзя накормить, приютить ссыльного, – все это приравнивается к преступлениям против советской власти. Так, в 1927 г. был арестован протоиерей Борис Забавин из московской церкви иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» за то, что

32. Из соловецких узников в лике святых прославлено 68 человек.

«в церкви демонстративно молился за “убиенных” советской властью митрополитов, епископов и протоиереев». А в 1932 г. по делу «Ревнителей Церкви» проходило 413 человек во главе с епископами Дамианом (Воскресенским) и Николаем (Могилевским) за «связь с контрреволюционным и ссыльным духовенством». Чтобы контролировать церковную жизнь и разрушать ее изнутри во всех приходах насаждали агентов, доносчиков. Ответом на политику безбожной власти стало появление тайных церквей, монастырей, совершение священниками богослужения по домам. План первой «безбожной» пятилетки оказался невыполненным.

Четвертая волна гонений. 1937±1938 гг. Голгофа русского народа

Всего в 1937–1938 гг., по оценкам, арестовано около 200 тыс. человек, уничтожено примерно 100 тыс. На 1937 г. приходится наибольшее число арестов пострадавших за веру – 150 тыс. и наибольшее число расстрелов и смертей – 90 тыс. человек.

В 1937 г. Е. Ярославский заявил, что религиозные организации – единственные легальные вражеские организации в стране, и к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто по всей территории СССР»[33]. В январе 1937 г. состоялась перепись населения, содержащая включенный Сталиным вопрос о вероисповедании. Перепись показала, что процент верующих в СССР по-прежнему высок. Из 98,4 млн. человек от 16 лет и старше, проживающих в Советской России – 55,3 млн. назвали себя верующими, из них 41,6 млн. человек причислили себя к православным христианам[34]. Публикация материалов переписи была запрещена, так как результат ее оказался не только неожиданным, но и неприемлемым для властей: среди неграмотного населения страны верующие от 16 лет и старше составляли 67,9%, тогда как среди грамотных – 79,2%[35]. Антирелигиозное «просвещение» не принесло желаемых плодов, как и «перевоспитание» верующих в лагерях и тюрьмах. Для уничтожения православной идеологии у власти осталось одно средство – физическое устранение носителей веры.

30 августа 1937 г. вышел оперативный приказ главы НКВД Ежова под № 00447, согласно которому «церковники» были отнесены к «антисоветским

33. Православная энциклопедия. Т. 4. – С. 444.

34. Жиромская В. Б. Особенности религиозного и атеистического мировоззрения в России в 1930-е годы // Церковь в истории России / Сб. трудов ИРИ РАН. Вып.7 М., 2007. – С. 310–311.

35. Православная энциклопедия. Т. 4. – С. 444.

элементам». С 5 августа по заранее установленным лимитам на всей территории страны начались массовые расстрелы.

В 1937–1938 гг. пострадали практически все «повторники», т.е. ранее судимые, при этом новые уголовные дела на них не заводились: их судили снова за те же «преступления», за которые они уже отбыли срок. В 1937 г. монахи Троице-Сергиевой лавры, возвращаясь из ссылки, приехали в г. Загорск к своему настоятелю архимандриту Кроониду (Любимову) и остались у него на ночлег. Ночью власти произвели облаву в городе и арестовали всех вместе с о. Кронидом. Вскоре арестованные были расстреляны в Бутово.

Заключенных снова арестовывали и приговаривали к расстрелу. Теперь власти уже не испытывали духовенство на лояльность – убивали и сторонников официального курса митрополита Сергия, и даже раскольников-обновленцев, чье движение находилось уже в глубоком упадке. Самое страшное время – зима 1937 г. – сплошные расстрелы, в 1938 расстрелов было меньше. К 1939 г. на свободе осталось только шесть правящих епископов во главе с митрополитом Сергием.

В 1937 г. резко ужесточились пытки подследственных. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), известный врач-хирург, спасший жизнь тысячам пациентов, вспоминал о том, как в 1937 г., несмотря на то, что он объявил голодовку в знак протеста против клейма «шпиона», «врага народа», «убийцы своих больных путем операций», его подвергли трехнедельной «непрерыв-
ке» – допросу без перерывов на сон: «При сидении на стуле в течение трех недель я был доведен до состояния тяжелейшей психической депрессии, до потери ориентации во времени и пространстве, до галлюцинаций, до паралича задних шейных мышц и огромных отеков на ногах»[36].

Условия содержания смертников были ужасающими. Епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), прозванный за красоту проповедей «московским среброустом», был расстрелян 26 августа 1937 г. Последний месяц своей жизни он находился в Омской тюрьме. Владыка страдал от камней в почках: отравление организма, боли… Едва стал поднимать голову, около него на пол положили заключенного, избитого уголовниками до полусмерти. Епископ Серафим утешал его, подавал пить, кормил. Бедняга растрогался: «Никто не жалел. А вы, сам больной, ухаживаете за мною». Владыка отвечал: «Есть душа, которая больше меня страдает». В одной из

36. Василий Марущак, протодиакон. Святитель-хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М.: Даниловский благовестник, 2006. – С. 57–58.

записочек он написал: «Я светел, бодр и радостен. Господь подкрепляет и окрыляет сознанием своей правоты, несмотря на тяжкие условия»[37].

Четвертую волну гонений Святейший Патриарх Алексий II назвал «Русской Голгофой», когда ненависть безбожных властителей к христианству достигла немыслимых пределов. Этот период дал Русской церкви тысячи новомучеников.

40-е и 50-е годы

С началом Великой Отечественной войны большевистские правители вынуждены были открывать храмы и дать разрешение Церкви помогать армии и народу. В эти годы аресту, заключению и ссылкам подверглись те, кто во время войны оказался на оккупированных территориях и служил в храмах. Осужденные получали большие сроки. Арестовывали священников за особую «активность», брали и «повторников», уже ранее судимых и отбывших наказание.

Известный ярославский старец архимандрит Павел (Груздев), привыкший с детства к лишениям, будучи еще послушником, оказался в 1941 г. в Вятлаге, где быстро адаптировался к тяжелейшим условиям заключения и все свои заботы сосредоточил на помощи страдающим соузникам. Чтобы накормить голодных, он, пользуясь правом свободного выхода за территорию, собирал в лесу ягоды, в глиняных ямах с обожженными стенками засаливал на зиму грибы. С негласного разрешения начальства ему удалось сводить колонну заключенных в церковь на службу. Как вспоминал отец Павел, «огонь сам с неба сходил на этот домишко, сделанный церковью. А игуменья, монашки-то – да как же они пели!... Они причащались в тот день не в деревянной церкви, а в Сионской горнице! И не священник, а сам Иисус сказал: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое!» Все мы причастились. Вернулись вечером в лагерь, а уж теперь хоть и на расстрел – приобщились Святых Христовых Тайн»[38].

В 1955 г. освободился из заключения епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). Он пережил все четыре волны гонений и почил 28 октября 1962 г. За период с архиерейской хиротонии в 1921 г. до 1954 г. владыка претерпел 11 арестов: прошел тюрьмы в Москве, Ленинграде, Иваново, Красноярске, Владимире, Вятке, Новосибирске, Туруханске, Ишиме, Омске. Сроки заключения он отбывал в лагерях: Соловецком, Беломоро-Балтийском, Онежском (куда шел по этапу пешком около 400 км), Мариинском,

37. Все вы в сердце моем: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима епископа Дмитровского. М.: ПСТГУ, 2001. – С. 92.

38. См.: Последний старец. Ярославль: Китеж, 2004. – С. 246–248.

Темниковских, Сибирских, Дубравлаге[39]. В лагерях владыка работал на лесоповале, лесобирже, строительстве дорог, полевых работах, был сторожем, счетоводом, инкассатором, дневальным, бригадиром лаптеплетной бригады, ассенизатором. Владыку Афанасия знает Православная церковь как автора службы «Святым в Земле Российской просиявшим», над которой он работал всю свою жизнь. Святитель Афанасий прославлен как священноисповедник.

В 2006 г. в день праздника Собора Новомучеников и Исповедников Российских почил известный старец Псково-Печерского монастыря архимандрит Иоанн (Крестьянкин). В годы священнического служения в храме Рождества Христова в Измайлово отец Иоанн был замечен властями как деятельный пастырь. Результатом активного служения Церкви стал арест с последующим заключением в лагеря Архангельской и Куйбышевской областей. В тяжелейших условиях отбывали ссылки в эти годы как «повторники» и «активные церковники» епископ Иосиф (Чернов – впоследствии митрополит Алма-Атинский и Казахстанский)[40], инспектор Московской Духовной академии архимандрит Вениамин (Милов – впоследствии епископ Саратовский) и мн. др.

После 50-х годов применялись другие методы гонений. Их история отражена в истории храмов и церковных «двадцаток».

Размышляя о судьбе Русской церкви, нельзя не вспомнить пророческие слова, сказанные святым Иоанном Кронштадтским в начале XX в.: «Смотрю на мир, лежащий во зле, или ближе, на Россию, получившую от Бога драгоценное наследие от предков – веру православную, и отступившую по легкомыслию непостижимому от своей веры и впавшую во всевозможные беды: и ужасаюсь, и скорблю, видя, как страдает, и еще пострадает она, если не обратится всем сердцем к вере отеческой и к Церкви православной, в которой спаслось столько праведных людей»[41].

Всероссийский пастырь святой праведный Иоанн Кронштадтский был духовным наставником многих новомучеников и исповедников. В БД более

39. Автобиография святителя Афанасия // Славы Божия ревнитель: Жизнеописание и труды исповедника епископа Афанасия (Сахарова). М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. – С. 445–458.

40. Владыка Иосиф арестовывался четыре раза и провел в общей сложности 20 лет в лагерях и тюрьмах.

41. Слово 23. На день преславного Рождества Пресвятой Богородицы 8 сентября 1907 г. // Новые грозные слова отца Иоанна Кронштадтского «О страшном поистине Суде Божием, грядущем и приближающемся» 1906–1907 гг.

100 имен пострадавших, связанных с о. Иоанном[42]. Среди них священномученики митрополит Кирилл (Смирнов), митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Гермоген (Долганев), архиепископ Андроник (Никольский).

До XX в. в Русской церкви было прославлено не более 450 святых, а Вселенская православная церковь имела к этому времени около 3 тыс. святых.

В настоящее время к сонму Русских Святых добавился лик Новомучеников и Исповедников Российских, который ныне составляют 1646 святых. Очевидно, что Русская церковь стала Церковью Новомучеников[43]. В Русской зарубежной церкви прославление около 500 новомучеников состоялось на Архиерейском Соборе в 1981 г.

Каждая национальная церковь в значительной мере формирует содержание народной памяти, и подвиг новомучеников приобрел самостоятельный культурный и исторический смысл, во многом определяющий жизнь современного российского общества.

42. Подробнее см.: Емельянов Н.Е. Некоторые факты, установленные по Базе данных «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви в XX в.» // Материалы Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2000. – С. 348–353.

43. См.: Емельянов Н.Е. Церковь Новомучеников // Фома. М., 2007. – № 10 (54).

В.Г. Ледяев

ГОРОДСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ: ТЕОРИЯ И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ледяев Валерий Георгиевич – доктор философских наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики.

История эмпирических исследований власти в городских и территориальных общностях[1] прошла несколько основных этапов. Современный этап обычно ассоциируется с теорией городских политических режимов (urban regime theory), которая начиная с 1990-х годов получила широкое признание и распространение в США и (в меньшей степени) в Западной Европе, вытеснив более ранние когнитивные модели[2]. Хотя термин «режим» использовался для объяснения структуры власти на уровне города еще в 1960-е годы[3], начало формирования теории[4] городских политических режимов обычно связывается с появлением книги Кларенса Стоуна «Режимная политика: Правление в Атланте, 1946–1988 годы»[5], в которой была сформулирована концепция городского политического режима и

1. В англоязычной литературе они известны как «community power studies».

2. Harding A. Is there a «new community power» and why should we need one? // Intern. j. of urban and regional research. – Oxford; Cambridge, 1996. – Vol. 70, N 4. – P. 637–655; Ледяев В.Г. Модели эмпирического исследования власти: Западный опыт // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. науч. ст. / Под ред. Дуки А.В. – СПб., 2005. – С. 65–79.

3. Agger R.E., Goldrich D., Swanson B.E. The rulers and the ruled. – N.Y., 1964.

4. Некоторые исследователи предпочитают говорить не о теории режима, а о концепции режима или модели исследования, поскольку у нее сравнительно ограниченные возможности объяснения и предсказания (Regime politics in London local government / Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin Y. // Urban affairs rev. – Chicago, 1999. – Vol. 34, N 4. – P. 517).

5. Stone C.N. Regime politics: Governing Atlanta, 1946–1988. – Lawrence, 1989.

обстоятельно рассмотрена эволюция политического режима в Атланте на основе данных, полученных в результате эмпирического исследования[6].

Теория политических режимов заметно изменила ракурс изучения власти в городских и территориальных общностях по сравнению с предшествующими подходами, что было обусловлено как новациями в понимании природы и форм власти, так и смещением акцентов в ее исследовании. Стоун и его последователи расширили пространство политической власти в городе, фокусируя внимание не столько на «социальном контроле» («власти над»), сколько на «социальном производстве» («власти для»). В отличие от старых дебатов между элитистами и плюралистами, которых интересовал ответ на вопрос «Кто правит?» («Who governs?»), а внимание сосредоточивалось на изучении степени влияния тех или иных групп на городскую политику, теория городских политических режимов фокусируется на способности акторов добиваться поставленных целей. Наряду с «социальным производством» и «социальным контролем» Стоун выделяет «системную власть», заложенную в институциональных и структурных преимуществах отдельных групп, прежде всего крупного бизнеса, и «коалиционную власть», проявляющуюся в умении договариваться и создавать прочные коалиции.

В соответствии с расширением пространства власти меняется и ракурс изучения власти в городских общностях. Его предметом становятся кооперация акторов и возможности, которые она им предоставляет; при этом речь идет не о любой кооперации, а только о той, которая возникает между акторами, представляющими различные общественные сферы, и обеспечивает поддержку определенного набора политических решений[7]. Если традиционное «Кто правит?» акцентирует внимание на неравном распределении властных ресурсов и позиций, то в теории городских политических режимов главный вопрос формулируется следующим образом: «Каким образом осуществляется управление в сложных городских системах?» По-новому объясняется и эффективность местной власти (local government), которая увязывается со способностью мобилизовать государственные и негосударственные ресурсы для достижения общезначимых целей.

6. Кроме Стоуна к числу основателей теории также относят Сьюзен Фейнстейн (Fainstein S. City builders: Property, politics, and planning in New York and London. – Oxford, 1994) и Стефана Элкина (Elkin S. City and regime in the American Republic. – Chicago, 1987). Однако именно Стоун, по всеобщему признанию, сумел убедительно продемонстрировать преимущества режимной теории, поставив в центр исследования городской политики проблемы кооперации основных акторов и воспроизводства структуры власти в городе.

7. Stone C. Op. cit. – P. 8–9.

Выделение вышеупомянутых типов власти было обусловлено стремлением Стоуна и его последователей обратить внимание на коалиционный характер властных отношений в городской общности, складывавшихся в результате сложного взаимодействия акторов, представляющих как публичную (государственную), так и частную сферы городской жизни. Идея коалиционной природы власти в американских городах[8] возникла в результате понимания ограниченных возможностей местных властей контролировать важнейшие ресурсы, прежде всего материальные, которые находятся в руках негосударственных акторов. Стоун фокусирует внимание на механизмах связи между акторами – формальными (соглашения и институты) и неформальными (социальные сети), которые формируют понимания общности целей и идентичности и при этом стабилизируют разделение труда между партнерами по коалиции. Необходимость кооперации обусловлена и возрастанием сложности и комплексности задач, решаемых в сфере городского управления: современное государство не может действовать лишь как орган контроля или арбитр, регулирующий отношения между группами интересов. «Политика представляет собой процесс формирования базовых приоритетов, и главная проблема заключается в том, как обеспечить достаточный уровень кооперации различных элементов общности для достижения целей»[9].

Таким образом, политический режим – это коалиция акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление общностью. Он не сводится к электоральной коалиции, а предполагает более широкий спектр взаимодействия; в нем нет очевидной субординации и важнейшую роль играют неформальные связи, обеспечивающие эффективность взаимодействия акторов и прочность коалиции. Кооперация является не данностью, а скорее проблемой: она должна быть достигнута; поэтому политический режим не возникает в каждом городе, а является результатом совместных усилий зависимых друг

8. Теория городских политических режимов, так же как и более ранние подходы к объяснению распределения власти в городских и территориальных общностях, изначально сформировалась в США.

9. Stone C. Op. cit. – P. 89. Некоторые аналитики, например У. Николс, считают, что, помещая кооперацию в центр своей модели объяснения городской политики, Стоун не уделяет достаточного внимания структурным основаниям конфликта и «власти над». Стремясь избежать этого, У. Николс предлагает концептуальную структуру, которая, как он подчеркивает, «охватывает оба аспекта власти» (Nichols W.J. Power and governance: Metropolitan governance in France // Urban studies. – Glasgow, 2005. – Vol. 42, N 4. – P. 783–800).

от друга акторов[10]. Коалиция (режим) является относительно стабильной и не меняется в зависимости от того, вокруг каких вопросов идет политическая дискуссия; она имеет кросс-секторальный характер, представляя собой нечто более широкое, чем неформальная организация, институт или единая правящая элита[11]. Каждый режим имеет свою «повестку дня» («agenda») – набор целей и программ, которая отражает коалиционный характер власти и ресурсы ее субъектов. Повестка дня символизирует определенное согласие по фундаментальным ценностям членов коалиции и должна быть достаточно устойчивой, способствующей сохранению режима, несмотря на изменения в лидерстве и конфигурации акторов; она не может быть ни слишком узкой или частной (в этом случае она не станет средством мобилизации массовой поддержки), ни чересчур абстрактной (иначе мобилизация будет, в лучшем случае, кратковременной).

Данные признаки режима тесно взаимосвязаны: если ресурсы неадекватны заявленным целям и программам, то управление не будет эффективным; отсутствие кросс-секторального основания режима лишает его необходимых ресурсов; без эффективного соединения потенциалов различных групп, особенно субъектов из разных секторов общества, невозможна стабильность режима[12].

Содержательная специфика модели городских политических режимов направляет исследование власти в городских общностях на выявление факторов, обусловливающих формирование и сохранение правящих режимов, их стабильность и изменчивость. Она ставит перед

10. В этом изначальные версии теории городских политических режимов отличаются от некоторых более поздних и более широких подходов к пониманию политического режима, фактически нивелирующих различие между понятиями «городской режим» и «городское управление» («governance»), а также от отечественных концепций политического режима, используемых в региональных исследованиях (Россия регионов: Трансформация политических режимов / Общ. ред. Гельман В., Рыженков С., Бри М. – М., 2000; Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: Опыт типологизации // Полис. – М., 2002. – № 3. – С. 142–155; Борисов С.В. Актуальный политический режим в Нижегородской области // Полис. – М., 1999. – № 1. – С. 98–115).

11. Стоун и его последователи не были склонны считать режимом систему управления городом, в которой власть монополизирована какой-то одной группой.

12. Stone C. The Atlanta experience re-examined: The link between agenda and regime change // Intern. j. of urban and regional research. – Oxford; Cambridge, 2001. – Vol. 25, N 1. – P. 20–23, 26. Аналогичный набор признаков городского политического режима приводит британский исследователь Кейт Доудинг (Dowding K. Explaining urban regimes // Intern. j. of urban and regional research. – Oxford; Cambridge, 2001. – Vol. 25, N 1. – P. 14).

исследователями несколько ключевых вопросов: Кто составляет правящую коалицию? Как формируется коалиция? Каковы последствия осуществления политики правящей коалиции?[13] Касаясь *состава* правящих коалиций, Стоун подчеркнул, что он во многом обусловлен «двумя базовыми институциональными принципами американской политической экономии: контролем народа за системой государственного управления и принципом частного предпринимательства»[14]. Первый является основным, однако государственное управление всегда ограничено необходимостью обеспечить инвестиционный процесс в экономической сфере, в которой доминирует частное предпринимательство. Поэтому наиболее влиятельными акторами городской политики обычно являются представители публичной власти и бизнеса, обладающие системными преимуществами над другими акторами. Частная сфера, разумеется, представлена не только бизнесом: профсоюзные функционеры, партийные лидеры, руководители некоммерческих организаций или фондов, религиозные лидеры также могут играть существенную роль в правящих коалициях. Однако именно бизнесу Стоун отводит центральное место, поскольку от него зависит экономическое развитие города, он контролирует важные политические ресурсы и практически всегда присутствует на политической сцене. Политики же во многих ситуациях, говоря словами Д. Хилла, могут «председательствовать, но не править»[15].

Особое внимание, уделяемое *формированию* правящих коалиций, Стоун объясняет тем, что коалиция «не возникает только потому, что является выгодной», а главные акторы – публичная власть и бизнес – «естественным образом оказываются структурно взаимозависимыми»; часто она «может быть достигнута только ценой значительных издержек» – как видимых (экономические, коммуникационные, временны□е и т.п.), так и менее очевидных, связанных с необходимостью соблюдения соглашений, ограничивающих свободу действий акторов. Поскольку структура и особенности публичного и частного секторов существенно варьируются, каких-то универсальных способов достижения кооперации между ними не существует, и здесь неизбежно имеет место элемент неопределенности. Кооперация может быть выгодна акторам, но она не бывает автоматической;

13. Stone C. Op. cit. – P. 6. Центральность данных вопросов для теории городских политических режимов подчеркивается и другими исследователями, в том числе европейскими. Вокруг них фокусировалось исследование А. Хардинга в Эдинбурге и Манчестере (Harding A. Regime formation in Manchester and Edinburgh // The new politics of British local government / Ed. by Stoker G. – Basingstoke; London, 2000. – P. 59).

14. Stone C. Op. cit. – P. 6–7.

15. Hill D.M. Urban policy and politics in Britain. – L., 2000. – P. 60.

при этом вероятность ее возникновения зависит от различных обстоятельств, которые и находятся в фокусе анализа теории режимов. Нормой является скорее разобщение, чем кооперация, а успешные режимы должны постоянно преодолевать проблему коллективного действия. Поэтому специальное внимание уделяется вопросу о том, что обеспечивает сохранение коалиции, несмотря на социальные изменения, связанные с включением в политику новых акторов, усилением конфликтов или ростом апатии[16].

Какие факторы способствуют кооперации? Почему одни коалиции (режимы) стабильны, другие – нет? Предпосылки коалиционного характера власти в городе, как уже отмечалось ранее, заложены в структуре современного (капиталистического) общества, которая, несмотря на различия между странами, предполагает взаимодействие между публичным и частным секторами: местные политики заинтересованы в своем (пере)избрании и поэтому должны поддерживать коалиции, которые этому способствуют. Характер успешной коалиции группы зависит от того, какие группы составляют электоральное большинство – бедные (лица, имеющие ограниченные доходы или живущие на пособия) или средний класс; местным политикам необходимы средства на проведение электоральной кампании[17]. Поэтому для успешного формирования политического режима требуется как минимум две группы условий: условия успешной мобилизации в поддержку местных политиков (наличие соответствующего персонала, партийная организация, финансовая база) и социальная поддержка (социальная специфика электората, мотивирующие электорат проблемы).

Однако само указание на необходимость формирования данных условий не объясняет, почему вероятность их возникновения в одних городах выше, чем в других. Британские исследователи П. Джон и Э. Коул выделили пять основных факторов городской жизни, оказывающих позитивное влияние на формирование политических режимов[18].

1. «Местная проекция интересов бизнеса». В идеале бизнес должен быть в собственности тех, кто проживает в городе[19]; в ином случае у него будет значительно меньше стимулов к установлению отношений сотрудничества и обмена между публичным и частным секторами, заинтересованности в победе тех или иных местных политиков. Поэтому ключевую роль в

16. Stone C. Regime Politics. – P. 9.

17. Dowding K. Op. cit. – P. 16.

18. John P., Cole A. Urban regimes and local governance in Britain and France: Policy adaptation and coordination in Leeds and Lille // Urban affairs quarterly. – Oxfordshire, 1998. – Vol. 33, N 3. – P. 388–389.

19. В Атланте бизнес был тесно связан с местным сообществом, что во многом и предопределило стабильность режима (Stone C. Regime Politics. – P. 16).

«машинах роста» – наиболее распространенном типе режима в США – играют те, кто не может легко перенести свой бизнес на другие территории и должен стремиться реализовать свои интересы в данном конкретном городе.

2. «Бизнес должен быть сравнительно интегрированным»[20], что позволяет его представителям выступать от имени всего частного сектора. Для поддержания коалиции важно, чтобы в политике участвовали не только те, кто непосредственно выигрывает от конкретных решений, хотя включение всего бизнеса в политику не предполагается.

3. Более вероятно возникновение и сохранение режимов в больших городах. Хотя все режимы имеют локальное измерение, они не стимулируются замкнутостью (parochialism). В Соединенных Штатах режимы чаще обнаруживаются в таких городах, как Даллас и Атланта, и реже встречаются в небольших и новых городках, где меньше стимулов к кооперации ради достижения коллективных целей[21]. Однако не во всех крупных городах возникают режимы, поскольку расширение территории города может привести к исчезновению достаточной коллективной идентичности, необходимой для объединения усилий публичных и частных акторов.

4. Успешному формированию режима способствует передающаяся из поколения в поколение традиция политического прагматизма и веры в городскую политику. Исторический опыт успешного партнерства очень важен для сохранения отношений взаимного доверия между властями и бизнесом в неизбежно возникающих ситуациях конфликта.

5. Режимы чаще формируются в городах, которые обладают уникальностью и своеобразием. Это порождает «политику исключительности» (politics of exceptionalism) и «чувство отличия от других центров», стимулирующих кооперацию городских акторов для сохранения преимущества над другими городами или преодоления отставания от них[22].

Разумеется, само по себе наличие благоприятных условий не приведет к появлению режима, если у акторов не будет политической воли. Стоун отмечал, что в Атланте бизнес и политические элиты были впереди своих визави из других городов американского Юга, и в этом смысле «Атланта не

20. Ibid. – P. 165, 168–173.

21. В Атланте бизнес был тесно связан с местным сообществом, что во многом и предопределило стабильность режима (Stone C. Regime Politics. – P. 185.

22. Исследователи выделяют и некоторые другие факторы, способствующие формированию режимов. Например, К. Доудинг подчеркивает значимость идеологии, а также наличия коалиции до начала электоральной кампании (Dowding K. Op. cit. – P. 16–17).

является типичным городом»[23]. Во многих городах возникают совершенно иные формы власти, в том числе и враждебные интересам бизнеса[24].

Формирование прочной коалиции само по себе не является гарантией решения важнейших городских проблем; напротив, оно может быть отложено в силу того, что артикулируемые в публичном пространстве политические приоритеты могут не совпадать с реальными приоритетами режима. Вместе с бесспорным прогрессом в области городского строительства и репутацией пионера в сфере решения расовых проблем, Атланта оказалась в числе городов с самым высоким уровнем бедности в США, и население города заметно сократилось. Теория городских политических режимов показывает, что эффективное управление может быть однобоким, реализующим выборочные цели тех, кто образует правящую коалицию, а решение других проблем оказывается весьма затруднительным в силу того, что они фактически не включаются в повестку дня.

Поэтому наряду с анализом прочности режима и характера связей между составляющими его акторами исследовательский интерес фокусируется вокруг *направленности (ориентации)* режима, тех *целей и ценностей*, которые он поддерживает и культивирует, а также корреляции между ориентацией политического режима и показателями его эффективности и стабильности.

В соответствии с этими параметрами выстраивается большинство классификаций городских политических режимов, в которых чаще других выделяются (применительно к США) следующие типы: 1) режим поддержания статус-кво; 2) режим роста (развития); 3) прогрессивный режим среднего класса[25], в которых, в свою очередь, имеют место видовые различия.

Режим сохранения статус-кво (сервиса) поддерживается силами, которые не выдвигают каких-то глобальных проектов городского переустройства, ориентируясь на поддержание существующей системы городского сервиса. И владельцы собственности, и мелкий бизнес, которые часто доминируют в электоральных коалициях, ощущают опасность повышения налогов и разрушения устоявшихся форм социальной жизни, сопровождающих

23. Stone C. Regime politics. – P. X.

24. John P., Cole A. Op. cit. – P. 389.

25. Используемая для обозначения режимов терминология различается. Например, кроме указанных, выделяют режимы обслуживания и сервиса (которые по своим характеристикам близки к режимам сохранения статус-кво), корпоративные режимы (режимы роста), режимы управления ростом и режимы человеческого капитала (прогрессивные режимы среднего класса) и др.

стратегию роста. По мнению Стоуна, такие режимы имеют перспективы в небольших городах, тогда как у режимов роста больше шансов в мегаполисах.

Режим роста (развития) большинство исследователей считают самым распространенным в США. Его наиболее обстоятельные описание и объяснение были предложены создателями теории «машин роста» Х. Молотчем и Дж. Логаном. Режимы роста – это коалиции местных групп интересов и власти, ориентированных на быстрое экономическое развитие города, его рост. Рост – это не просто одна из нескольких равнозначных проблем, а «политическая и экономическая суть практически любой территории»[26]; его особое место в структуре городской политики обусловлено тем, что он может обеспечить богатство и существенные преимущества определенным акторам. Поэтому естественное стремление к росту формирует консенсус между элитными группами независимо от их расхождений по любым другим проблемам, в том числе и относительно выбора оптимальной стратегии роста. Естественно, наиболее заинтересованными участниками коалиции являются бизнесмены, которые получают непосредственную выгоду от развития городской экономики и инфраструктуры. При этом ключевая роль в режимах роста часто принадлежит владельцам городской земли и недвижимости, а главной темой городской политики выступает рациональное (эффективное) использование земли, критерием которого считается величина прибыли, полученной ее владельцами. К бизнесу присоединяются другие группы, непосредственно заинтересованные в эффективном использовании городского пространства, – проектные организации, сервис, различные группы профессионалов и др.

Однако сама по себе бизнес-элита и поддерживающие ее группы не могут обеспечить выбор стратегии роста и ее реализацию без участия городского политического класса, поскольку многие составляющие экономического роста, его выгоды и издержки зависят от конкретных политических решений. Заинтересованность в поддержке стратегий роста со стороны местных политиков и бюрократии, рассчитывающих на пополнение бюджета и, соответственно, хорошие перспективы сохранить свои должности, стимулирует элиту роста влиять на выбор местных политиков и наблюдать за их деятельностью. Представители местной власти воспринимаются ею как «посланцы индустрии», «коммуникаторы с потенциальными инвесторами», а их главной функцией является создание

26. Molotch H. The city as growth machine // American j. of sociology. – Chicago, 1976. – Vol. 82, N 2. – P. 309–310.

благоприятного климата для развития бизнеса и организационных условий для роста[27].

Режимы роста (развития), в свою очередь, могут различаться в зависимости от соотношения влияния политических и экономических акторов, роли федеральной составляющей в городской политике, мотивации и установок политической элиты и т.д. Например, С. Элкин описывает три городские политические режима, общим для которых является формирование коалиций роста. ***Плюралистический режим*** складывался в городах, где имела место относительная независимость политико-административной элиты от владельцев земли в силу обладания ею значительными материальными ресурсами; при этом коалиция роста, в которой доминировали собственники земли, не обладала сопоставимым потенциалом влияния в других сферах общественной жизни[28]. Эти режимы возникли в 1950–1960-е годы в больших городах Северо-Востока и Среднего Запада (Филадельфия, Питтсбург, Бостон) со сложной расово-этнической композицией населения. Главная цель коалиций – повысить эффективность использования земли в центре города, а также улучшить транспортные коммуникации с другими районами. Электоральная база режима и поддержка возрождения центра оказались сравнительно широкими: для средних и крупных владельцев городской собственности была важна стабильность (или снижение) налогов на собственность, либерально настроенные группы рассчитывали на расширение возможностей улучшения своих жилищных условий, а бедные граждане продолжали пассивно поддерживать коалицию, голосуя за реформаторов[29].

Федералистские режимы возникали в 1970-е годы по мере роста федеральных программ развития городов, которые могли способствовать снятию социального и политического напряжения, вызываемого издержками реализации программ роста. Плюралистическим режимам (роста) было трудно сохранять себя в условиях растущего противодействия со стороны отдельных групп интересов, а городским политикам и партийным лидерам стало сложно выступать от имени территорий; многие проблемы (сервис, школы, рабочие места и др.), ранее считавшиеся периферийными по сравнению с использованием земли, приобрели большую значимость, что

27. Ледяев В.Г. Эмпирическая социология власти: Теория «машин роста» // Власть, государство и элиты в современном обществе / Под ред. Дуки А.В., Мохова В.П. – Пермь, 2005. – С. 10–12.

28. Использование термина «плюралистический» для обозначения режима было отчасти обусловлено тем обстоятельством, что их обычно описывали представители плюралистической ориентации (Р. Даль, Э. Бэнфилд, Р. Волфинджер и др.).

29. Elkin S. Op. cit. – P. 55–57.

затрудняло поддержание кросс-секторальной кооперации. Осуществление значительных экономических проектов оказалось в зависимости от поддержания определенного уровня удовлетворенности населения, а между тем бизнес по-прежнему не очень стремился к решению обострившихся проблем. Новый федералистский режим базировался на доступности федеральных ресурсов, приток которых в 1970-е годы существенно возрос. В качестве примера перерастания плюралистического режима в федералистский Элкин рассматривает эволюцию режима в Чикаго[30].

Федеральные деньги использовались для предотвращения сокращений рабочих мест и пособий, снижений уровня обслуживания населения, тем самым помогая политикам восстановить и поддерживать кооперацию с владельцами земли и электоральные коалиции, в том числе с городскими меньшинствами и наемными работниками. Однако в случае существенного сокращения федеральных денег сохранить режим, по мнению Элкина, становится практически невозможно.

В предпринимательских режимах имеет место сильный бизнес, подавляющий любые попытки сопротивления стратегии роста. С этой точки зрения, он наиболее последовательно представляет собой «машину роста», ставящую экономическое развитие города над всеми остальными аспектами городской политики. В Далласе, который рассматривается Элкиным в качестве примера предпринимательского режима, имело место тесное взаимодействие между властями и лидерами бизнеса, длительное время поддерживавшееся тем, что многие лидеры бизнеса занимали публичные посты в городе. По сравнению с другими городскими режимами режим в Далласе в наибольшей степени демонстрировал лидирующие позиции бизнеса в составе городской правящей коалиции, а приоритеты городских политиков, чиновников и ведущих бизнесменов оказались по сути одинаковыми. «Эти общие взгляды были именно взглядами *бизнеса*, а не наоборот»[31]. Бизнес-элита Далласа выстроила такие отношения с городскими политиками и чиновниками, при которых ей не было необходимости указывать им, что нужно делать[32].

Прогрессивные режимы среднего класса[33] обычно возникают в экономически развитых местах, где жители опасаются, что (возможные) выгоды роста перевешиваются издержками загрязнения окружающей среды

30. Elkin S. Op. cit. – P. 57–60.

31. Elkin S. Op. cit. – P. 62–63.

32. Elkin S. Op. cit. – P. 62–82.

33. Данные режимы исследователи называют прогрессивными, поскольку их приоритеты они считают более передовыми (прогрессивными) по сравнению с теми, которые предлагаются коалициями роста.

или потерей общности. Их успех наиболее вероятен там, где у режима есть прочная опора в лице активного «светского» среднего класса, имеющего свободное время. «Коалиции против роста» обычно складываются вокруг движений в защиту окружающей среды, гражданских, а также антивоенных движений; к ним примыкают профессионалы из среднего класса, рабочие, государственные служащие и менеджеры фирм, чьи доходы не зависят от роста, а также все те, кто считает, что их благосостояние и стиль жизни находятся в противоречии со стратегией роста[34]. Движения против роста возникают либо как реакция на действия местных властей, не желающих учитывать негативные социальные последствия тех или иных программ экономического развития, либо в результате прихода к власти людей, изначально поддерживающих идеологию охраны окружающей среды и социального либерализма[35].

Движения против роста обычно не бывают массовыми: они не выражают надежд рабочего класса на новые рабочие места или квартиросъемщиков на собственные дома[36]. Поэтому оппозиция «машинам роста» скорее отражает эстетические преференции высшего среднего класса, людей образованных и благополучных, готовых платить больше налогов, лишь бы не видеть уродливых фабрик, гамбургерных палаток и других последствий роста. Разумеется, не вся оппозиция состоит из высшего среднего класса. Исследователи описывали довольно многочисленные случаи борьбы черных и бедных против проектов городского строительства и развития центра города. Однако они отмечали, что традиционные городские элиты обычно вполне успешно справляются с этим видом оппозиции, их значительно больше беспокоит противодействие со стороны более образованных и благополучных слоев[37].

Если в городской политике начинает доминировать «коалиция антироста», то развитие территории переориентируется на улучшение окружающей среды, а местные власти стремятся ограничивать рост населения общности. Это осуществляется через соответствующее законодательство, инструкции, процедуры получения разрешения на строительство, нормативы природопользования и т.п. Существенно

34. Molotch H. Op. cit. – P. 327–328.

35. Clark T.N., Goetz E.G. The antigrowth machine: Can city governments control, limit, or manage growth // Urban innovation. Creative strategies for turbulent times / Ed. by Clark T. N. – L., 1994. – P. 136.

36. Молотч считал, что слабая представленность рабочего класса в этих движениях обусловлена его убежденностью в том, что рост обеспечивает занятость (Molotch H. Op. cit. – P. 325).

37. Dye T.R. Community power and public policy // Community power: Directions for future research / Ed. by Waste R. J. – Beverly Hills, 1986. – P. 29–51.

замедлить рост или даже свести его к нулю может противодействие расширению улиц, строительству новых дорог, вырубке деревьев, затягивание с созданием необходимых для роста коммуникаций и служб (водоснабжение, канализация, пожарная охрана), увеличение соответствующих пошлин, охрана исторических памятников и т.д. В этом случае у местных властей появляется больше возможностей сделать что-то непосредственно для жителей территории (а не для роста их числа), при этом промышленные проекты все более оцениваются с точки зрения их социальной полезности (полезности произведенного продукта).

* * *

В отличие от ранних моделей исследования власти в городских и территориальных общностях, не получивших широкого распространения за пределами США, теория политических режимов стала весьма популярной в Ев-
ропе.

Хотя многие исследователи в целом отрицательно относятся к расширению концепта «городской политический режим»[38], данный процесс во многом отражает отличия европейского городского политического пространства от американского, которые обусловлены следующими факторами:

– более значимой ролью лидеров бизнеса в американской городской политике;

– отсутствием в США сильных политических партий социал-демократической ориентации или связанных с профсоюзами;

– существенно большей автономией американской системы планирования использования земли по сравнению с европейской, которая в значительной степени зависит от центральных структур государства;

– сравнительно слабым влиянием публичного сектора в США на отношения собственности и управление землей;

– большей ориентированностью местных властей в США на финансирование своих проектов и кампаний из местных источников[39];

38. Доудинг, например, считает, что если концепция режима используется для обозначения любой коалиции акторов и даже при полном отсутствии таковой, то она становится чисто дескриптивной и менее эффективной по сравнению с концепцией Стоуна (Dowding K. Explaning urban regimes. – P. 7).

39. Harding A. Review article. Op. cit. – P. 687.

– сильной централизацией основных политических институтов – государства, партий, СМИ;

– более «левой» (социальной) направленностью британской государственной политики по сравнению с американской;

– меньшей зависимостью государства от гражданского общества и групп интересов (в том числе бизнеса) в Европе[40].

В Европе система государственного управления более централизованная, чем в США; государство обладает значительными возможностями влияния на рыночные механизмы, а административная элита играет существенную роль в осуществлении таких традиционных муниципальных функций, как планирование использования земли. Это ведет к более униформной местной политике, меньшей соревновательности между городами и большей значимости внутригосударственных отношений по сравнению с США. В Европе большинство городов имеет финансовую поддержку со стороны центральной власти, и она значительно более существенна, чем аналогичная поддержка городов в США; поэтому местные власти не находятся в такой сильной зависимости от налоговых поступлений, как в Америке. Фискальная политика

распределения в пользу бедных регионов также усиливает роль центра, делая муниципальные власти более независимыми от местного рынка, хотя и за счет политической автономии. Существенным фактором европейской городской политики выступают политические партии, которые в целом имеют более сильную структуру, чем группы давления. При этом наличие влиятельных левых партий делает практически невозможным формирование идеала города как машины роста, а либерально-рыночная идеология и идеи капиталистического накопления непрерывно подвергаются атакам с различных сторон[41].

В силу этих причин взаимоотношения между публичной властью и группами интересов имеют в Европе несколько иной характер, чем в США; государственная власть перевешивает все остальные элементы и тем самым ограничивает тенденцию к формированию коалиционной политики, а ключевые решения по основным вопросам развития города по-прежнему принимают политические лидеры. Общий вывод, к которому приходят большинство исследователей, состоит в том, что хотя в европейских странах

40. Wood A. Op. cit. – P. 2107.

41. Strom E. In search of the growth coalition: American urban theories and the redevelopment of Berlin // Urban affairs rev. – Chicago, 1996. – Vol. 31, N 4. – P. 458–459, 462.

городские коалиции, выступающие за экономический рост, и становятся все более значимым фактором городской политики, они не играют в ней главную роль, как в Соединенных Штатах; бизнес участвует в них, но лидером по-прежнему остается публичная власть[42].

Заслуживает внимания попытка использования концепции для объяснения политических процессов на субгородском уровне, предпринятая группой исследователей под руководством К. Доудинга. В качестве объектов исследования были выбраны шесть районов (боро) Лондона. Исследователями были обнаружены режимы (в традиционном смысле) в трех районах: в Кройдоне сформировался режим развития, опирающийся на достаточно прочную коалицию политиков и бизнеса; в Вандсворте и Ислингтоне возникли «режимы сервиса». В остальных районах режимы не сформировались, однако в каждом из них были отдельные признаки политических режимов[43].

Эти и другие исследования городских политических режимов, достаточно многочисленные и за пределами США[44], свидетельствуют о растущей популярности теории, что, на наш взгляд, вполне закономерно. Привлекая внимание к процессу формирования правящих коалиций, она, с одной стороны, позволила преодолеть ограниченность исследований городской политики, фокусировавшихся в основном на формальных политических институтах, с другой – избежать недостатков ранних дискуссий о распределении власти в городских общностях, слабо учитывавших структурные компоненты власти, ограниченность городской политики и вариативность конфигурации власти в различных городских общностях. При этом она оказалась достаточно продуктивной и для

42. Harding A. Review article. – P. 696; Harding A., Wilks-Heed S., Huthins M. Op. cit. – P. 820.

43. Regime politics in London local government / Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin Y. – P. 519–520.

44. Автор обнаружил попытку использования концепции для объяснения городской политики в современном Китае. Исследователь из Сингапура Жеминь Жу пришел к выводу, что начиная с 80-х годов вследствие расширения рыночных механизмов в китайской экономике и усиления конкуренции между городами в городах стали возникать коалиции, стремящиеся мобилизовать ресурсы для осуществления стратегий развития (Zhu J. Local growth coalition: The context and implications of China's gradualist urban land reforms // Intern. j. of urban relations. – Oxford; Cambridge, 1999. – N 3. – P. 534–548).

объяснения политических процессов в странах с сильной государственной составляющей, что позволяет размышлять о возможностях и перспективах ее социально-политическом контексте.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, АСЕАН, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

М.Ю. Шинковский, А.Б. Волынчук

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ УРАВНЕНИЕ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: КАКИМ БЫТЬ РЕШЕНИЮ?

Шинковский Михаил Юрьевич – доктор политических наук, профессор, директор института международных отношений и социальных технологий Владивостокского государственного университета экономики сервиса (ВГУЭС).

Волынчук Андрей Борисович – кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики ВГУЭС.

Процессы глобализации в самом конце XX в. совпали с окончанием биполярной модели международных отношений, крахом Советского этой самой крупной геополитической катастрофы столетия возникновением очевидных предпосылок к безраздельному экономи и силовому преобладанию США. Создалась беспрецедентная со времен Римской империи предпосылка к формированию однополярной системы международных отношений во главе с Соединенными Штатами Америки и даже некоей цивилизационной Американской экспансии. События на Балканах вокруг бывшей Югославии в 1999 г., в Афганистане в 2001 г. и в Ираке 2003 г., казалось, только подтверждали такой вектор развития

событий, полностью укладывавшийся в выводы теоретиков из «Проекта нового американского века»[1].

Однако первое десятилетие XXI в., еще даже и не закончившееся, многое представило совершенно в ином свете. Однополярный мир, скорее всего, не состоится, так как в условиях глобализации ни у кого не хватит военно-политических, финансово-экономических и иных ресурсов для имперского строительства. Нам представляется очевидным, что, несмотря на идущие дискуссии о характере формирующегося миропорядка и споры о его сущностной дефиниции («многополярный и полиархический»[2] или «плюралистически однополярный»[3]), на нашей планете действительно происходит становление новой модели международных отношений, которая совсем не похожа на пирамиду американской гегемонии. Это начинают понимать и в Вашингтоне, наиболее дальновидные теоретики которого – к примеру, Томас Фридман – пришли к выводу о том, что мир стал «плоским»[4], т.е. глобализация, вышедшая за рамки западной цивилизации, не оставляет места для разного рода иерархических построений. Горизонтальные связи, определяющие существо современных международных отношений, подводят к необходимости сетевой дипломатии.

Коренной чертой того периода времени после окончания «холодной войны», который пришелся на конец XX в., является экономическое и идеологическое торжество либерально-демократического капитализма и, прежде всего США. Зримым ее воплощением стало происшедшее в это время перераспределение ресурсов – экономических, финансовых, политических и людских – в пользу стран, придерживавшихся этой модели и их корпораций. Однако
с вступлением мира в третье тысячелетие ситуация стала ощутимо меняться. Охарактеризовав происходящее как наступление «новой эпохи»[5], С. Караганов назвал его наиболее очевидной внешней причиной усиливающуюся готовность и способность Российской Федерации отстаивать свои интересы так, как она их ныне понимает. Именно это стало особо неприятным сюрпризом для политических классов традиционного Запада из-за уже выработанной привычки к слабой и безвольной России.

---

1. См.: Самуйлов С.М. Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2006. № 5.

2. Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: Взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. 2007. № 2. Март – апрель.

3. Богатуров А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения // 2007. № 9. – С. 115.

4. Фридман Т. Плоский мир / М., 2007.

5. См.: Российская газета. 2007. 6 июля.

Кроме этого «новая эпоха» связана с появлением двух новых острейших соревнований – за энергетические ресурсы между странами старого капитализма либерально-демократического толка и более динамичными странами нового капитализма, для которого характерна более госкапиталистическая и более авторитарная модель развития – между странами старого Запада и нового, олицетворением которого являются страны Юго-Восточной Азии, Китайская Народная Республика и Россия. Соревнование между моделями – это не просто борьба за ощущение морального превосходства. С конца 1980-х годов до начала нового века происходило гигантское перераспределение людских и иных ресурсов в пользу государств, как казалось, окончательно и бесповоротно победившего либерально-демократического капитализма. С началом XXI в. процесс остановился и даже частично повернулся вспять.

В энергетике же произошло просто революционное изменение. Если до второй половины 1990-х годов подавляющая часть энергетических ресурсов принадлежала и контролировалась западными нефтяными гигантами, то через десять лет ситуация оказалась кардинально иной. Теперь подавляющей частью ресурсов владеют добывающие государства и их компании. Качественно, пока, по крайней мере, теоретически, возросла энергоуязвимость стран Запада, особенно европейских.

Соревнование либерально-демократической и авторитарной моделей развития капиталистической экономики, развернувшееся в современных условиях, представляет особый интерес еще и потому, что «соревновательная арена» и ее основные акторы, а также реальная политическая событийная практика обнаруживаются в Восточной и Северо-Восточной Азии, т.е. в интересующем нас регионе Северной Пацифики[6], куда Россия входит своим огромным по территории регионом Дальнего Востока. В настоящее время Азия потребляет треть мировых энергетических ресурсов в сравнении с одной пятнадцатой в 1965 г., при этом потребление энергии здесь растет по крайней мере в 2 раза быстрее, чем в мире в целом[7]. Этот регион в целом по потенциалу и динамике своего развития, сопряженного с интенсивностью политических трансформаций и интеграционных процессов, может стать основным центром мирового экономического и политико-экономического

6. Обоснование необходимости употребления данного термина, который позволяет включить в число геополитических акторов Северо-Восточной Азии США и Канаду, а без них, собственно говоря, ее представить и понять нельзя, содержится: Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волынчук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа) – Владивосток, 2007. – 338 с.

7. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: Энергетические аспекты // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. Под ред. Торкунова А.В. – М., 2007. – С. 29–30.

тяготения и локомотивом мирового экономического роста. Для справедливости такого предположения есть немало оснований, так как в Восточной Евразии проживает почти половина населения планеты, на этой громадной территории обнаружены залежи практически всех известных на сегодняшний день полезных ископаемых, многие из стран дают пример высокого и стабильного экономического роста. Кроме того, в последнее время в регионе по нарастающей идут комплексные процессы интеграции.

Многие аналитики при этом обоснованно полагают, что ресурсной базой этого нового центра станет Северо-Восточная Азия, точнее – ресурсный (в основном энергетический) потенциал Сибири и российского Дальнего Востока. Отсюда пристальное внимание к российским проектам в Сибири, нацеленным на поставку энергоносителей в страны Восточной Азии и, возможно, в США, а также к внутрироссийским дискуссиям о разных моделях (интернациональной, национальной, автаркической) развития Востока страны.

В ходе состоявшегося в марте 2006 г. визита Президента В.В. Путина в КНР был подписан ряд исключительно важных и масштабных соглашений по экспорту в эту страну российских нефти и газа, а также по организации совместных с китайскими партнерами работ в данной сфере на территории нашей страны. Эти документы вызвали огромный резонанс и с новой силой привлекли внимание мировой общественности к давно обсуждаемому вопросу: как быстрее и эффективнее использовать огромные природные (не только нефтегазовые) богатства Сибири и Дальнего Востока? Причем с большой выгодой и во благо не только нашего государства, но также бурно развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Это могло бы значительно укрепить позиции России в регионе, а также приумножить авторитет и уважение к нашей стране со стороны народов расположенных в нем государств.

В большей части российских СМИ итоги визита В.В. Путина в Китай в 2006 г. и подписание документов о сотрудничестве в топливно-энергетической сфере, в частности, о прокладке из России в КНР двух мощных трубопроводов, рассчитанных на транспортировку 80 млрд. $м^3$ природного газа в год, расценивались как некая сенсация, как совершенно новое слово в планах и намерениях России по части экспорта своих энергоресурсов в восточном направлении. Между тем почти за год до официального визита в Китай российской делегации на высшем уровне, состоялось другое, куда менее известное общественное событие, из которого специалистам стало известно о появлении нового вектора в топливно-энергетической политике России – восточного. 26 апреля 2005 г. министр промышленности и энергетики Российской Федерации В. Христенко подписал приказ об определении этапов строительства трубопроводной системы «Восточная

Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), предназначенный для транспортировки нефти. Приказ реализовывал соответствующее решение Правительства Российской Федерации[8]. Оба документа зафиксировали трассу будущей системы – от города Тайшет Иркутской области до города Сковородино в Амурской области и далее до тихоокеанского побережья в Приморском крае в районе бухты Козьмина, которая находится немного севернее известного дальневосточного порта Находка. Именно из Сковородино, расположенного всего в 70 км от китайской границы, 30 млн. т нефти ежегодно будут транспортироваться в КНР уже с конца 2008 г. Второй этап предусматривает продолжение трубопровода до берегов Тихого океана с возможностью прокачки 50 млн. т ежегодно. Таким образом, предстоит модернизация первой очереди с целью расширения ее пропускной способности до 80 млн. т в год. Сроки сооружения второй очереди поставлены в зависимость от геологического изучения и предоставления в разработку месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Поэтому на полную проектную мощность система ВСТО выйдет к 2020 г.[9].

Очевидна внешнеполитическая и внешнеэкономическая направленность этого проекта, на что сразу же справедливо обратили внимание средства массовой информации. Дальновидным решением российскому руководству удалось пойти навстречу двум крупным потенциальным потребителям российского углеводородного сырья, каждый из которых претендовал на эксклюзивность поставок нефти из России, – «нефть по восточной трубе доберется и до Китая, и до Японии»[10]. При этом в Китай она придет быстрее, но ведь именно Пекин готов предоставить «Роснефти» кредит в 6 млрд. долл.[11]. Разбив проект на два этапа строительства и на два участка по направлениям, Россия, по мнению авторов авторитетного английского журнала «Экономист», получила возможность порознь вести переговоры по интересующим ее внешнеполитическим проблемам и с Китаем, и с Японией, добиваясь при этом своих целей[12].

Рост энергетических потребностей Китая и Японии, равно как и угрозы, которые война в Ираке и вероятная военная акция против Ирана представляют для стратегических поставок нефти, означают, что у России появилась реальная возможность стать долговременным поставщиком энергоносителей для этих двух гигантов Восточной Азии. И Пекин, и Токио

8. См.: Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2004 г., № 1738-Р.

9. Ершов Ю. Нефть и газ Сибири и Дальнего Востока в контексте российско-китайских отношений // Азия и Африка сегодня. 2006. № 6. – С. 3.

10. Коммерсант. 2005. 29 апреля.

11. Ведомости. 2005. 29 апреля.

12. The Economist. 2005. May 7. P. 59.

нуждаются в диверсификации источников энергии, чтобы застраховать себя от проблем в будущем.

Акцент на геополитику, ставший в последнее время весьма характерным элементом отечественных дебатов по международным проблемам, остается ключевым в мировоззрении высшего российского политического руководства, однако в качестве инструмента внешней политики все большее значение приобретает экономика. Россия все увереннее чувствует себя в данной области – отчасти вследствие увеличения потребности других стран в альтернативных поставщиках нефти. Новая энергетическая стратегия страны, нацеленная на увеличение доли Азиатско-Тихоокеанского региона в экспорте российской нефти с 3 до 30% к 2020 г., ясно это демонстрирует. Появилась уже формулировка, в соответствии с которой геоэкономика становится особой формой геополитического планирования: в новом мире экономические конфликты оказываются главным источником возможного противостояния на мировой арене[13].

С этой точки зрения на исходе первого десятилетия XXI в. макропоказатели российских геополитики и геоэкономики, а также поставленные лидерами страны цели вызывают оправданный оптимизм, который, однако, практически полностью улетучивается, если обратить внимание на отдельные регионы нашей страны и, прежде всего, на Дальний Восток. Экономический рост в этом регионе значительно отстает от среднероссийских значений. Хотя экономика этой части нашей страны и ее сырьевой сектор получили импульс развития в результате резкого снижения курса рубля в 1998 г., следует признать, что мощность его воздействия оказалась значительно меньшей, чем в регионах, связанных прямо или косвенно с добычей нефти и природного газа. Разница в темпах нарастает и составила к концу 2006 г. 23 процентных пункта (150,4 на Дальнем Востоке против 173,3 в среднем по стране). Это отставание настолько сильное, что Дальний Восток утратил даже формальное преимущество в уровне производства ВРП на душу населения. В целом по региону данный показатель в 2005 г. снизился до 89,5% (в 1998 г. – 117,5%) от среднероссийского уровня[14]. Такое экономическое состояние региона является и причиной, и следствием крайне негативной ситуации в динамике постоянного населения и его уровня жизни.

13. Курт Н. Дальневосточный треугольник // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. Июль–август.

14. Ишаев В.И. Стратегические вопросы долгосрочного развития Дальнего Востока и Забайкалья / Второй Дальневосточный международный экономический форум. Материалы пленарных заседаний и рекомендации круглых столов. Т. 1. – Хабаровск. 2007. – С. 17–18.

На всей территории Дальнего Востока нет субъекта Федерации, где потери населения были бы меньше среднероссийского уровня. Причиной выступает очевидный процесс миграционной убыли населения региона на фоне миграционного роста в России в целом. Эта убыль в совокупности с естественным снижением населения вызывает угрозу сохранения территории этой части России как таковой. На Дальнем Востоке, начиная с 2000 г., фактор естественной убыли стал оказывать заметно большее влияние на динамику демографических процессов, нежели остальные. Это привело к тому, что в современных условиях за счет вновь рожденных граждан страны восполняется всего 56% от необходимого для остановки процесса снижения населения региона. В период 2015–2025 гг. по пессимистическому прогнозу Дальний Восток может попасть в «демографическую яму», когда численность населения региона должна катастрофически сократиться, если не будут приняты экстраординарные меры по ее стабилизации. К уже свершившейся потере в 1,8 млн. человек с 1990 по 2007 г. может добавиться еще 2,2 млн. человек к 2025 г.[15].

Исходя из предположения о том, что выработка ВРП на душу населения останется на уровне 2005–2006 гг., губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев сделал вывод: «регион за счет сокращения населения, будет терять ежегодно дополнительно примерно 1,6% ВРП… Разрыв от среднероссийского роста ВРП для региона составлял 22,9 процентных пункта. Следовательно, для того, чтобы преодолеть этот разрыв и не отстать в перспективе, Дальний Восток и Забайкалье должны развиваться темпом выше среднероссийского – и не ниже 8–10% в год в среднем в 2006–2025 гг. При этом рост ВРП высокими темпами нельзя откладывать на 20-е годы»[16].

Очевидно, что если Россия не скорректирует свои геополитические приоритеты и экономическую политику, на востоке страны возникнет потенциальная угроза утраты экономической самостоятельности и даже физической утраты территории этого региона.

Расклад сил между шестью государствами – непосредственными участниками геополитического процесса в Северо-Восточной Азии разделяет их на две группы. Первая группа: Китай, Япония, Республика Корея – это лидеры в экономическом развитии. Остальные страны – Монголия, КНДР и Россия в части своих Дальнего Востока и Забайкалья – все больше выглядят периферией этого региона.

15. См.: Зайончковская Ж.А. Миграция как фактор развития Дальнего Востока в перспективе / Второй Дальневосточный международный экономический форум. Проблемы и перспективы социального развития востока России. Т. 3. – Хабаровск, 2007. – С. 80–86.

16. Ишаев В.И. Указ. соч. С. 21.

Очевидным представляется, что решение высшего руководства страны о строительстве системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» следует расценивать как судьбоносное для экономики самой России и для внешней, и внутренней политики страны. Основанием для такой оценки являются, прежде всего, масштабы региона, попадающего в сферу деятельности проекта ВСТО. Это два федеральных округа – Сибирский и Дальневосточный, включающие 26 субъектов Российской Федерации. По площади – это больше половины России! То, что маршрут будущей системы проходит в основном по южной части региона и, таким образом, охватывает не весь регион, не более чем поверхностное впечатление. ВСТО замыслена как собирающая воедино всю нефть, которая будет поставляться из глубин центральной и северной частей региона из новых месторождений по новым региональным трубопроводам. Но еще важнее, что система ВСТО должна лечь в основу новой единой программы комплексного освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока. При этом нельзя не видеть, что этот регион как был задворками российского государства, существовавшими на основе государственных дотаций, так и остается ими в наступившем XXI в.

Именно поэтому представляется правомерной оценка федеральной целевой программы «Дальний Восток и Забайкалье на период до 2013 года» как мощный инфраструктурный, инвестиционный и политический импульс для социально-экономического развития региона. Целью программы является формирование необходимой инфраструктуры и благоприятного инвестиционного климата для развития приоритетных отраслей экономики Дальнего Востока и Забайкалья с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопасности Российской Федерации. Очевидно, что в период до 2013 г. можно будет решить только часть задач по формированию динамичной экономики в регионе и создать необходимые предпосылки для решения насущных социальных задач. Существует проект «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», в соответствии с которой некоторые восточные и дальневосточные регионы могут достичь более высоких темпов роста, чем в среднем по стране в период до 2020 г.

Нефтяные и газовые новостройки превратятся со временем в «артериальную сеть», связующую весь Дальний Восток России в реально единый регион, обеспечат энергией и, следовательно, дадут импульс к росту населения многочисленных поселков, деревень и городов по всему пути следования трубопроводных магистралей, а также новых центров нефтегазодобычи. Они также послужат стимулом развития многочисленных сопутствующих производств. На конечных же участках трубопроводов можно ожидать создания предприятий совершенно новой для этих мест отрасли – нефтехимической, что приведет к существенной диверсификации

всей структуры занятого населения. В целом значение проекта ВСТО для социально-политического и экономического будущего российского Дальнего Востока можно сравнить лишь со значением Транссибирской железнодорожной магистрали, давшей в начале XX в. мощнейший стимул развитию всего этого региона.

Подобные предположения выглядят еще более реальными, если принять во внимание стремление российского руководства обеспечить стране достойное место на мировом рынке разделения труда, что требует в реальной политической практике сосредоточения особого внимания на тех областях, в которых страна уже имеет сравнительные преимущества. Речь, прежде всего, идет об энергетике. Энергоресурсы могут и должны стать основой национальной специализации России, а идея превращения ее в «энергетическую сверхдержаву» несет в себе огромный созидательный потенциал. Страна способна поставить перед собой амбициозные задачи по развитию новых энергетических технологий и добиться статуса глобального лидера по их внедрению[17].

Интересы России в АТР весьма существенны и разнообразны. Главный российский интерес связан с возможностью и необходимостью использования экономических связей со странами региона, его огромных инвестиционных ресурсов и емкого рынка для подъема и ускорения экономического развития не только Дальнего Востока, но и всей страны в целом, при безусловном сохранении целостности страны и безопасности ее восточных территорий. Эти интересы могут быть реализованы только путем усиления взаимодействия России со странами АТР и его региональными межгосударственными организациями, причем не только в экономической, но и в политической и цивилизационной сферах.

В то же время нельзя игнорировать и то объективное обстоятельство, что существует негативный опыт политических и экономических практик реализации нескольких государственных программ подъема Дальнего Востока. По мнению М.Л. Титаренко, основная причина неудач заключается в том, что эти программы были автократичны и не учитывали роли и потенциала сотрудничества с нашими соседями в решении стоящих задач развития[18]. Соглашаясь в основном с этой точкой зрения, тем не менее

17. См. подробнее: Иваненко В. Роль энергоресурсов во внешней политике России // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. Сентябрь–октябрь.

18. См.: Титаренко М.Л. Развитие восточных регионов России в процессе интеграции в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона: Возможности и вызовы / Второй Дальневосточный международный экономический форум. Материалы пленарных заседаний и рекомендации круглых столов. Т. 1. – Хабаровск, 2007. – С. 34.

нелишним полагаем заметить, что единственным в целом успешным планом развития индустриальной базы Восточной Сибири и Дальнего Востока стала программа создания «предприятий-дублеров», предпринятая руководством СССР перед Великой Отечественной войной и реализованная по мобилизационному типу.

В условиях современного развития полноценное включение дальневосточной части России в систему мирохозяйственных связей представляет собой крайне важное условие нормального социально-экономического развития самой этой части и страны в целом, устойчивого наращивания экономического и политического потенциала и укрепления позиций России как в регионе Северной Пацифики, так и в мире вообще. При этом азиатско-тихоокеанское направление естественным образом должно стать основным вектором в стратегии взаимодействия российского Дальнего Востока с мировым хозяйством. Речь идет об обустройстве плацдарма для выхода в наиболее динамично развивающийся район мира с огромными и емкими рынками, требующими во все больших масштабах устойчивого и долгосрочного их снабжения нефтью, газом, электроэнергией, лесом, металлами, удобрениями, продуктами нефтехимии и т.д.

Положительным явлением для развития ситуации в регионе Северо-Восточной Азии и Северной Пацифики в целом следует признать и совершающийся на этом фоне поворот российской политики – и социально-экономической, и военно-политической – в сторону всестороннего развития восточносибирской и дальневосточной ее частей. Фактическое осуществление выдвинутых перед Российской Федерацией планов освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока открывает для страны новые горизонты в развитии экспорта и существенного увеличения экспортного потенциала. С точки зрения реальной политической практики речь идет о создании новой экспортной базы России.

Такая политика должна обеспечить нашей стране возможность интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион и существенно расширить двустороннее экономическое сотрудничество с Китайской Народной Республикой, Республикой Кореей, Японией, Австралией, Канадой и США. Кроме того, Россия получит новые возможности политической и географической диверсификации своего экспорта, что позволит ей лавировать экспортными потоками, добиваясь экспортной эффективности и оптимизации использования своих конкурентных преимуществ в торговле энергосырьевыми товарами. Более того, при строгом обеспечении системного, комплексного подхода к разработке и осуществлению планов освоения Сибири и Дальнего Востока можно рассчитывать и на изменения в структуре экспорта, в частности, на увеличение в ассортименте готовой продукции глубокой переработки.

Активное вовлечение России в интеграционные процессы Азиатско-Тихоокеанского региона приведет к существенному изменению политической ситуации в Северной Пацифике с очевидным градиентом в пользу нашей страны, что будет означать улучшение международных отношений в этом регионе мира. Еще в июне 2002 г. министр иностранных дел Японии Йорику Кавагучи, находясь с визитом во Владивостоке, выразила заинтересованность своей страны в строительстве нефтепровода из Восточной Сибири в АТР. Она подчеркнула, что две экономики могли бы взаимно дополнять друг друга, поскольку «растущий экспорт российских энергоносителей в Японию ведет к росту экономической взаимозависимости и доверия»[19]. Стало ясно, что Япония в своих отношениях с Россией начала процесс отделения политики от экономики, а, кроме того, что немаловажно, в свете событий на Ближнем Востоке потребность в диверсификации источников энергии становилась все более настоятельной.

Экономические потребности часто делают политический курс более гибким. 23 октября 2007 г. Японию посетил с деловым визитом министр иностранных дел России С. Лавров. Если верить вполне надежным источникам, Токио сейчас в сугубо неофициальном порядке предлагает Москве крайне смелый (по местным меркам) вариант решения спора о Южных Курилах. Речь идет о том, чтобы вернуться к Совместной декларации 1956 г., в которой Н.С. Хрущёв пообещал после подписания мирного договора передать соседям в знак доброй воли меньшую часть спорной территории – остров Шикотан и прилегающую к нему островную гряду из мелких и большей частью необитаемых островов, т.е. весь архипелаг Хабомаи[20]. В.В. Путин официально предлагал вести переговоры на основе этого документа. Однако в Токио его тогда не услышали, поскольку настаивали на всех островах.

В настоящее время, по данным того же источника, японцы предлагают подписать мирный договор, получить Шикотан и остальные острова гряды Хабомаи и зафиксировать в тексте документа спорную принадлежность остающихся у России двух других островов, самых населенных и самых развитых – Кунашира и Итурупа. Москва при этом должна согласиться на то,

19. См.: Курт Н. Дальневосточный треугольник // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. Июль–август.

20. http://www.globalaffairs.ru/prinver/8515.html (24 октября 2007 г.). При этом хотим обратить внимание на достаточно распространенную в отечественном политическом дискурсе неточность, согласно которой Хабомаи – это остров южнее острова Шикотан. На самом деле Хабомаи – это название группы островов, составляющих Малую Курильскую гряду, в которую кроме Шикотана входят еще 18 небольших и совсем мелких островов: Зеленый, Юрия Полонского, Анучин, Сигнальный, Танфильева и т.д.

что переговоры об их статусе продолжатся и после заключения мирного договора.

Не вдаваясь в детальную оценку достоверности циркулирующих слухов и возможных дипломатических маневров Москвы, подчеркнем, что стороны демонстрируют наличие доброй воли и при сохранении неурегулированных, болезненных проблем. Экономические связи России и Японии развиваются достаточно бурно. Объем двусторонней торговли в 2007 г. превысил 20 млрд. долл. И хотя доля России в японском экспорте по-прежнему составляет около 1%, речь в любом случае идет об абсолютном рекорде. Нарастают и японские инвестиции в российскую экономику: помимо строительства заводов Toyota, Nissan и Suzuki Токио проявляет активный интерес к вложениям в сибирские и дальневосточные проекты. На повестке дня сейчас создание двусторонней комиссии, которая решала бы вопросы инвестиций в такие стратегические отрасли восточной части страны как транспорт, связь, переработка энергоресурсов. Так, геоэкономическая логика может существенно модифицировать логику геополитическую.

Такой вывод с особой силой аргументируется примером из сферы чрезвычайно политически чувствительной и недавно еще вовсе невозможным: речь идет о кредитовании противника по «холодной войне» и погашении этого кредита поставками современного оружия.

В 1990-х годах Республика Корея предоставила Российской Федерации заем в рамках соглашения по экономическому сотрудничеству. В настоящее время задолженность Москвы Сеулу составляет 1,29 млрд. долл., и в соответствии с договоренностями, достигнутыми в сентябре 2003 г., Россия должна окончательно рассчитаться до 2025 г., выплатив РК в общей сложности
1,33 млрд. долл.

По сообщениям южнокорейской прессы, теперь Россия сможет расплатиться по этому кредиту на 15 лет раньше первоначального срока. Ранее Сеул, как правило, отклонял предложения Москвы гасить задолженность поставками продукции. Однако недавно Республика Корея сама обратилась к российскому руководству с просьбой «активизировать передачу ключевых военных технологий, чтобы помочь защититься от ядерной угрозы со стороны КНДР»[21].

Российское руководство ранее дважды пыталось использовать схему «оружие плюс деньги» для погашения долга Сеулу. В 1998 г. Москва впервые предложила в счет долга поставить дизельные подводные лодки «Кило» (проект 877 «Варшавянка») и зенитно-ракетные комплексы С–300.

21. Независимое военное обозрение. 21 сентября 2007. № 32. – С. 5.

Тогдашний министр обороны США Уильям Коэн предостерег Южную Корею от закупок вооружения «по низкой цене», поскольку «менее дорогое оборудование не означает лучшее». Белый дом заявил, что союзники Соединенных Штатов должны иметь совместимое вооружение и военную технику, чтобы уменьшить возможность технических ошибок и сбоев при обработке информации. Но поскольку Вашингтон отказывался продавать Сеулу современные военные технологии, южные корейцы частично переориентировались на европейских производителей. Лицензию на производство современных подводных лодок, в частности, Сеул приобрел в Германии.

В 2001 г. в ходе визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Республику Корея были подписаны рамочные соглашения о поставках российской военной техники. Тогда долг составлял 1,95 млрд. долл. Окончательно контракт согласовали к концу 2002 г. В соответствии с ним с 2003
по 2006 г. Корея закупила в России оружия на 534 млн. долл., из которых 267 млн. были зачтены в счет долга.

Позже, когда долг снизился до 1,5 млрд. долл., прошла вторая крупная сделка по той же схеме. В счет погашения задолженности были поставлены танки Т-80У, боевые машины пехоты БМП-3, переносные зенитно-ракетные комплексы «Игла» и противотанковые ракетные комплексы «Метис-М». Более того, Москва предложила Сеулу программу военно-технического сотрудничества в сфере высокотехнологичных видов вооружения посредством участия в создании радиолокационных систем, средств защиты танков, модернизации переносных зенитных ракетных комплексов и в ряде других проектов, где требовалась современная электронная элементная база.

Российское руководство подчеркивает, что заключает подобные сделки исключительно в рамках международного права. Поэтому естественно, что за военно-техническим сотрудничеством, демонстрирующим взаимное доверие, следует углубление экономических и политических отношений. В Сеуле это прекрасно понимают. В апреле 2008 г. с Байконура в космос отправился первый южнокорейский космонавт, а затем с помощью России с территории Республики Корея должен состояться запуск собственного спутника. Доступ к космическим технологиям Москва открывает не всем желающим.

Интерес к российскому Дальнему Востоку столь велик, что обилию взаимоисключающих прогнозов в отношении геополитической ситуации в регионе в ближайшем и среднесрочном будущем, которые, кстати говоря, часто опровергаются принимаемыми планами и реальной политической практикой, уже не следует удивляться. Вот и грандиозный проект создания системы ВСТО не составляет исключения, если иметь в виду число сомневающихся в реальности его реализации. «Нефтепровод “Восточная

Сибирь – Тихий Океан", скорее всего, построят в срок. Однако организовать его заполнение на полную мощность в 80 млн. т в год вряд ли удастся. Доразведка и освоение месторождение отстают от темпов прокладки. Уникальным проектом стоимостью около 120 млрд. долл. управляют хаотически, принципы программно-целевого подхода не используются. Не является ли нефтепровод "Восточная Сибирь – Тихий Океан" примером того, как не надо реализовывать проекты подобного масштаба?»[22].

Интерес к развитию региона Северной Пацифики, а Дальний Восток России является его неотъемлемой частью, в целом столь же объясним, сколь очевидна перспектива его превращения в один из ведущих центров мира. Нынешняя международная обстановка в регионе характеризуется динамизмом при неравномерности развития, одновременном проявлении как центробежных, так и центростремительных тенденций, что в совокупности формирует состояние подвижности и неустойчивости. Иллюстрацией этого может служить проведение КНДР ядерного испытания 9 октября 2006 г., повлекшего за собой принятие резолюции Совета Безопасности ООН № 1718, наложившей на Пхеньян весьма жесткие санкции, что в очередной раз продемонстрировало хрупкость военно-политической стабильности и зыбкость нынешнего экономического процветания в регионе[23]. Однако последовавшие за этим возобновление шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова и успех третьей сессии их пятого раунда в Пекине в феврале 2007 г., напротив, выявили потенциал и волю государств региона к сотрудничеству в сфере безопасности[24].

Мы не будем заниматься политическим гаданием, вместо этого предпримем попытку показать реальную основу, на которой происходило и происходит развитие данного региона нашей страны. В этой связи нелишним выглядит напоминание о результатах, с которыми советский Дальний Восток пришел ко времени распада СССР. На огромной территории нынешнего Дальневосточного Федерального округа (он только с севера на юг протянулся на 4500 км и включает в себя одну республику, два края, пять областей и два автономных округа) в 1990 г. было произведено лишь 0,7% того, что произвели страны тихоокеанского бассейна, в 30 раз меньше того, что было произведено в Японии, в 12 раз меньше того, что дала экономика пяти тихоокеанских штатов США. За прошедшие годы ситуация лишь

22. См.: Труба – дело темное // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. – 2007, № 11. – С. 123.

23. Воронцов А. Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. – № 3. – С. 27.

24. См. подробно: Денисов В. Дух сдержанного оптимизма шестисторонних переговоров // Международная жизнь. 2007. № 10.

ухудшилась. В этой связи вряд ли стоит удивляться прогнозам, не учитывающим тихоокеанскую составляющую России: при расчетах крупных чисел малыми величинами можно пренебречь. Отечественный Дальний Восток продолжают высокомерно называть «задворками России» на Тихом океане, где русские, как и в XVIII в., представлены промысловыми и лесозаготовительными факториями, а также рудниками[25].

Описанное положение вещей в значительной степени объясняется природными факторами. Как известно, геополитическую связь дальневосточных территорий с основными пространствами евразийской России затрудняют бассейновые разграничения и прежде всего мировой водораздел. Зонально-климатические особенности региона позволяют выделить достаточно однородный комплекс Манчжурии (Северо-Восточный Китай), Приамурья, Приморья и Кореи. Он отличается как от российских Северо-Восточной Азии и Восточной Сибири, так и от китайской Восточной Азии. Нетрудно заметить, что поселенческая структура этих пространств находится в существенной зависимости от их зонально-климатических особенностей. Все это создает крайне противоречивую ситуацию «несоответствия» административно-политических границ геополитическим, наложения друг на друга разных геополитических зон. Подобное положение вещей, с одной стороны, создает потенциал соперничества между государствами региона, а с другой – при определенных условиях способно стать фактором сотрудничества этих же государств, но в формате их приграничных регионов[26], т.е. базой для формирования «глокальных» (global-local) политических практик.

Противоречивость геополитических членений Северо-Восточной Азии вкупе с установкой российского Дальнего Востока на приоритетную связь с «коренной» Россией затрудняет процесс самоидентификации его жителей. Социально-экономическое и политическое развитие там всегда проходило, а во многом проходит и сейчас, в таких формах, которые вели к распаду региона на несколько «территориальных фрагментов»[27]. В результате в современных условиях мы не можем говорить о российском Дальнем Востоке как о едином политическом регионе. Наличие формальных структур одноименного федерального округа мало что меняет с сущностной точки

25. В этой связи интерес представляет беспощадная для России точки зрения, содержащаяся в работе: Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. – М., 2007.

26. См.: Ильин М.В. Российский Дальний Восток в геополитической системе координат Азиатско-Тихоокеанского региона / Россия и Корея в меняющемся мире. – М., 1997.

27. Каганский В.Л. Регионы в неосоветском пространстве / Российские регионы в новых экономических условиях. – М., 1996.

зрения. Делая такой вывод, мы имеем в виду очевидные факты: не существует единой энергетической системы как Дальнего Востока, так и связи между энергетикой южной части региона и страны в целом. Нет единой транспортной системы в виде автомобильной и железнодорожной сети. В плачевном состоянии в сравнении с советскими временами пребывает сеть местных авиалиний и аэропортов. Растущие транспортные тарифы привели к тому, что бóльшая часть населения Дальнего Востока не может позволить покупку авиабилетов для полетов в европейскую часть страны и, как результат, в регионе уже выросло целое поколение россиян, видевших Москву и Санкт-Петербург только в виде телевизионной или интернет-картинки. Все это означает нарастание морально-психологического отчуждения населения региона от той подавляющей части россиян, которая проживает в европейской части страны.

Вместе с тем с удовлетворением можно констатировать, что, опираясь на известные позитивные сдвиги в экономическом и государственном строительстве, Россия вышла из фазы «политического небытия» на Дальнем Востоке, хотя целый ряд нерешенных и серьезных задач по обретению и упрочению политико-экономических позиций в регионе остаются. Со всей уверенностью следует подчеркнуть, что долговременные цели тихоокеанской политики России и ее итоговый успех будут зависеть, по меньшей мере, от двух важнейших обстоятельств:

– во-первых, от того, насколько высшее политическое руководство Российской Федерации будет способно перейти от квазиколониалистской выкачки ресурсов к реальным действиям, нацеленным на комплексный социально-экономический подъем Восточной Сибири и Дальнего Востока. Иными способами не удастся положить конец подходам и концепциям в стиле **terra nullius** (термин, обозначающий пустынную территорию с плотностью населения менее 15 человек на один квадратный километр) и добиваться, как пишут некоторые авторы, присвоения Сибири и Дальнему Востоку статуса всемирного наследия и территории, особо охраняемой Организацией Объединенных Наций[28];

– во-вторых, от того, насколько политическая элита России осознает необходимость развертывания взаимовыгодного широкомасштабного экономического сотрудничества с Китаем, Японией, рано или поздно объединенной Кореей, странами АСЕАН и в целом в рамках АТЭС, чтобы обеспечить рынок сбыта не только российским энергоносителям, но и российским товарам машиностроения и передовых технологий, для которых

28. См.: Хилл Ф. и Гэдди К. Указ. соч. – С. 237.

пока закрыты рынки США и ЕС. Необходимо разработать и совершить энергетический и транспортный прорыв в Северо-Восточную Азию (причем не только через Транссиб, БАМ, Северный морской путь и мощные трубопроводные системы). Это позволит России стать реальным геополитическим мостом между Востоком и Западом. Только на таком пути нашу страну может ждать достойный статус в мире и экономическая выгода для развития ее самой, достойная ее ниша в экономическом пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и в мире в целом.

Фоном стратегии российского продвижения в АТР вообще и в регион Северной Пацифики, в частности, являются:

- наращивание значительного экономического потенциала и постепенное превращение АТР в главный центр мирового экономического развития;
- усиление интеграционных процессов, которые все больше приобретают глобальный характер. При этом многие страны региона, в том числе быстро развивающиеся (такие как КНР и Республика Корея), сталкиваются с целым рядом серьезных потенциальных угроз социально-экономической и политической стабильности, порождаемых как глобализацией, так и процессами неравномерности внутреннего развития;
- исключительная разноликость, цивилизационное разнообразие, значительные различия в уровнях экономического, политического, культурного развития, создающие предпосылки для формирования устойчивой многополярности, выражающейся в конкретной политической практике «локализационных» процессов;
- наличие серьезных межэтнических, межцивилизационных противоречий в политической, экономической, культурной сферах, что создает немалый конфликтный потенциал;
- сокращение вооруженных сил одних государств, прежде всего Российской Федерации, с одновременным наращиванием военного потенциала и модернизацией вооруженных сил США и многих других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Именно таким представляется фон, на котором происходит осознание и оформление стратегических интересов России в Северной Пацифике вообще, в регионе Северо-Восточной Азии, в частности.

По нашему глубокому убеждению, для решения наиболее острых вопросов развития Дальнего Востока России, результатом которого должно стать появление современного, экономически развитого и конкурентоспособного региона нашей страны в Северо-Восточной Азии и Северной Пацифике, есть вполне определенное историческое время в 30–40 лет. Примерно этот период понадобится некоторым акторам данного региона для того, чтобы справиться со своими внутренними вызовами. Китаю

необходимо это время для того, чтобы решить тайваньскую и синьцзян-уйгурскую проблемы, а также преодолеть отставание в уровне научно-технического оснащения своих военно-промышленного комплекса и вооруженных сил. Корее примерно этот же период понадобится для осуществления программы объединения страны и преодоления огромной отсталости северной части полуострова от южной в экономическом и социальном развитии. Японии же этот отрезок времени необходим для решения противоречий с соседями: территориальных с Россией и регионально-гегемонистских с КНР. За это время должен сформироваться развитый, с существенно возросшим населением, политически и экономически необходимый своим соседям российский Дальний Восток. Если таковым будет результат всей политической практики РФ в этом регионе, то страна действительно обретет свой достойный тихоокеанский фасад, если же нет, то придется признать, что у России в этом регионе нет будущего.

А.А. Абалкина

РОССИЯ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Абалкина Анна Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра проблем глобализации и интеграции Института экономики РАН.

Роль соседних регионов и перспективы их роста

За последние десятилетия произошла существенная трансформация роли регионов, значительно отразившаяся на соотношении глобальных и региональных центров в мировой экономике. Исходя из этого при разработке долгосрочной стратегии экономического взаимодействия со своими соседями, Россия должна принимать во внимание процессы, происходящие в регионах-соседях – в Европейском союзе, на постсоветском пространстве, а также Восточной Азии.

Страны СНГ имеют значительный потенциал роста, однако ключевое воздействие на их развитие оказывает Россия. Именно наша страна является безусловным лидером в развитии интеграции в регионе, которая базируется на сохранившихся со времен СССР кооперационных связях. На сегодняшний день на СНГ приходится чуть менее 4% мирового ВВП, из них 2,6% – на Россию (табл. 1).

Роль Европейского союза, являющегося основным торговым партнером России, в ближайшее десятилетие изменится незначительно. Этому есть ряд причин, связанных с моделью развития европейской экономики. Факторы ее роста находятся внутри ЕС, он преимущественно обеспечивается за счет ориентации стран экономического союза на свой внутренний рынок: более

70% экспорта ЕС представляет собой взаимную торговлю[1]. Увеличение удельного веса ЕС в мировом хозяйстве потребует расширения платежеспособного спроса, который обеспечивается за счет присоединения новых членов. Несмотря на падение доли еврозоны в мировом ВВП, ЕС-27 экстенсивным путем за счет присоединения новых членов сравнялся с США по своим масштабам (табл. 1).

Однако такая стратегия имеет ограничения роста. С одной стороны, она позволяет странам ЕС не потерять своего значения в мировой экономике, а с другой – не способствует их лидирующему положению. Этот тезис подтверждают прогнозы Economist Intelligence Unit, в соответствии с которыми доля ЕС в мировом ВВП к 2020 г. будет незначительно снижаться несмотря на предполагаемое расширение интеграционного блока с нынешних 27 членов до 33.

Таблица 1

ДОЛЯ ВЕДУЩИХ СТРАН И РЕГИОНОВ В МИРОВОМ ВВП ПО ПАРИТЕТУ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ВАЛЮТ, %

	1990	*1995*	*2000*	*2005*	*2010 (прогноз)*	*2020 (прогноз)*
США	21,3	20,9	21,1	21,0	20,3	19,0
Япония	8,7	8,9	8,2	7,1	6,0	4,5
Еврозона	18,4	17,6	16,7	14,8		
Европейский союз				21,0	20,2*	19,1**
СНГ и Монголия, в том числе	7,2	3,7	3,3	3,8		
Россия	н/д	2,6	2,3	2,6	2,7	2,5
Азиатские развивающиеся страны, в том числе	15,1	20,0	22,6	27,1		
Китай	6,1	6,5	10,0	12,5	16,6	19,4
Латинская Америка	7,9	8,1	8,2	7,8	7,7	7,6

* – ЕС-28

** – ЕС-33

Источник: World Economic Outlook. IMF, Washington DC, different issues; Foresight 2020: Economic, industry and corporate trends. Economist Intelligence Unit, 2006.

Другой соседний регион – Восточно-Азиатский – станет локомотивом экономического роста в мире. По оценкам Economist Intelligence Unit, к

1. Абалкина А.А. Взаимная торговля в региональных интеграционных группировках: Итоги 2004 года // Информационно-аналитический бюллетень Центра проблем интеграции ИМЭПИ РАН. – 2006. – № 1–2.

2020 г. на Азию будет приходиться более 43% ВВП, из них на Китай – 19,4, Индию – 8,8, Японию – 4,5%[2].

Успех стран Восточной Азии связан с развитием экспортно-ориентированной модели экономики. За достаточно непродолжительный срок эти страны сумели добиться значительных успехов, которые в основном связаны с выбранными моделями экономического развития. Постепенно увеличение уровня технологического производства в одних странах подтягивало индустриальное развитие других стран региона. Это происходило в рамках так называемой парадигмы «летящих гусей», которая предполагала технологический подъем за счет импорта предпринимательского капитала из более развитых стран. Когда эти страны стали производить конкурентоспособную продукцию, они стали подключать другие страны региона к производственному процессу, создавая таким образом экспортно-ориентированные отрасли во всей Восточной Азии.

Лидером в Азиатском регионе постепенно становится Китай. Значительным фактором роста страны является продолжающаяся индустриализация, а увеличивающийся спрос на внутреннем рынке и за рубежом способствует росту производства. ВВП Китая к 2015 г., по скромным оценкам, будет составлять более 12 трлн. долл.[3], а по самым оптимистическим – к 2020 г. достигнет почти 30 трлн. долл. (по ППС).

Изменение роли различных регионов приведет к усилению полицентричности как в глобальном, так и в региональном масштабах. Обострится конкуренция между глобальными и региональными центрами за сферы влияния в странах, которые выступают важным источником формирования расходов. Такая трансформация найдет отражение в модификации интеграционного механизма взаимодействия, некоторой перегруппировке существующих преференциальных соглашений, а также создании новых.

Россия в последние годы активно использует интеграционные механизмы для взаимодействия со своими соседями. Так, на постсоветском пространстве на сегодняшний день с переменным успехом реализуется четыре интеграционных проекта с участием России (СНГ, Единое экономическое пространство, Союзное государство, Евразийское экономическое сообщество). Рассматриваются возможности создания общего экономического пространства с Европейским союзом.

Азиатское направление внешней политики также активно развивается, что подтверждается участием России в АТЭС, ассоциированным членством в

2. Foresight 2020: Economic, industry and corporate trends // Economist Intelligence Unit, 2006.

3. По прогнозам ЦРУ и RAND.

Восточно-Азиатском Сообществе, созданном в конце 2005 г., проведением первого в истории саммита Россия–АСЕАН, определением экономических стратегий в Шанхайской организации сотрудничества.

За последнее десятилетие произошли существенные сдвиги в географической структуре притяжения соседних регионов, влияющие на изменение характера и глубины экономического взаимодействия с ними (табл. 2).

Таблица 2

ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ И СТРАН ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ РОССИИ, %

	Экспорт			*Импорт*		
	1996	*2001*	*2006*	*1996*	*2001*	*2006*
СНГ	18,7	14,6	14,0	31,6	26,8	16,2
ЕС	32,1	36,9	56,7	34,5	36,8	44,0
АТЭС, в том числе	18,3	14,8	11,9	15,0	18,5	28,6
США	5,7	4,2	2,9	6,3	7,7	4,6
Восточная Азия, в том числе	12,7	10,5	8,7	7,1	9,6	22,5
Япония	3,4	2,4	1,5	2,1	2,0	5,7
Китай	5,6	5,6	5,2	2,2	3,9	9,4

Источник: рассчитано по данным ФТС России.

В немалой степени этому способствовало смещение структуры торговли в сторону сырьевых товаров, спрос на которые активно предъявляют страны ЕС, а последние годы и Восточной Азии.

Существующее торговое взаимодействие не соответствует активности интеграционного направления. Так, если основное сотрудничество в области внешней торговли приходится на страны ЕС, то интеграционные блоки строятся преимущественно на постсоветском пространстве, где Россия занимает доминирующее положение.

Азиатский регион играет все более важную роль в российской внешней торговле. Россия постепенно становится значимым рынком сбыта продукции этих стран, что отражается на доле региона в российском импорте, которая достигла 22,5% в 2006 г.

Тенденции развития интеграционных процессов в Восточной Азии

На протяжении минувших десятилетий мотивы развития интеграционных объединений в мире заметно трансформировались несмотря

на существующие региональные различия. Это привело к значительному расширению инструментов и характера интеграционных объединений, формирующихся под действием целого спектра экономических, политических и ряда других факторов. Происходит смещение от традиционно закрытых типов интеграции (например, модель ЕС) к интеграционным блокам с менее жесткими обязательствами. Так, значительное распространение получили многосторонние объединения открытого типа, позволяющие совмещать состав участников интеграционных блоков, что приводит к эффекту «спагетти» (spaghetti bowl)[4]. Вместе с тем активно развиваются двусторонние зоны свободной торговли.

С развитием интеграционных объединений в различных регионах возникают возможности не просто для создания интеграционных блоков, но и для сотрудничества отдельной страны с интеграционными проектами, а также их взаимодействию между собой. Все это открывает возможности для более гибкой внешней политики в отношении соседей и выработки оптимальной модели сотрудничества с использованием интеграционных механизмов взаимодействия.

Расширяется также круг предпосылок для развития интеграционных объединений, создание которых вызвано не только экономическими и политическими факторами взаимодействия между странами, но и текущими тенденциями в мировой экономике. Так, кризис переговоров во Всемирной торговой организации вызвал поиск альтернативных способов либерализации внешнеторговых режимов, в частности создания преференциальных условий торговли. Другим примером может стать перераспределение сфер влияния в регионах (в особенности это касается Восточной Азии), вызванных смещением центров роста. Вместе с тем по-прежнему важным основанием для развития интеграции выступает экономическая база взаимодействия, являющаяся предпосылкой для создания преференциальных режимов для торгового и инвестиционного сотрудничества.

На сегодняшний день определяющую роль в развитии региона Восточной Азии помимо высоких темпов роста оказывает увеличение торговой взаимозависимости в рамках региона. Доля внутрирегиональной торговли постепенно увеличивается: по итогам 2006 г. она составила около 55%. Данный показатель является одним из самых высоких в мире. Только в Северной Америке, где функционирует зона свободной торговли НАФТА,

4. Графическое изображение перекрещивающихся многосторонних и двусторонних объединений напоминает тарелку спагетти.

взаимный экспорт составляет 56%, а в Европейском союзе с наиболее глубоким уровнем интеграции в мире он превышает 67%[5].

Внутрирегиональная торговля обеспечивается за счет взаимодополняемого характера производства. Страны Восточной Азии все в большей степени углубляют внутриотраслевую специализацию и тем самым увеличивают
объемы торговли между собой. На сегодняшний день они становятся мировыми лидерами по экспорту продукции электротехнической и текстильной промышленности. Например, на их долю приходится 62,5% мирового экспорта офисного оборудования, 53,5 – телекоммуникационного оборудования, 75,2% – интегральных схем. Они удовлетворяют потребности мирового рынка в текстиле и одежде почти на 45%[6].

Интенсивный уровень торгового сотрудничества выступает одной из предпосылок для развития интеграционных процессов в регионе, поскольку увеличение торговой взаимозависимости стран Восточной Азии вызывает необходимость создания институциональных инструментов упрощения торговли, гармонизации торгового законодательства и стандартов, а также учреждение механизмов разрешения споров.

Этот вопрос стал особенно актуальным в условиях кризиса многосторонних переговоров о дальнейшей либерализации торговых режимов в ВТО в рамках Доха-раунда[7]. Региональная интеграция, преференциальные торговые соглашения выступают альтернативой многосторонним торговым переговорам в рамках ВТО, которые в последние годы зашли в тупик.

В развитии интеграции сыграли роль также и внутренние факторы. Основная масса интеграционных соглашений приходится на конец 1990-х годов в посткризисный период. Глобальный кризис 1997 г. потребовал пересмотра экономической политики стран Азии и вызвал необходимость разработки механизмов защиты региона от внешних финансовых потрясений[8]. По примеру Европейского союза страны Азии пошли по пути развития финансовой интеграции региона, которая способна обеспечить большую стабильность и устойчивость финансовой системы стран.

5. Абалкина А.А. Взаимная торговля в региональных интеграционных группировках: Итоги 2004 года // Информационно-аналитический бюллетень ЦПИ ИЭ РАН. – 2006. – № 1–2.

6. International Trade Statistics, 2007.

7. ЭСКАТО об актуальных проблемах развития экономики АТР // БИКИ. – 2006. – № 33. – С. 5.

8. K. Tourk. The Political Economy of East Asian Economic Integration // Journal of Asian Economics. – 2004. – N 15. – P. 845.

К началу нового тысячелетия в Восточной Азии функционировало всего несколько интеграционных группировок. Одной из них является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая была основана в 1967 г. с целью обеспечения мира и региональной стабильности. Экономическое сотрудничество в этом субрегионе перестало играть второстепенную роль сравнительно недавно, когда в 1992 г. было подписано решение о создании зоны свободной торговли. Другим примером может стать форум АТЭС, учрежденный в 1989 г. Он не навязывает странам жесткие обязательства по либерализации экономик, а также ставит отдаленные цели по созданию зоны свободной торговли.

В настоящее время страны Восточной Азии прибегают к использованию различных интеграционных форм, сочетая участие в многосторонних и двусторонних торговых объединениях.

Значительные трансформации в регионе, экономические шоки и смена центров влияния вызывает поиск новых интеграционных моделей. Появление новых местных лидеров обостряет борьбу за влияние в регионе. Именно расстановка сил обусловливает состав союзов между государствами в Азии, в том числе и объединений интеграционного характера.

Этим странам только в начале 2002 г. удалось создать многосторонний блок с участием стран Восточной Азии, который представляет собой форум АСЕАН+3. В рамках АСЕАН+3 проводятся меры в большей степени финансовой интеграции, нежели торговой. Однако форум стал прообразом полноценной региональной интеграционной группировки, в рамках которого был проработан план создания Восточно-Азиатского Сообщества (ВАС), учрежденного в конце 2005 г. ВАС объединяет 13 азиатских стран, а также Австралию и Новую Зеландию. До сих пор никаких целей в рамках ВАС еще не поставлено, однако, по некоторым прогнозам, именно эта организация может стать полноценным региональным блоком в Восточной Азии.

В последние годы разработано еще несколько многосторонних проектов с участием стран Восточной Азии, имеющих межсубрегиональный характер. Одной из них является Бенгальская инициатива многоотраслевого технического и экономического сотрудничества 2004 г. (БИМСТЕК), включающая Мьянму, Таиланд и ряд стран Южной Азии. Другим проектом выступает Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение, подписанное в 2005 г. при участии Бангладеш, Индии, Китая, Кореи и Шри-Ланки.

Несмотря на различный состав участников различных блоков, всех их объединяют достаточно далекие по времени достижения цели. Например, АСЕАН должна создать зону свободной торговли АФТА к 2010 г., АСЕАН+3 – к 2015 г. В АТЭС предусмотрено поэтапное создание беспошлинного обмена товарами: развитые страны либерализуют торговый режим к 2010 г., а

развивающиеся – к 2020 г. БИМСТЕК предполагает установление беспошлинной торговли к 2017 г.

Единичны проекты, стремящиеся к тесной экономической интеграции и выходящие за рамки создания зоны свободной торговли. Только страны Юго-Восточной Азии намерены к 2020 г. обеспечить свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы по образцу Европейского Экономического Сообщества.

Пока долгосрочные цели еще недосягаемы, многие восточноазиатские страны решают свои краткосрочные задачи, используя механизмы формальной экономической интеграции. В этих условиях наиболее простая и удобная модель двусторонних торговых соглашений приобретает большую популярность среди стран региона. По итогам 2006 г. азиатскими странами подписаны либо находятся в стадии реализации около 70 двусторонних соглашений. Наиболее активно данную модель используют Корея, Сингапур, Таиланд, Япония.

Двусторонний формат взаимодействия стал востребован, поскольку ограниченное количество участников позволяет в наибольшей степени отвечать интересам партнеров по либерализации конкурентоспособных отраслей и защите уязвимых секторов экономики. В связи с этим показателен опыт Японии, которая достаточно поздно подключилась к интеграционным процессам. Из заключенных ею двусторонних соглашений видно, что она предпочитает иметь дело со странами со схожими подходами к открытию экономики. Об этом свидетельствует подписанное соглашение со Швейцарией, которая играет незначительную роль во внешней торговле Японии.

Активная позиция в отношении интеграции подчинена лишь единственной логике: максимально снизить издержки для своих экспортеров. Однако, заключая бесчисленные торговые соглашения, регуляторы получают противоположный результат. По словам вице-президента компании FedEx М. Дакера, гармонизированные правила уменьшают издержки и увеличивают предсказуемость[9], тогда как в условиях многочисленных двусторонних соглашений происходит обратный эффект. Многие компании просто вынуждены отказываться от льготного режима из-за бюрократических препонов, связанных с получением разрешений на использование преференций.

Практически все подписанные соглашения (как многосторонние, так и двусторонние) не предполагают глубокой интеграции и предусматривают, как правило, создание лишь зоны свободной торговли. Таким образом,

9. WTO's Lamy Warns Over China's Pursuit of Separate Free Trade Agreements // Associated Press, 2006, September, 6.

используемая интеграционная политика позволяет странам участвовать сразу в нескольких интеграционных объединениях, поскольку зоны свободной торговли могут пересекаться (в отличие от более сложного таможенного союза или общего рынка).

Выстраивание модели взаимодействия со странами Восточной Азии необходимо проводить с учетом существующих интеграционных механизмов в регионе.

Интеграционные механизмы взаимодействия России и стран Восточной Азии

Необходимость в расширении участия России в интеграции в Восточной Азии связано прежде всего с укреплением своей ниши в регионе в условиях возникновения новых региональных лидеров и, таким образом, упрочением позиций как экономического, так и политического партнера.

Участие России в интеграционных процессах в Азии на сегодняшний день ограничивается присутствием в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), вышедшей за рамки обеспечения безопасности в регионе и решающей более обширные задачи, среди которых можно выделить поощрение эффективного регионального сотрудничества в экономической, торговой и финансовой сферах. Однако это не упрощает режимы торговли, а в большей степени является форумом для переговоров.

На сегодняшний день участие России в интеграционных проектах в Восточной Азии не подкрепляется достаточным уровнем экономического сотрудничества. Страна, бóльшая часть территории которой находится в Азии, не играет значительной роли в регионе как экономический партнер. По состоянию на конец 2005 г. российский ВВП составил около 4% от азиатского. Доля России в торговле со странами Азии также невелика: только 1,5% своего экспорта азиатские страны направляют в СНГ[10].

Структура и динамика экономических взаимоотношений России и стран Восточной Азии свидетельствует о значительной асимметричности характера сотрудничества. По итогам 2006 г., объем российского экспорта в страны Восточной Азии составил 26,3 млрд. долл., что представляет собой около 8% совокупного экспорта, импорт из этих стран превысил 31 млрд. долл., или 22% совокупного ввоза товаров[11].

10. International Trade Statistics, 2007.
11. Рассчитано по данным ФТС.

Низкий уровень экономического взаимодействия в регионе нередко отдаляет перспективы членства России в ряде интеграционных проектов. Так, например, России было отказано в членстве в Восточно-Азиатском сообществе. Наша страна подала заявку на участие в этой организации, однако получила пока только статус наблюдателя, поскольку полноправное участие России встретило несогласие ряда членов АСЕАН и Австралии, которые в качестве аргумента упомянули недостаточно активное экономическое сотрудничество с ВАС.

На сегодняшний день в Восточной Азии преимущественно развивается корпоративная модель интеграции, основанная на торговле комплектующими и деталями в различных отраслях экономики. На сегодняшний день Россия практически не вовлечена в кооперационные связи со странами Восточной Азии, оставаясь в основном экспортером сырья.

Многосторонняя интеграция со странами региона потребует со стороны России в основном односторонней либерализации таможенного режима, что обусловлено особенностями структуры торговли России и стран Восточной Азии. Так, в российском экспорте доминирует продукция низкой степени переработки: минеральные продукты, древесина и металлы (табл. 3). Импорт представлен также достаточно узкой номенклатурой, однако в его структуре доминируют машины и оборудование, а также транспортные средства. Таким образом, Россия выступает рынком сбыта высокотехнологической продукции, в производстве которой страны Восточной Азии имеют конкурентные преимущества.

Таблица 3

СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ С ОСНОВНЫМИ ТОРГОВЫМИ ПАРТНЕРАМИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 2006 г., %

	Китай	*Япония*	*Корея*
Экспорт			
Минеральные продукты	45	28	40
Древесина	12	16	7
Металлы	10	45	33
Импорт			
Машины и оборудование	47	26	48
Средства наземного транспорта	3	53	29

Источник: рассчитано по данным ФТС России.

Страны Восточной Азии имеют, как правило, крайне низкие или даже нулевые ставки на ввоз нефти, газа, древесины. Некоторые страны региона (Сингапур и Гонконг) вообще свели на нет тарифы на все виды товаров. России же, импортируя продукцию с высокой степенью обработки, ввозные

тарифы на которые относительно высоки, потребуется серьезное снижение таможенных пошлин.

В случае создания многосторонней зоны свободной торговли в Восточной Азии с участием России, наша страна может столкнуться с эффектом искажения торговли, когда за счет улучшившихся условий экспорта партнеров, Россия будет импортировать из стран зоны свободной торговли, а не других традиционных партнеров (например, страны ЕС). Как результат, возможен импорт менее качественных товаров.

Не всегда выгодно участие в таких группировках, поскольку подписание соглашения о беспошлинной торговле с крупнейшими экономиками, ориентированными на экспорт, например Китаем, может негативно сказаться на внутреннем рынке.

С учетом сегодняшнего уровня взаимосвязей Россия не может стать полноценным и полноправным участником экономической интеграции в Восточной Азии. В этих условиях реальный интеграционный эффект может быть достигнут только за счет развития кооперационных связей.

Вместе с тем низкий уровень экономического сотрудничества со странами региона не лишает нашу страну возможности развития интеграционных процессов с ее участием в Восточной Азии. На сегодняшний день существует значительное количество моделей интеграции и предпосылок создания интеграционных блоков. Причем нередко они создаются в условиях достаточно низкого уровня экономического взаимодействия. Ярким примером тому может служить упоминавшийся выше опыт Японии.

На наш взгляд, реально участие России в интеграционных проектах, проповедующих открытый регионализм с отдаленными целями по либерализации внешнеторговой политики. Выгода такого механизма состоит в том, что это, с одной стороны, даст определенный запас времени для проведения структурных изменений в российской экономике, а с другой – это не помешает одновременной интеграции, например на постсоветском пространстве.

Россия может также прибегнуть к использованию распространенного механизма в Восточной Азии – интеграционный блок плюс 1. Например, сейчас уже проводятся форумы Россия–АСЕАН. Создание зоны свободной торговли с АСЕАН не скажется негативно на российской экономике вследствие незначительной экономической составляющей сотрудничества.

Перспективным направлением развития интеграционного сотрудничества может стать развитие финансового взаимодействия в регионе. На сегодняшний день Россия и страны региона сталкиваются со схожими тенденциями, вызванными значительным положительным сальдо торгового баланса, который вызывает постоянное увеличение средств в

экономике. Другой схожей тенденцией развития России и развивающихся стран региона является достаточно слабый уровень развития финансовых рынков, а также использование банковской системы в качестве основного финансового посредника. Такая ситуация приводит к тому, что избыточные ресурсы в экономике перераспределяются в кредиты и инвестиции через посредничество мирового финансового рынка, что увеличивает, с одной стороны, стоимость заимствований, с другой – зависимость наших стран от конъюнктуры мирового рынка.

Сотрудничество в финансовой сфере могло бы быть реализовано в форме развития рынка долговых ценных бумаг, увеличения взаимного кредитования. Повышение суверенного рейтинга России до уровня А (по версии Standard&Poor's) могло бы сделать привлекательными российские долговые ценные бумаги для иностранных заемщиков из Азии.

Способствовать сотрудничеству стран Восточной Азии и России будет будущее членство нашей страны в Азиатском банке развития (АБР), которое даст возможность диалогу и взаимодействию в области реализации перспективных проектов развития. Помимо этого российские компании получат возможность участвовать в реализации программ, финансируемых АБР.

Таким образом, в условиях существования достаточно широкого спектра интеграционных механизмов взаимодействия Россия может рассчитывать на участие в интеграции в регионе, несмотря на низкий уровень экономического взаимодействия. Она может использовать двусторонний формат взаимодействия, а также многосторонние группировки открытого типа с отдаленными целями по либерализации, что будет способствовать упрочению позиции России как партнера в регионе.

Т.В. Леженина

РОССИЯ ± АСЕАН: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА

Леженина Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

В восточноазиатской стратегии России в конце XX – начале XXI в. произошло смещение приоритетов на Северо-Восточную Азию (Китай, Япония, Республика Корея), в Южной Азии – на Индию. Юго-Восточная Азия была представлена традиционными отношениями России с Вьетнамом. Другие страны ЮВА рассматривались только как перспективные рынки экспорта российских вооружений. В новой России в развитии внешнеэкономических связей все более явственным становится вопрос – нужен ли нам вообще субрегион ЮВА как перспективная интеграционная группа стран и сможем ли мы стать интересным партнером для них? В чем проявятся преимущества сотрудничества России с АСЕАН в сравнении с другими странами, которые постоянно поддерживают своей экономической помощью, инвестициями этот развивающийся субрегион ЮВА и в каком формате АСЕАН нужна для России?

Юго-Восточная Азия все чаще отождествляется с региональной группировкой из десяти стран, объединенных в АСЕАН, и находящихся на разных этапах экономического развития, различающихся по политическим режимам. АСЕАН – крупный субрегион ЮВА с населением более 550 млн. человек, где к началу XXI в. начались процессы расширения численного состава стран – от АСЕАН-10 до АСЕАН-10+3 (с присоединением к Свободной зоне АФТА АСЕАН Китая, Японии и Республики Корея) и после присоединения Индии, Австралии, Новой Зеландии, до масштаба громадного интеграционного обра-

зования «Восточное сообщество» к середине XXI в.[1]. Этот вариант объединения «АСЕАН-16» прорабатывается на уровне встреч глав правительств и содержится в коллективно принятых заявлениях стран АСЕАН. Мировой финансовый кризис, начавшись в США в 2008 г., вероятно, ускорит процесс регионального сближения азиатских стран, создаст новые механизмы взаимодействия и новые структуры в глобальной экономике.

Представляется, что Россия должна активнее включиться в интеграционное образование АСЕАН-10, поскольку пока доля этой организации во внешней торговле России составляет 1%, годовой приток ПИИ из России в АСЕАН также крайне мал. Рассмотрение возможности активизации России в АСЕАН, должно быть связано с будущим АТЭС, где она выступает в качестве равноправного члена[2].

Согласно данным таможенной статистики РФ, общий оборот торговли России с АСЕАН имеет неустойчивую динамику: с 2496,3 млн. долл. США в 1995 г. он сократился до 1480,3 млн. долл. в 2000 г. В начале XXI в. он вновь стал увеличиваться и в 2006 г. составил 4687,2 млн. долл. (см. табл. 1).

Относительно крупным торговым партнером для России из развитой группы «АСЕАН-5» является Сингапур, в торговле с которым у России имеется положительное торговое сальдо (+354 млн. долл. в 2006 г.). С

1. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) была создана в 1968 г. в составе пяти государств – Сингапур, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Малайзия. В 1984 г. присоединился Бруней, в 1995 – Вьетнам, в 1997 – Лаос и Мьянма, в 1999 г. – Камбоджа. В 1992 г. они приняли решение о формировании зоны свободной торговли АФТА, стратегической целью которой является повышение конкурентоспособности стран-членов на основе устранения торговых барьеров, роста привлекательности государств для зарубежных инвестиций, достижение экономической эффективности в регионе. Основной инструмент торговой либерализации – Общий преференциальный тариф СЕПТ, в рамках которого предусмотрено снизить пошлины во взаимной торговле промышленной и сельскохозяйственной продукции до 0-5% с разными сроками завершения либерализации и сохранении изъятий.

2. Форум Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество – АТЭС (Asia Pacific Economic Cooperation Forum – APEC), создан в 1989 г. Первоначально в состав АТЭС вошли 12 стран Тихоокеанского бассейна – США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Республика Корея и страны – члены АСЕАН (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Бруней). В 1991 г. были приняты КНР, Гонконг (Китай) и Тайвань; в 1993 г. – Мексика, Папуа Новая Гвинея; в 1994 г. – Чили; в 1998 г. – Российская Федерация, Перу и Вьетнам. К 2008 г. АТЭС объединяет 21 страну, но с 1998 г. установлен десятилетний мораторий на прием новых членов. Заявления на вступление в АТЭС подали Индия и Монголия.

другими развитыми странами АСЕАН у России, как показывают данные табл. 1, соотношение экспорта и импорта складывалось по-разному.

Таблица 1

ТОРГОВЛЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АСЕАН, МЛН. ДОЛЛ. США

	1995		*2000*		*2005*		*2006*	
	Экспорт	*Импорт*	*Экспорт*	*Импорт*	*Экспорт*	*Импорт*	*Экспорт*	*Импорт*
Торговля с АСЕАН в целом	1991,1	505,2	1140	340,3	2158,9	2046,1	1939,6	2747,6
Развитые члены АСЕАН								
Индонезия	80,9	81,4	37,2	70,9	202,8	348,4	186,9	420,4
Малайзия	572,5	17,3	300,8	87,5	150,1	673,4	232,26	894,5
Сингапур	499,3	287,7	497,5	46,0	309,2	317,3	790,43	436,3
Таиланд	368,5	54,2	80,1	90,1	546,6	451,0	347,1	559,47
Филиппины	122,4	8,2	50,1	8,3	198,0	73,1	79,25	87,6
Менее развитые члены АСЕАН								
Вьетнам	322,2	38,0	168,0	36,8	738,8	174,0	303,6	349,3
Камбоджа	2,4	3,6	1,1	0,6	2,4	5,6	…	…
Лаос	3,9	14,8	1,5	0,0	10,8	0,4	3,5	…
Мьянма	14,5	0,0	3,7	0,1	0,7	2,25	6,65	3,0

Источник: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Том 11 за соответствующие годы.

С менее развитыми странами (АСЕАН-4) торговые отношения поддерживаются в основном с Вьетнамом, причем до 2006 г. у России постоянно было положительное торговое сальдо, в 2006 г. торговля стала более сбалансированной, но у России возник дефицит торгового баланса в объеме 45,7 млн. долл. США. Торговля с Лаосом и Мьянмой преимущественно имеет положительное сальдо для России В целом экспорт России в Камбоджу, Лаос и Мьянму в 2005 г. составлял 13,9 млн. долл., а импорт – 8,25 млн. долл.

Несмотря на относительно небольшие объемы торговли России с АСЕАН, ее структуру, на наш взгляд, можно считать взаимовыгодной, хотя Россия, как обычно, выступает здесь экспортером металлов, топливно-сырьевых товаров и некоторых видов машиностроения. Товарная структура импортных поставок России из АСЕАН, довольно ограничена по

ассортименту и включает в основном товары 1-й макросферы: продовольствие и сельскохозяйственное сырье. С точки зрения удовлетворения российского потребительского спроса, это важный аргумент в пользу расширения торговли с АСЕАН. Однако данные поставки сильно зависят от природного фактора и колебаний мировых цен, особенно в нынешний момент кризиса мирового и регионального продовольственного рынка.

Если рассматривать торговые отношения России с АСЕАН с точки зрения решения проблемы «Россия для АСЕАН» и «АСЕАН для России», то, безусловно, российская структура экспорта в страны Азии позволяет преодолеть их дефициты энергоносителей, развивать индустриальные отрасли в соответствии с национальными концепциями расширения масштабов индустриально промышленного производства. Целесообразно и далее наращивать экспорт из России товаров и услуг в АСЕАН, по которым Россия обладает конкурентными преимуществами на мегарегиональном рынке АТР и на рынках отдельных стран: энергоносители, черные, цветные и драгоценные металлы, удобрения, деловая древесина, целлюлоза. Россия присутствует на мировом и региональном азиатском рынке экспортером энергетического и силового оборудования, поставляемого в рамках соглашений о сооружении энергетических объектов, в том числе АЭС, вооружений и спецтехники, продукции и услуг ракетно-космической отрасли[3].

Но не все стратегически важные товары отраслей российского машиностроения (АЭС, космос) в настоящее время могут быть востребованы в

АСЕАН. Этот регион остается крупным потребителем российской военной техники. Удельный вес России в мировой торговле вооружениями в начале XXI в. составлял 20–30%, больше половины российского экспорта вооружений до сих пор приходилось на Китай, Индию, Вьетнам, доля которых в мировой торговле оружием составляет около 10%. Конечно, связанные военными соглашениями и военными союзами с США страны ЮВА являются потребителями прежде всего американской военной техники. Интерес к России был проявлен со стороны Малайзии, Филиппин, Таиланда и их закупки вооружений из России увеличиваются.

Помимо военного машиностроения Россия может предложить АСЕАН продукты высоких технологий, хотя доля России на мировом рынке незначительна. Тем не менее эту заинтересованность уже проявили в АСЕАН. На втором деловом форуме «Россия–АСЕАН» (декабрь 2005 г.)

3. Зевин Л.З. Россия, Восточная Азия и АСЕАН – глобальные вызовы XXI века. Научный доклад, ОМЭПИ ИЭ РАН. М., 2007.

Россия представила технологии и проекты, которые могут войти в структуру торговли, включая информационные технологии, авиа- и машиностроение. Новые предложения России касаются использования возможностей ее информационных спутников, технологий по защите информации, а также технологий, имеющих отношение к предупреждению и борьбе с последствиями природных бедствий и эпидемий. На форуме была представлена не имеющая в мире аналогов машина – экраноплан, способная двигаться по любой поверхности: по суше, воде и болоту и вполне может быть приспособлена к природным и территориальным условиям Юго-Восточной Азии. Состоялась презентация модели самолета-амфибии Бе-200, с помощью которого можно тушить крупные пожары, в том числе и лесные. Среди других проектов на форуме «Россия–АСЕАН» была представлена технология запуска с борта тяжелого самолета типа «Руслан» ракеты для вывода на орбиту искусственного спутника.

Российские ученые считают, что вполне возможно сотрудничество с АСЕАН по нанотехнологиям, обмену знаниями в таких высокотехнологичных отраслях, как информатика, биотехнология.

Новым направлением может стать сотрудничество в фармацевтике и экспорте российских лекарств. До недавних пор объемы поставок из России в АСЕАН этой продукции составляли не более 200 млн. долл. в год. Но все может измениться прежде всего за счет инновационных лекарственных препаратов – вакцин и иммуномодуляторов. Только в 2005 г. сбыт противогриппозной вакцины «Гриппол» увеличился в 12 раз, а иммуномодулятора «Анаферон» – в 18 раз. Сочетание высокого научного потенциала отечественной вирусологии и иммунологии с низкими ценами – бесспорный аргумент для потребителей стран АСЕАН, где правила сертификации значительно мягче, нежели на Западе[4].

В России экспортным продуктом становится судостроение. Намечается создание трех центров: северный центр будет специализироваться на создании средств освоения континентального шельфа. При этом центр будет сохранять свою роль в строительстве и ремонте судов для военно-морского флота. Западный центр сконцентрируется на транспортных судах, в том числе ледового класса. Дальневосточный центр займется гражданскими судами и средствами освоения шельфа, сохранив возможность строительства и ремонта судов Тихоокеанского флота.

Для придания торговому и инвестиционному сотрудничеству реальной перспективы проработаны механизмы по координации и намечены

4. Губарев В.А. Научно-техническое сотрудничество России с АСЕАН: Проблемы и перспективы // Доклад на российско-вьетнамском симпозиуме. Ханой, 2007 (на вьет. яз.).

оргструктуры. Утверждено положение о совместном комитете финансового сотрудничества и «Фонда диалогового партнерства», который начал функционировать в 2007 г. Координатором может стать «Деловой совет РФ–АСЕАН» по регулярному проведению многосторонних и двусторонних бизнес-форумов. Это позволит вовлечь во взаимное сотрудничество все большее число предпринимателей, которые быстрее и эффективнее, чем государственные органы могут достичь взаимовыгодных договоренностей. В развитие «Делового совета Россия–АСЕАН» в 2005 г. начал функционировать «Деловой совет Россия–Малайзия»[5].

На межгосударственном уровне на саммите АСЕАН в 2006 г. была принята Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Россия–АСЕАН на период до 2015 г., в которой предусмотрено проведение регулярных консультаций по вопросам торгово-инвестиционного сотрудничества, обмен информацией о согласовании тарифной политики и объема взаимных поставок.

Таким образом, в формате решения проблемы «Россия для АСЕАН» накоплен определенный потенциал организационных мер, механизмов, привлечен российский бизнес для более активного участия в торговой и инвестиционной зоне АСЕАН. Более слабым звеном остается проработка законодательных основ сотрудничества и отсутствие общей стратегии по прорывным направлениям в XXI в. В этом отношении примером могут быть восточноазиатские страны. С КНР, Японией и РК у АСЕАН началась конкретная проработка вопроса об их включении в свободную торговую зону АФТА, а также о подписании двусторонних торговых соглашений АСЕАН–Китай, АСЕАН–Республика Корея, а также АСЕАН–Австралия. Уже есть конкретные результаты прорыва Китая в информационное пространство АСЕАН.

В мае 2005 г. КНР и АСЕАН подписали Пекинскую декларацию о кооперационном партнерстве в сфере высоких технологий, которая определила приоритеты по инфраструктуре, людским ресурсам, торговле продукцией ИКТ (e-Commerce), обеспечению сетевой и информационной безопасности, по предоставлению всеобъемлющих услуг в технологическом сотрудничестве и в торговле продуктами ИКТ[6].

Укреплению сотрудничества России с АСЕАН, как с коллективной организацией, может способствовать ратификация в 2008 г. Хартии АСЕАН,

5. Зевин Л.З., Хейфец Б.А., Тригубенко М.Е. Участие России в региональной интеграции в Восточной Азии, Исследовательский проект ОМЭПИ ИЭ РАН. Москва, 2008.

6. Данг Хай Данг. Страны Восточной Азии и Россия на пути перехода к инновационной модели развития // Экономика и управление, С.-Пб., 2007. № 6.

своего рода Устава. Хартия будет способствовать политической консолидации, достижению консенсуса в принятии экономических решений и обязательств, и в разрешении межстрановых споров и конфликтов, периодически возникающих в асеановской группировке.

Эффективность зарубежного экономического присутствия в стране обычно соизмеряется с привлеченными инвестициями, прямыми или портфельными, которые позволяют создавать экспортно-ориентированные отрасли, развивать инфраструктуру, услуги, страховой, банковский бизнес. Процесс глобализации ускорил международное движение капитала. АСЕАН в этом отношении отличает высокая инвестиционная активность как внутриасеановских потоков ПИИ, так и привлечение инвестиционного капитала извне. Объем привлеченных ПИИ стремительно возрастает: с 63 млрд. долл. в 1990 г. до 523,8 млрд. долл. в 2006 г.

Самыми значительными зарубежными инвесторами в экономику стран АСЕАН являются ЕС, Япония, США. В 2006 г. почти в 2 раза увеличился поток ПИИ из Республики Корея, о чем свидетельствуют данные табл. 2. Из России в экономику АСЕАН поступили ПИИ в 2006 г. в объеме 5,6 млн. долл.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИИ ПО СТРАНАМ АСЕАН, МЛН. ДОЛЛ. США

	2005 г.	*2006 г.*
ЕС	11 139,6	13 361,9
Япония	7234,8	10 803,3
США	3010,6	3864,9
Республика Корея	577,7	1099,1
Индия	351,7	380,4
Австралия	196,9	399,2
КНР	502,1	936,9
Новая Зеландия	480,7	282,8

Источник: ASEAN Foreign Direct Investments Database as of 13 August 2007.

Привлекательность для зарубежных инвесторов стран АСЕАН связана с улучшением инвестиционного климата после преодоления последствий азиатского финансового кризиса 1997 г., ускорением темпов их развития, регулированием темпов инфляции.

В 2006 г. темп прироста ВВП в среднем по странам АСЕАН составил 6%, в том числе в Сингапуре – 7,9%, Вьетнаме – 8,2, Малайзии – 5,9, на Филиппинах – 5,3%. Несмотря на рост мировых цен, темп инфляции во многих странах региона был ниже прироста ВВП. Например, в Таиланде он составил 5%, Вьетнаме – 6,6, Сингапуре – 0,8, Филиппинах – 4,3, Малайзии – 9,1%.

В Брунее наблюдалась дефляция – 0,7%[7]. В целом экономика стран – членов АСЕАН стала носить более открытый характер.

Таким образом, из анализа реальных взаимных интересов и возможностей России и АСЕАН к сближению в условиях острой конкурентной борьбы развитых стран мира за инвестиционное поле АСЕАН, более вероятным становится привлечение инвестиций, опыта и знаний АСЕАН в Россию, где имеются большие возможности для иностранного присутствия. Полагаем, что Сингапур может выступить в качестве стартовой площадки для других стран Ассоциации, гарантом надежности сохранения и развития их бизнеса в России. Инвестиционные интересы Сингапура в России уже охватывают широкий круг отраслей и проявленных инициатив. Так, государственная инвестиционная компания Temasek Holdings в 2004 г. приобрела 40% акций в уставном капитале ООО «Формат», занимающегося производством упаковки из пенопласта. В марте 2005 г. та же компания купила 2,6% акций российского оператора мобильной связи МТС. Аналитики оценивали сумму этой сделки в 300 млн. долл. США. В 2006 г. эта сингапурская компания приобрела 5% акций контролируемого российским капиталом шинного холдинга Amtel-Vredestein N.V. В конце 2005 г. Temasek Holdings совместно с российской «Тройкой–Диалог» создал инвестиционный фонд в России в объеме 150 млн. долл. США, средства которого пойдут на приобретение блокирующих и контрольных пакетов акций российских компаний розничной торговли, производства потребительских товаров, логистики, бизнес-услуг, обрабатывающей промышленности, телекоммуникаций и отдельных сегментов рынка СМИ. Размер инвестиций в каждый проект составит 4–5 млн. руб.

В апреле 2007 г. компания заявила о создании в России собственного розничного банка Temasek, причем с нуля, так как покупка готового банка не устроила сингапурцев[8].

7. ASEAN Statistical Yearbook 2006, IMF World Economic Outlook Database as October 2007.

8. Хейфец Б.А. Приоритеты в развитии экономических отношений России со странами АСЕАН в первые десятилетия XXI века // Доклад на российско-вьетнамском симпозиуме. Хошимин, март 2007.

Компания «Роснефть» намеревалась в 2007 г. создать совместно с малазийской компанией Petronas альянс по добыче и переработке нефти. Во время проведения IPO «Роснефти» в 2006 г. Petronas купила акции в 1,1 млрд. долл. США. Petronas имеет большой опыт в сжижении попутного газа и глубоководном бурении, что будет востребовано российской компанией «Роснефть», которая обладает рядом лицензий для разведки шельфовых месторождений[9].

В начале 2008 г. российско-сингапурское сотрудничество вступило в новый этап. Летом 2008 г. правительством РФ будет принято постановление о создании в российских портах новых особых экономических зон, в том числе свободных таможенных зон, где активно будет использоваться опыт Сингапура (этим опытом в свое время воспользовались Китай, Индонезия и Вьетнам). Идеи организации азиатских ОЭЗ в 1969 г. первым воплотил на практике первый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю. Благодаря этому начинанию некогда захолустный порт Сингапур превратился в один из центров мировых грузоперевозок и финансовую столицу Юго-Восточной Азии.

Договоренность об участии Сингапура в организации зон на территории России была достигнута ранее на заседании объединенной российско-сингапурской рабочей группы по сотрудничеству в организации ОЭЗ, состоявшемся параллельно с третьим российско-сингапурским бизнес-форумом. Меморандум о взаимопонимании в этой области был подписан правительством двух стран в августе 2006 г. во время визита в Москву министра торговли и промышленности Сингапура Лим Нге Кианга, тогда же были определены приоритеты для сингапурских компаний, участвующих в организации российских ОЭЗ. В первую очередь, это технико-внедренческие зоны, туристско-рекреационные и портовые зоны, свободные таможенные зоны. С тех пор с консультативной помощью экспертов из Сингапура в России были созданы четыре технико-внедренческие зоны в Томске, Дубне, Москве и Санкт-Петербурге, две промышленные зоны в Елабуге, Липецке и семь туристско-рекреационных зон.

По словам главы тогдашнего департамента внешнеэкономических отношений Минэкономразвития РФ Сергея Чернышева, участвовавшего в заседании Объединенной рабочей группы по сотрудничеству в области ОЭЗ, «Деловое партнерство России и Сингапура уже выходит за рамки создания особых экономических зон. Мы нацеливаем его на 10–20 лет вперед и считаем, что пора переходить на реализацию крупномасштабных проектов в области транспорта (открытие транзитного пути из Европы в Азию), создания

9. Там же.

индустриальной инфраструктуры в России (порты и транспортная логистика), а также развития энергетики (глубокой переработки энергетических ресурсов и их коммерциализации)»[10].

В отношении инвестиционного сотрудничества России с АСЕАН более эффективной могла бы быть форма объединения технологических и финансовых ресурсов компаний из России, заинтересованных стран АСЕАН и третьих стран. Такое многостороннее сотрудничество может осуществляться на территории России, стран АСЕАН и на территории третьих стран. Например, индийские или китайские технологии и инвестиции могут быть использованы при осуществлении проектов в странах АСЕАН. Россия также может быть привлечена в качестве соинвестора в проекты, реализуемые в странах АСЕАН с участием третьих стран.

По указанным направлениям взаимовыгодного сотрудничества, видимо, необходимо, чтобы на государственном уровне были созданы условия, дающие возможность конкурировать с национальными компаниями и компаниями из третьих стран. Это могло бы стимулировать бизнес к расширению взаимных связей. Важной задачей является выработка согласованных подходов России и АСЕАН к развитию взаимного сотрудничества, политическая и дипломатическая поддержка внешнеэкономической политики.

10. ИТАР-ТАСС, 2008.03.04.

З.А. Дадабаева

РОССИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Дадабаева Зарина Абдурахмановна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

В Центральной Азии проживают более 130 различных народов и этнических групп. Данный регион граничит с Афганистаном (2087 км), Ираном
(992 км), Китаем (2805км), Россией (6846 км). Общая площадь его – 4 млн. км^2, население составляет более 55 млн. человек. Это единственный регион мира, где смыкаются все четыре мировых религии – христианство, ислам, конфуцианство, буддизм.

До начала антитеррористической операции НАТО в Афганистане, гарантом внешней безопасности в Центральной Азии являлась Россия. Российские интересы складывались из трех основных компонентов: борьба с международным терроризмом и религиозным экстремизмом; противодействие наркотрафику; содействие в обеспечении внутренней стабильности государств региона. Россия исходила из того, что центральноазиатские страны не контролируются другими державами и не создают для нее потенциальную угрозу.

Появление военных формирований НАТО на границах России не могло не вызвать обеспокоенность с ее стороны. Фактически был нанесен удар по стратегическим позициям России в регионе, разрушено ее многолетнее единоличное военное присутствие. Вместе с тем регионам военное присутствие США в Центральной Азии стало альтернативным вариантом обеспечения для этих государств собственной и региональной безопасности.

Но дальнейшее обострение проблем исламского экстремизма, сокращение финансовой помощи со стороны европейских государств и США, усиление талибской угрозы для Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана

привело к крушению иллюзий относительно Запада. Надежды представителей среднеазиатской политической элиты на «скорую финансово-экономическую отдачу» от западного присутствия сменились разочарованием.

Многовекторная и многоуровневая интеграция, к которой тяготеет сейчас Россия, предполагает, на наш взгляд, выход на качественно новый уровень развития отношений со странами Центральной Азии. Они выстраиваются в соответствии с имеющейся политико-экономической обстановкой и существующими угрозами национальной безопасности, включая экономическое сотрудничество, военное взаимодействие, борьбу с международным терроризмом, сотрудничество в проведении политических реформ. При этом роль России в обеспечении безопасности в регионе существенно возрастает.

Проводя реформу государства, страны Центрально-Азиатского региона выстраивают де-юре – демократическую и де-факто – авторитарную государственную власть с более жесткой вертикалью. Нарушение демократических прав и свобод в регионе вызывает серьезную озабоченность западных стран. Недовольство проводимыми реформами проявляется в экономическом воздействии на существующие режимы, особенно в Узбекистане, в меньшей степени в Казахстане, Киргизстане и Таджикистане. В связи с этим заметно потеплели отношения Узбекистана и России. После андижанских событий 2005 г. (когда жестко силовыми методами были подавлены народные волнения) Узбекистан пересмотрел свои внешнеполитическое ориентиры и в январе 2006 г. вступил в экономическую интеграционную группировку ЕврАзЭС и возобновил свое участие в военно-политической организации ОДКБ.

Россия спокойно относится к авторитарным режимам в регионе (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан) и не стремится влиять на них в направлении демократизации. Она предлагает странам Центрально-Азиатского региона свой вариант, так называемой «управляемой демократии» и экономических реформ.

Совместные планы России и Центральной Азии по углублению сотрудничества в области безопасности определили контуры многостороннего сотрудничества и роль стран в региональных организациях, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

На развитие ситуации в Центральной Азии существенное влияние оказало изменение конфигурации российского военного присутствия на ее территории. В контексте геополитического расклада интересов США и их

западноевропейские партнеры сумели добиться двух значимых результатов в Центральной Азии.

Во-первых, это внедрение капитала своих стран в наиболее выгодные отрасли экономики региона, главным образом в те сегменты рынка, которые позволяли без сколько-нибудь существенных затрат получить в относительно короткие сроки наибольшую финансовую выгоду.

Во-вторых, путем весьма продуманной и целенаправленной работы были созданы целые страты в элитных группах центральноазиатских государств, которые ориентировались и продолжают действовать в соответствии с определенными поведенческими установками, предполагающими искаженное негативное восприятие образа России. Тесные отношения с Россией изображаются как вредные и ненужные для Центральной Азии.

Экономические приоритеты России побуждают ее активизировать усилия по установлению контроля над топливно-энергетическими ресурсами слабых постсоветских республик. Для России и стран Центрально-Азиатского региона очень важно сохранить стабильно хорошие отношения, так как все еще актуальными остаются проблемы безопасности, обмена оперативной информацией в борьбе против транснациональной преступности, экстремизма, терроризма, наркотрафика и проведения спецопераций на территории евразийского пространства.

Республики региона по-разному проходили процесс формирования и развития новых рыночных структур и институтов в 90-е годы. Несмотря на общую историю и культуру, между ними существует множество различий. Нынешние государства являются продуктами советской системы. После десятилетий советского правления и тщательного манипулирования историей, языком, территорией, эти страны внезапно оказались независимыми. Кроме того, во всех экс-республиках бывшего Союза сохранились достаточно многочисленные этнические меньшинства, что пока еще остается мощным рычагом воздействия на политические процессы внутри стран региона.

Различие политических и экономических шагов, которые сделали отдельные государства Центральной Азии с момента своей независимости, привело к резким экономическим контрастам между ними. Казахстан и Узбекистан осуществляют заметно более амбициозные, чем другие страны региона, экономические и политические реформы. Природные ресурсы Казахстана и Туркменистана резко контрастируют с бедностью Кыргызстана и Таджикистана, хотя они тоже обладают уникальными природными богатствами в том числе запасами воды. Ситуацию усугубляют тревожные признаки укрепляющегося авторитаризма и политические репрессии, которые видны повсюду. Социальное недовольство подогревается всеохватывающей нищетой народа. А наркотрафик из Афганистана угрожает

разрушить слабую социальную основу региона и подорвать стабильность власти в государствах.

Важную роль в усилении российского влияния в регионе могут и пытаются играть русские диаспоры. Пока имеются условия для их жизнедеятельности, у России сохраняются рычаги воздействия на политические элиты стран региона. Уменьшение русской и русскоязычной миграции за пределы Центральной Азии, в случае улучшения экономической и политической обстановки в регионе может привести к осуществлению геополитических целей России.

Проблемы безопасности в регионе связаны и с военно-стратегическим сотрудничеством. Речь идет о различных структурах по противодействию угрозе международного терроризма: ОДКБ, Антитеррористическом центре (АТЦ) СНГ и Региональной антитеррористической структуре (РАТС) в рамках ШОС.

Принятие новых членов в НАТО (весной 2004) значительно расширило границы этой организации и достигло российского ближнего зарубежья. Североатлантический альянс стремится стать главным гарантом безопасности Центральной Азии и Кавказа – это выявилось еще на саммите НАТО в Стамбуле, где речь шла о необходимости обратить особое внимание на сотрудничество с этими двумя регионами[1].

В настоящее время конфигурация военного присутствия на территории Центральной Азии базируется на двух составляющих и исходит из функционирования сил НАТО и российских военных баз в Душанбе (Таджикистан) и Канте (Киргизстан). Вместе с тем нельзя не отметить преувеличенную современную политическую роль афганского фактора, влияющего на обеспечение безопасности и стабильности в регионе. После начала антитеррористической операции и разгрома основных частей талибов стало понятно, что угроза безопасности государств Центральной Азии «исходила и исходит не столько извне, сколько изнутри»[2]. Под прикрытием угрозы со стороны нестабильного афганского государства руководители стран региона принимали силовые решения по внутриполитическим вопросам. Таким образом, уменьшение угрозы со стороны Афганистана переориентировало акцент с внешних аспектов безопасности на внутренние, которые включают общерегиональные проблемы рисков и угроз в области

1. Istanbul Summit Communiqu. Istanbul. June 28.2004. http://www.nato.int/docu/pr/2004/p04-096e.htm (accessed October 14. 2004).

2. Усманов Д. Изменение конфигурации российского военного присутствия в Таджикистане. Влияние изменений на обеспечение безопасности в Центрально-Азиатском регионе // Безопасность Центральной Азии: Новые вызовы, угрозы и риски. – М., 2006. – С. 136.

безопасности. Внутренние аспекты отражаются на стратегии и тактике обеспечения национальной и религиозной безопасности и влияют на процессы в соседних с регионом странах, в частности, России и Китае.

В широком плане безопасность обеспечивается мерами во всех основных сферах жизнедеятельности: политической, военной, экономической, культурной, социальной, экологической.

1. Политическое взаимодействие России со странами Центрально-Азиатского региона строится на основе двусторонних, многосторонних договоров и соглашений в рамках СНГ, ЕврАзЭС, а также региональной организации ШОС. Оно должно выстраиваться с опережением со стороны России, так как речь идет о сохранении влияния в регионе.

2. Военное сотрудничество напрямую связано с интересами безопасности на евразийском пространстве и включает в себя региональные структуры противодействия угрозе международного терроризма АТЦ СНГ, ОДКБ, РАТС ШОС.

3. Экономические интересы России связаны с решением аналогичных проблем в регионе. Они имеют свою приоритетность в политике обеспечения региональной безопасности. Страны региона заинтересованы не только в преодолении кризисных ситуаций в экономике, но и в дальнейшей ее модернизации, в том числе за счет инвестиций из России, Китая, США и западных стран. Они необходимы для строительства новых промышленных предприятий, создания совместных предприятий путем заключения долгосрочных договоров на взаимовыгодных условиях. Развитие регионального сотрудничества с участием России, в частности, инвестирование в гидроэнергетические проекты, будет способствовать энергетической безопасности не только в странах региона, но и соседних с ним государствах, в первую очередь Афганистане.

4. Культурный аспект связан с задачей защиты русского языка как средства межнационального общения и опоры в этом на имеющиеся, хотя и довольно малочисленные, русские диаспоры, на русскоязычное население вообще. Пока Россия теряет союзников в лице населения региона, уже выросло поколение, которое однозначно ориентировано на Запад, лучше владеет английским и другими европейскими языками, совсем не знает русского и не стремится к его изучению. Толерантное отношение к религиозному многообразию в регионе могло бы способствовать мирному сосуществованию христианства и ислама, это очень важно для России как стране не только с христианским, но и с мусульманским населением.

5. Социальные проблемы являются индикатором экономической безопасности, так как внешняя миграция, низкий уровень жизни и грамотности населения, массовая нелегальная миграция, коррупция в государственных органах могут привести к дестабилизации в регионе. В

связи с этим, в первую очередь в интересах России, развивать интеграционные связи, взаимодействовать в решении правовых вопросов нелегальной миграции из стран Центрально-Азиатского региона, стремиться к выполнению уже подписанных договоров и принятых решений, совместной борьбе с бедностью.

6. В области экологии большая и опасная проблема региона – водные ресурсы, борьба за которые может привести к дестабилизации, а это рикошетом отразится на экономической составляющей межгосударственных отношений. России необходимо обратить на это серьезное внимание и выработать свою собственную стратегию, в том числе в отношении решения проблемы Аральского моря и его защиты. Возможно, нужно предпринять совместные усилия по предотвращению угрозы прорыва Сарезского озера. Необходимо также заняться решением проблем питьевой воды.

Военно-политическое сотрудничество России и Таджикистана, России и Киргизстана отличаются высокой степенью развития. На территории этих республик расположены военные базы России. В состав базы в Таджикистане входят: авиагруппа военно-воздушных сил и уникальный высокогорный оптико-волоконный комплекс обнаружения высокоорбитальных космических объектов «Окно», расположенный в 70 км от Душанбе (за пользование этим объектом Россия списала 242 млн. долл. таджикского долга).

Присутствие российского воинского контингента на территории Таджикистана способно обеспечить безопасность южного региона Содружества от террористических и экстремистских вылазок и поддержать стабильность в регионе в целом. Соглашение о статусе военной базы узаконило пребывание российского контингента в Таджикистане. Тем самым Россия укрепила свои позиции в регионе, а Душанбе получил реальные инвестиции в экономику страны и поддержку своего режима Москвой.

В то же время Россию не может не беспокоить размещение на территории Таджикистана военно-воздушного контингента НАТО. Стремительными темпами внедряется американская программа иностранного военного финансирования. Так, в 2003 г. помощь Белого дома составила приблизительно
100 млн. долл., значительная часть которой использовалась для расширения военного и военно-технического сотрудничества. В 2005 г. финансовая помощь Вашингтона Узбекистану составила 266 млн. долл., Киргизстану – 146 млн., Таджикистан и Туркменистан получили четверть этой суммы. Еще в 1999 г. Центральная Азия была включена в сферу ведения командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), ответственного за военные операции на Ближнем Востоке. Стратегические интересы США в регионе включают проблемы борьбы с международным

терроризмом, наркотрафиком, вопросы энергетической безопасности и внутриполитической реформы.

Идет военно-техническое переоснащение вооруженных сил Таджикистана и Киргизстана современной американской и натовской техникой и вооружением, что сужает участие России на традиционных рынках сбыта вооружений в регионе. Вместе с тем Россия предприняла ряд успешных шагов по возвращению на эти рынки. Так, на последней встрече лидеров стран СНГ, ЕврАзЭс, ОДКБ в Душанбе в октябре 2007 г. были достигнуты принципиальные договоренности по данному вопросу. Существуют межгосударственные соглашения о подготовке военных кадров для стран региона.

Блок НАТО заинтересован в оказании помощи странам региона в модернизации вооруженных сил. Военное сотрудничество осуществляется в рамках программы «Партнерство ради мира». В Душанбе открылся учебный центр, в задачу которого входит переподготовка сотрудников пограничных служб стран Центральной Азии. Руководство НАТО убеждено, что для решения задач безопасности в этом регионе, как и во всем мире, необходимы современные, оперативно развертываемые и хорошо оснащенные вооруженные силы.

Наряду с Россией военное присутствие США в регионе заботит и Пекин. Здесь прекрасно понимают, что контртеррористическая операция США – это часть долгосрочной стратегии по достижению глобального доминирования. Тем не менее китайское руководство увидело возможность заново строить отношения с США путем возрождения «общего врага» в лице террористической опасности. Господствующим в Китае стало убеждение что «однополярная гегемония» США продержится еще достаточно долго, поэтому Китаю нужно к ней приспосабливаться.

В 2000 г. по инициативе Китая и России был создан Центр по борьбе с терроризмом в рамках ШОС. Безусловным плюсом ШОС в отличие от некоторых других международных организаций является отсутствие в ней каких-либо силовых начал, ориентированных на конфронтационное взаимодействие. Организация не направлена против других государств или многосторонних объединений. Анализ Хартии ШОС и документов Ташкентского саммита (2004) показывает, что никакой собственной военной составляющей в организации не предусматривалось. Изначально не предполагалось создания каких-либо интернациональных военных формирований, объединенного командования и учреждения наднациональных полицейских структур ШОС. Взаимодействие стран в борьбе с международным терроризмом, наркотрафиком и трансграничной организованной преступностью, осуществляется региональным антитеррористическим центром в Ташкенте в рамках ШОС.

Данная структура является органом, занимающимся координацией и информационно-аналитическим обеспечением компетентных национальных ведомств государств-членов. Наряду с решением общих антитеррористических задач у Китая имеется стремление превратить ШОС в инструмент реализации своей экономической стратегии в Центральной Азии. Это объясняется тем, что кроме ШОС у Пекина нет других структур в регионе (в отличие от России, Казахстана, Узбекистана, Киргизстана и Таджикистана), входящих в различные региональные и субрегиональные экономические проекты типа ЕврАзЭС, Союза России и Беларуси, СНГ.

Помимо общих интернациональных задач, объединяющих интересы шести государств, каждая из стран-участниц имеет свои собственные национальные мотивы и приоритеты. При этом задачи двух лидирующих стран в организации – России и Китая – не всегда совпадают. В связи с этим нельзя
допустить, чтобы эта естественная конкуренция привела к противоречию с общей стратегией организации и помешала ее развитию. Активная инвестиционная и торговая политика КНР в отсталых центральноазиатских странах ШОС приносит пользу в создании инфраструктур, повышении уровня жизни, развитии кооперации, «создавая некую альтернативу Центрально-Азиатскому американскому экономическому проекту». Активизация Китая в регионе в рамках ШОС автоматически усиливает и обостряет российско-китайскую конкуренцию в борьбе за транспортные и энергетические рынки и «коридоры» сбыта. Как известно, консервация российско-китайского нефтяного проекта Ангарск – Дацин простимулировала подписание китайско-казахстанского соглашения о строительстве нефтепровода из Казахстана в западные районы КНР мощностью 50 млн. т нефти в год.

Активизация деятельности региональных организаций ШОС, ЕврАзЭС, ЦАС с активным участием России в качестве их полноправного члена в последние годы свидетельствует о существенном интеграционном потенциале и потеплении отношений России со странами региона и усилении экономического взаимодействия. Вместе с тем в дальнейшем необходимо учитывать сопротивление определенной части местной элиты этих стран российской политике, а также все возрастающее противодействие США, у которых имеются свои долгосрочные цели и задачи в этом регионе.

Как уже отмечалось, решение проблем безопасности в Центральной Азии тесно связано с деятельностью организации ШОС. Доверие между партнерами продолжает укрепляться, ШОС стремительно расширяет свою работу, причем на конструктивных и добровольных началах, обещая участникам широкие перспективы сотрудничества в мирных областях и обладая огромным потенциалом для того чтобы защитить их от любой

внешней угрозы. Это особенно актуально в связи с тем, что в качестве наблюдателей в ШОС принимают участие ведущие страны региона. С одной стороны, это свидетельствует об обширности будущей деятельности организации и естественном сдерживании таких стран как США. С другой – позволяет России и Китаю, которые сами играют значительные роли на мировой арене, быть более уверенными в своем статусе. Российский президент неоднократно подчеркивал, что вопросы безопасности должны оставаться одним из основных направлений ШОС: «Мы и дальше будем уделять особое внимание обеспечению безопасности наших граждан».

Интересы Китая и России обеспечить экономическую безопасность не противоречат экономическому развитию стран региона. Китай уверенно развивается высокими темпами, и Центральная Азия представляет весомый рынок для его растущей экономики, а также потенциальный источник весьма важных сырьевых материалов. Китай активно устанавливает связи со странами Центральной Азии в различных областях: построены новые железнодорожные пути, связывающие Китай с Центральной Азией, создаются новые совместные предприятия, разрабатываются планы строительства газо- и нефтепроводов из стран Центральной Азии в Китай и дальше в страны Юго-Восточной Азии.

В свою очередь, в силу многих объективных и субъективных причин Россия, в начале 90-х годов упустившая многие возможности укрепления своего влияния в регионе, сейчас предпринимает значительные шаги к исправлению ситуации. В последнее время успешно складываются ее отношения со всеми центральноазиатскими странами в экономической и политической областях. Это способствует укреплению ШОС и отношений между странами в двусторонних и многосторонних форматах.

Таким образом, ШОС является реальным геополитическим инструментом для России и Китая в отстаивании своих стратегических интересов в мире. По всей видимости, интеграция между ШОС, ОДКБ, СНГ по антитеррористическим и военным программам будет нарастать, о чем свидетельствует саммит стран СНГ, ШОС и ЕврАзЭС, состоявшийся в октябре 2007 г. в Душанбе. Там был подписан меморандум о сотрудничестве ОДКБ с Шанхайской организацией сотрудничества. Как указано в тексте меморандума, он отражает «стремление к налаживанию и развитию отношений равноправного и конструктивного сотрудничества» между двумя организациями. В соответствии с документом секретариаты ОДКБ и ШОС будут обмениваться информацией, проводить консультации, разрабатывать совместные программы и мероприятия в целях развития сотрудничества в области обеспечения региональной и международной безопасности и

стабильности, противодействия вызовам и угрозам современности[3]. Помимо полноправных членов ШОС в ее работе в качестве наблюдателей участвуют Индия, Иран, Монголия и Пакистан. Это явное расширение сферы российских интересов в области безопасности на азиатском пространстве.

На саммите Организации договора о коллективной безопасности в Душанбе было решено, что страны ОДКБ смогут покупать российское вооружение и спецтехнику для своих вооруженных сил и спецслужб по внутрироссийским ценам. Помимо России в ОДКБ входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан.

До недавнего времени российское пограничное присутствие в Таджикистане рассматривалось в качестве гаранта собственно российской и региональной безопасности. Уход российских пограничников с таджикско-афганской границы автоматически перенес границу ближе к рубежам России. Возникла необходимость укрепления собственных российских границ. Эта акция усилила также риски трансформации региональных политических элит, которые могут превратиться (и практически уже превратились) в мощные наркосиндикаты, обеспечивающие политическое прикрытие чрезвычайно выгодного бизнеса – торговли героином. В таком случае Таджикистан может стать дестабилизирующим компонентом региона, особенно с учетом резко возросших площадей наркопосевов в северных провинциях Афганистана и передачи таджикско-афганской границы под охрану национальных вооруженных сил Таджикистана.

Реальную пользу не только населению стран Центральной Азии, но и соседним государствам, в первую очередь Афганистану, принесет развитие регионального сотрудничества, в частности инвестирование в гидроэнергетические проекты. Тех средств, которые выделяет мировое сообщество на уничтожение производства наркотиков в этой стране, явно недостаточно. Должна быть сформирована промышленная инфраструктура, чтобы Афганистан перешел к нормальному экономическому развитию.

Укреплению российских позиций в центральноазиатской системе безопасности способствует военное присутствие России в Киргизстане с использованием открывшейся в октябре 2003 г. военной базы в Канте. Ведутся переговоры о создании мобильных военных формирований в рамках ОДКБ для оперативного реагирования на возможные угрозы, что очень важно в стратегическом плане. В то же время в республике размещены группы американских военных (так называемая военная база Ганси) на территории международного аэропорта «Манас», близ Бишкека. Находящаяся там военная группировка используется для тылового

3. В Душанбе ШОС и ОДКБ подписали Меморандум о взаимопонимании. 05.10.2007. http://www.ferghana.ru/news.php?id=7282

обеспечения и поддержки сил антитеррористической коалиции в Афганистане. Но при необходимости авиабаза в техническом плане готова обеспечивать истребительную и штурмовую авиацию.

Российские интересы в Центральной Азии базируются на понимании того, что для России этот регион традиционно стратегический, выгодный и надежный партнер. Как неоднократно заявляли российские политики и аналитики, Россия не может позволить себе дестабилизации ситуации в этом регионе. Вместе с тем успешное продвижение российских интересов в странах Центральной Азии предполагает наличие определенной национальной стратегии, которая пока еще находится на стадии формирования.

Российское политическое и военное присутствие дает возможность странам региона избежать обсуждения с Западом таких вопросов, как демократическая выборная система, права человека и борьба с коррупцией. Региональные лидеры заинтересованы в России как в реальном противовесе Западу. Государства Центрально-Азиатского региона, осознав свое стратегическое положение в современных условиях, прекрасно понимают, что период дестабилизации не может существовать вечно и максимально используют соперничество между Россией, с одной стороны, США, Западом и Китаем – с другой, посредством заключения однозначно выгодных для себя договоров и соглашений. В то же время следует отметить, что национальные интересы России в регионе перекликаются и с национальными интересами этих государств в РФ. В результате возникают противоречия национальных интересов центральноазиатских республик внутри региона.

Так, в борьбе с исламским экстремизмом национальные интересы Киргизстана исходят из стремления не быть втянутым в борьбу, что может ослабить экономику республики и повлиять на социальные реформы. Стратегическая цель Республики Киргизстан – обеспечить безопасность страны, опираясь на дружбу и сотрудничество с РФ и КНР и выгодно взаимодействовать с Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном.

Национальные интересы Узбекистана направлены на усиление возможности стать лидером в Центрально-Азиатском регионе, что противоречит национальным интересам Казахстана и Таджикистана. Последний объединяет различные политические силы в том числе и исламскую оппозицию, опирается на российскую военную базу, дислоцированную в республике, что явно не по душе Узбекистану.

Национальные интересы Казахстана ориентированы на экспорт казахской нефти и газа на Запад через российский трубопровод.

Соблюдение российских интересов в системе безопасности Центрально-Азиатского региона зависит в первую очередь не от внешних рисков и угроз безопасности, а от внутреннего политического и социально-экономического

положения в государствах Центральной Азии. Продолжающееся политическое противоборство внутри региональных элит будет оказывать влияние на формирование системы безопасности в регионе. А осуществление внешнеполитических ориентиров будет зависеть от конфигурации политических и военных сил, а также роли и места России, Запада, США и Китая в регионе.

Р.А. Гумеров

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Гумеров Родион Альфедович – аспирант отделения политологии философского факультета МГУ.

Сохранение безопасности стран Центральной Азии[1] (ЦА) и стабильных российских позиций в их экономике позволяет России поддерживать безопасность на своих южных рубежах и укреплять политическое влияние в Евразии и в мире. Однако экономические и политические интересы России в этом регионе не всегда соответствуют друг другу. Полноценное политическое присутствие здесь требует материальных затрат, на которые часто нет средств.

В силу объективных факторов – вхождения новых республик ЦА в мировую экономическую систему в качестве самостоятельных единиц – экономические связи России с ними сократились. В 2006 г. суммарная доля пяти стран ЦА в экспорте России составила менее 3,1%, в импорте – примерно 5,5%. В 1994 г. эти доли были выше – соответственно 5,1% и 7,8%.

В настоящее время экономические интересы России в ЦА проявляются в основном в торговых связях и лишь незначительно – в предпринимательской активности непосредственно в странах региона.

Но даже имеющиеся связи со странами ЦА помогают РФ укрепить свои позиции в глобальной экономике. Это обусловлено экономическим ростом в странах-партнерах, повышением их привлекательности для российских инвесторов, прежде всего в сфере энергетики и металлургии.

Существуют проекты, при реализации которых Россия не может опираться только на двустороннее сотрудничество со странами региона. Это,

1. Центральная Азия – Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

в первую очередь, транспортные коммуникации, являющиеся составной частью транспортных мегапроектов «Юг–Север». Во-вторых, нефтегазовые трубопроводы из центральноазиатских государств, имеющие стратегическое значение для РФ в региональном и глобальном масштабах. В-третьих, сотрудничество в области гидроэнергетики, поскольку транспортировка электроэнергии из Таджикистана и Киргизстана в Россию осуществляется через Узбекистан и Казахстан. В-четвертых, экономические аспекты сотрудничества в борьбе с наркотрафиком и незаконным оборотом наркотиков.

Наиболее эффективно развивается взаимодействие со странами ЦА в нефтегазовом комплексе. Это связано со взаимной заинтересованностью сторон, а также необходимостью для России сохранить существующие рычаги влияния прежде всего на Европу, используя объединенный нефтегазовый потенциал.

Особенность нефтегазового сектора ЦА – более быстрый прирост запасов в сравнении с динамикой добычи. У России наблюдается противоположная тенденция. Поэтому крупнейшие российские компании, такие как «Лукойл», «Роснефть», «Газпром», стремятся расширить свои активы в регионе.

Так, доля «Лукойла» в нефтедобывающих проектах Казахстана составляет: «Кумколь» – 30%, «Тюб-Караган» – 50, «Аташский» – 50%. В Узбекистане компания и ее дочерние предприятия имеют соглашения с «Узбекнефтегазом» о разработке 90% долей Бухаро-Хивинского и Гиссарского нефтегазовых районов и группы газовых месторождений Кандым-Хаузак-Шады. «Роснефть» и «Казкамунгаз» будут совместно разрабатывать месторождение Курмангазы[2] на шельфе Каспия.

«Газпром» наиболее широко представлен в Узбекистане. Суммарные российские инвестиции в узбекский ТЭК с учетом проектов «Газпрома» к 2010 г. превысят ориентировочно 300 млн. долл. Соглашение между «Узбекнефтегазом» и «Газпромом» от 2002 г. предусматривает поставку узбекского газа в Россию до 2012 г. Ежегодный объем этих поставок с 2006 г. составит 10 млрд. м.[3], что даже при минимальной цене может уже в ближайшие годы привести к росту узбекского экспорта в Россию в 1,4–1,5 раза.

«Газпром» нацелен на расширение своего присутствия в Казахстане. В настоящее время компания через совместное с «Лукойлом» предприятие «ЦентрКаспнефтегаз» участвует в работах по освоению месторождения

2. Стоимость проекта оценивается в 23 млрд. долл.
3. Время новостей. 2002. 18.12; 2003, 17.01.

«Центральная» на шельфе Каспийского моря. Одновременно изучается вопрос о приобретении российским газовым концерном лицензий по эксплуатации ряда нефтегазовых месторождений. Активность «Газпрома» в Казахстане объясняется, с одной стороны, сравнительно низкой себестоимостью газа, с другой – ожидаемыми трудностями по исполнению долгосрочных экспортных контрактов с Европой. Прирост запасов и обустройство новых месторождений существенно отстает от графика контрактных обязательств.

Россия стремится стать основным поставщиком региональных углеводородов на европейский рынок, пытаясь при этом ограничить возможности других геополитических игроков – США, ЕС и Китая – по строительству иных трубопроводных магистралей. Для решения этой задачи ей необходима транспортировка газа и нефти с месторождений Центральной Азии в основном по своим трубопроводам. В 2007 г. сформировалась целостная стратегия России в нефтегазовой сфере, в которой центральноазиатским углеводородам отведена значительная роль. Она рассчитана на расширение и модернизацию уже действующих российских трубопроводов и на строительство новых.

Транзит казахстанской нефти через территорию РФ осуществляется по нескольким нефтепроводам. Самым крупным экспортным маршрутом является трубопровод КТК «Тенгиз – Новороссийск», введенный в действие в 2001 г. (в 2004 г. объем прокачки нефти по КТК составил 22,5 млн. т, в 2006 г. – уже 31,1 млн. т). Этот трубопровод экономически наименее выгоден России. Он задумывался в советский период как внутренний для переброски нефти из Каспия в Европу через турецкие порты. Сегодня Россия, связанная международными обязательствами, транспортирует казахстанскую нефть в ущерб транспортировке собственных углеводородов. В Москве долго искали возможности минимизировать свои потери от данной магистрали. Дело в том, что из Новороссийска нефть шла дальше через перегруженные турецкие проливы, что сокращало возможности транзита через них российской нефти, учитывая геополитические игры Запада вокруг каспийской нефти. Весной 2007 г. РФ удалось разрешить этот вопрос, подписав с Грецией и Болгарией соглашения о строительстве нефтепровода Бургас-Александропулос, по которому нефть из Новороссийска будет поступать в Европу, минуя черноморские проливы.

Несмотря на то, что Россия пока удовлетворяет потребности Казахстана в экспорте нефти, последний стремится по возможности диверсифицировать нефтяные маршруты. Казахстан учитывает, что при уровне добычи в 150 млн. т, который может быть достигнут в 2015 г., он станет серьезным конкурентом России на мировом нефтяном рынке. Изменить ситуацию может

существенное увеличение доли российских компаний в нефтедобыче Казахстана.

С 2005 г. Казахстан увеличил требования к претендентам на прокачку казахстанской нефти. Речь идет не просто об определенных транспортных уступках с российской стороны, а об активном участии Казахстана в трубопроводных консорциумах, заинтересованных в казахстанской нефти. Фактически он умело играет на противоречиях между мировыми державами, нефтедобывающими каспийскими странами, транзитными странами СНГ и Турцией.

В целом достижение компромиссных решений по сотрудничеству в нефтегазовой сфере (транзитным и транспортным тарифам, ценам, объемам поставок, условиям инвестирования и т.д.) требует от договаривающихся сторон длительных усилий и, как правило, имеет характер «пакетных соглашений». Но возникающие потери Россия компенсирует на других сегментах мирового топливного рынка.

Для Узбекистана и Туркменистана также чрезвычайно важно сотрудничество с российскими компаниями в развитии транзитной трубопроводной инфраструктуры, обеспечивающей доставку их энергоносителей в страны СНГ и ЕС. Действующие сейчас трубопроводы имеют небольшую пропускную способность. Транзитный потенциал газотранспортной системы Узбекистана на трубопроводе «Средняя Азия – Центр» может обеспечить перекачку не более 40 млрд. $м^3$ газа в год. Эти системы крайне изношены. По данным Всемирного банка, эксплуатационные потери в газовой промышленности республики составляют 27% (при существующей норме 2–5%). Из них 17% потерь происходит из-за утечек в газопроводах, 10% – вследствие поступления некондиционного газа. Все это ограничивает дальнейший рост добычи энергоносителей в Узбекистане и может воспрепятствовать реализации соглашений России с Туркменистаном о крупных закупках газа, поскольку в ближайшие годы узбекская газотранспортная система будет работать в основном на экспорт собственного сырья.

В 2003 г. «Газпром» получил в управление все магистральные газопроводы, проходящие по территории Узбекистана. «Зарубежнефтегаз» (оператор «Газпрома») занимается разработкой оптимальных технических решений по реконструкции и расширению узбекской части газопроводной системы «Средняя Азия – Центр» и строительству новых трубопроводов. Это позволит увеличить пропускную способность трубопровода до 90 млрд. $м^3$ газа в год.

Туркмения стремится преодолеть одностороннюю ориентацию транспортировки своих энергоресурсов. Она крайне заинтересована в поставках природного газа на Украину по прямым контрактам, так как

«Нафтогаз Украины» является единственным реальным конкурентом «Газпрома» среди покупателей туркменского газа. Страна заинтересована также в создании трансафганского газопровода. (Чиновники министерства нефтегазовой промышленности республики не раз обсуждали с представителями Афганистана, Пакистана и Индии строительство магистрального газопровода Иран–Индия через Афганистан и Пакистан.)

Существует серьезное противостояние России, Соединенных Штатов и Евросоюза в прокладке транскаспийского газопровода по дну Каспийского моря для соединения с европейским проектом Nabucco. По мнению Москвы, эта энергетическая магистраль таит в себе серьезный риск, угрозу благополучию всего региона. Россия выступает против прокладки, мотивируя это нерешенностью проблемы международно-правового статуса моря и экологическими соображениями – высокой сейсмической активностью Каспийского региона и, как следствие, возможными авариями.

В конце декабря 2007 г. было подписано трехстороннее соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода. Протокол о намерениях Россия, Казахстан и Туркменистан подписали еще в мае, одновременно с соглашением о расширении мощностей системы газопроводов «Средняя Азия–Центр» (САЦ), подписанного также Узбекистаном. Оба соглашения должны были осуществляться одновременно.

Фактически России удалось обыграть своих западных соперников на данном этапе. Однако этого нельзя сказать о соперничестве с Китаем в вопросах строительства трубопроводов и их наполнения центральноазиатским газом. По мнению аналитиков, это соглашение – не уступка или реверанс России в стороны Казахстана и Туркмении, а попытка проводить многовекторную политику и не дать ни Китаю, ни России стать монополистом в газопроводах, наполненных туркменским и казахстанским газом.

Углеводороды – не единственный объект стратегического интереса России в природных богатствах Центральной Азии. Сегодня РФ приходится вновь налаживать сотрудничество для доступа к ресурсам горных районов Памира и Тянь-Шаня (золото, серебро, уран, редкоземельные металлы), которые в 90-е годы получили США, Китай, Япония и некоторые другие страны. Это ограничивает сферу российских стратегических интересов. Некоторые российские эксперты считают даже, что Россию теперь заботит не столько иностранное военное присутствие в регионе, сколько перспектива

дорогостоящей и долгой борьбы за контроль над его природными и промышленными ресурсами[4].

В первую очередь для России важно сотрудничество в области добычи и переработки урана. К 2020 г. в России прогнозируется рост потребности в уране до 18 тыс. т сырья. В Казахстане функционирует совместное российско-казахстанско-киргизское предприятие «Заречное» по добыче урана. Инвестиции России в этот проект должны составить 14,5 млн. долл. Конечный продукт после переработки направляется в Россию. Доля российского ОАО «Техснабэкспорт» в СП «Заречное» составляет 49,3%[5]. В 2006 г. подписаны учредительные документы российско-казахстанского предприятия по добыче природного урана на территории Казахстана «Акбастау».

Возможно, российским атомщикам удастся создать межгосударственную ТФПГ и в урановой промышленности Таджикистана. В этой республике для России представляет также интерес участие в проекте развития действующего свинцово-серебряного месторождения «Большой Канимансур» и в освоении месторождения вольфрама «Майхура». Оживление производства на заводе «Востокредмет» позволит России диверсифицировать источники его получения и уменьшить зависимость от Казахстана и Украины. С переходом России к инновационной стратегии может оказаться востребованным участие в восстановлении и развитии Исфаринского гидрометаллургического завода, который в советские времена удовлетворял до 70% потребностей страны в барии, висмуте, солях стронция.

Российских инвесторов интересует также проект модернизации Алмалыкского горнометаллургического комбината – монопольного производителя меди и цинка в Узбекистане. Российская группа компаний «Альфа-Эко» планирует получить в доверительное управление госпакет акцией АГМК.

Стратегически важным для России является взаимодействие с государствами региона в области транспортных проектов. Транспортный транзит как в восточном, так и в европейском направлении позволит России расширить участие в мировой экономике. Центральноазиатские государства находятся в самом центре стратегического транзитного пути «Азия–Европа». В Центральной Азии осуществляются проекты Европейского союза, Организации экономического сотрудничества (ЭКО) и ЭСКАТО. Европейская программа «Великий шелковый путь» в обход территории

4. Превращение Средней Азии в Центральную. Борьба за влияние в постсоветском регионе и позиции России: До и после 11 сентября 2001 года // www.sng.mgimo.ru/sng.konflikts.shtlm

5. РИА Новости. 15 мая 2006.

России конкурирует с Транссибом и Транскаспием. Программа по развитию транспортного коридора Европа–Кавказ–Азия «Трансека» также отвлекает часть грузопотоков от транзита через Россию. России отказано в получении статуса наблюдателя в «Трансека», хотя проекты Транскаспия и «Трансека» технически совместимы и могли бы оптимизировать грузопотоки.

РФ участвует сегодня в разработке проекта Северного коридора автомобильных и железных дорог от Корейского полуострова до Европы через Китай, Монголию, Казахстан и Белоруссию. С 2000 г. действует параллельный медиальный коридор «Север–Юг» через Каспий, имеющий несколько веток: две морских и одну сухопутную из Ирана и Туркмении с выходом на транспортную систему России. Для повышения эффективности перевозок российская сторона предлагает снизить сборы и тарифы в портах Каспия для судов обоих государств на 20%[6].

Для развития Сибири и Дальнего Востока стала жизненно необходимой прокладка прямых путей для поставок товаров из этих регионов в Азию. В общем грузообороте со странами Азии доля региона Урала и Западной Сибири составляет от 10 до 30%, при этом половина из них идет через порты Балтийского и Черного морей. Часть грузов отправляется в Китай по Забайкальской железной дороге. Такие транзиты увеличивают стоимость товаров в несколько раз. В целях сокращения расходов на транспортировку своих товаров многие российские компании готовы пересмотреть привычные маршруты. От этого выиграли бы экспортеры удобрений, металлопроката, органических химических удобрений и продуктов неорганической химии, продукции машиностроения, пило- и лесоматериалов и другой продукции[7].

Для развития российской текстильной промышленности важное значение имеет хлопковый рынок Центральной Азии. Сегодня перед Россией стоит задача увеличить хотя бы частично хлопковый импорт из региона, особенно из Узбекистана. Определенную роль в улучшении ситуации в торговле хлопком может сыграть переход к прямым поставкам хлопка-волокна российским предприятиям. Для этого российским и узбекским партнерам необходимо искать взаимоприемлемые схемы сотрудничества без привлечения посредников, западных рынков и трейдеров. Вместе с тем российские текстильщики могут использовать узбекский курс на приоритетное развитие собственной хлопкоперерабатывающей промышленности и выпуск текстильной продукции с более высокой добавленной стоимостью для создания СП на территории республики.

6. Аристова Л.Б. Россия и международные транспортные коридоры // Мусульманские страны у границ СНГ. – Москва. – 2002. – С. 309.

7. Григорьев С.Е., Забелло Я.Ю., Чакеева М.У. Автодорога Ташкент–Карачи: Для российских экспортеров // www.newmarkets.ru

Российской стороне необходимо тщательное изучение возможностей комплексного сотрудничества в хлопковом секторе с Таджикистаном. Оно может включать производство как длинноволокнистого хлопка, так и текстильных и швейных изделий. В таком сотрудничестве заинтересована и таджикская сторона, приглашавшая российских инвесторов принять участие в производстве хлопка на условиях фьючерсных контрактов. На такой основе в Таджикистане работают европейские фирмы, поставляющие затем хлопок в Россию через посредников, что, естественно, удорожает его цену.

Немаловажную роль для России играет сотрудничество в некоторых отраслях промышленности с Казахстаном и Узбекистаном. Она крайне заинтересована в сохранении контроля над космодромом «Байконур», который обеспечивает почти 100% запусков российских спутников телевещания, 90% запусков по программам международного сотрудничества, запуск большинства спутников ретрансляции, связи и навигации.

Весьма перспективно и сотрудничество в области авиастроения с Узбекистаном. В феврале 2008 г. Россия и Узбекистан заключили соглашение об интеграции Ташкентского авиационного производственного объединения им. Чкалова в Объединенную авиастроительную корпорацию (ОАК). Объединение в составе ОАК будет производить региональный самолет Ил-114 и комплектующие для самолета Ил-76. В России на ташкентское авиапредприятие работают 1100 предприятий, поставляя около 1 милн. деталей и комплектующих[8].

Значительный интерес для России представляет гидроэнергетический комплекс ЦА. Совместное освоение богатых энергоресурсов Киргизстана и Таджикистана может способствовать не только решению проблем энергообеспечения партнеров, но и ускорению экономического развития этих двух беднейших стран ЦА. Для России импорт дешевой таджикской и киргизской электроэнергии выгоден, поскольку она «разбавляет» цену на оптовом рынке электроэнергии сопредельных регионов РФ.

Для реализации взаимных экономических интересов России и Центральной Азии на уровне стран, регионов и частного бизнеса формируются соответствующие институты – соглашения и организации, обеспечивающие правовые, информационные, финансовые и другие условия взаимных связей.
В них особая роль принадлежит институтам двустороннего сотрудничества.

Тем не менее Россия пока не в полной мере использует свой потенциал в сотрудничестве с государствами Центральной Азии. Этому препятствует отсутствие полномасштабной центральноазиатской стратегии. Для более

8. http://site.securieties.com/doc.html?pc=UZ&doc_id=85359610

активного проникновения российского капитала в страны ЦА необходима государственная политическая и экономическая поддержка российского бизнеса. Нужна также разработка направлений российского инвестирования в масштабные международные экономические проекты (строительство магистральных путепроводов, крупных энергетических объектов, атомной частую имеют и большое политическое

А.Д. Цыганок

РОССИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ АЗИАТСКИХ СТРАН СНГ

Цыганок Анатолий Дмитриевич – кандидат военных наук, руководитель Центра военного прогнозирования.

Термин «безопасность пространства» один из четырех пространств (свободы, правосудия и безопасности; экономическое; научных исследований и образования; внешней безопасности) введенных в политический и международный оборот руководством Евросоюза в начале XXI в., на котором базировались общие пространства Европейского союза и России, и по которым было определено международное сотрудничество. По аналогии с ними, все пространство, занимаемее странами СНГ, представляет собой совокупность нескольких пространств, которые можно условно разделить на несколько подпространств, с одинаковыми или схожими проблемами и также одинаковыми и схожими угрозами, влияющие на одно или несколько пространств стран СНГ.

Проблемы безопасности становятся одними из наиболее сложных и важных как для России, так и для Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Туркмении, отношения между которыми далеко не безоблачны. Огромное влияние на это пространство оказывают страны: Иран,

Афганистан, Синцзян-Уйгурский район Китая, район Джамму и Кашмир, пограничный с ним район Пакистана; оно представляет собой перекресток, на котором сталкиваются интересы межгосударственных структур – ЕС, НАТО, ЕврАзЭс, ОДКБ, ШОС, а также таких мощных государств как США, Россия и Китай, транснациональных и транспортных компаний Запада и Востока, различных религиозных конфессий и направлений. Кроме того, именно в этом пространстве происходит вооруженное противостояние НАТО и Талибана с «Аль-Каидой», обостряемое войной афганской наркомафии против всех государственных структур региона. Только в этом пространстве на одной территории дислоцируются военные базы НАТО и ОДКБ, США и России. Непосредственно вблизи ведется война в Ираке и не исключено применение силы против Ирана. Тем самым, подчеркнем еще раз, пространство безопасности Средней и Центральной Азии становится одним из наиболее сложных и наиболее важных во внешней и внутренней политике России.

Угрозы для безопасности пространства центральноазиатских государств СНГ

Регион центральноазиатских стран в постсоветское время, особенно в последнее десятилетие, стал объектом бурной политической активности многих государств и международных организаций. Это связано с растущей самостоятельностью новых государств Средней и Центральной Азии, открытием новых месторождений углеводородного сырья, вводом в эксплуатацию новых трубопроводных маршрутов, открытием новых транспортных коридоров TRACECA (Transport Corridor Europe–Caucasus–Asia)[1] и «Север–Юг» и близостью замороженных конфликтов Кавказа, а также стремлением США, ЕС, НАТО, Ирана и Турции расширить свое политическое, экономическое и военно-техническое присутствие в этом стратегически важном регионе.

Около 20% государственной границы между Таджикистаном и Узбекистаном все еще не определено на карте (не говоря о ее демаркации на местах), нерешаемая проблема минной опасности на границах обретает особую значимость. Кроме того, неопределенность линии границы между двумя государствами препятствует непосредственному разминированию опасных участков. По некоторым экспертным данным, с 2000 г. на таджикско-узбекской границе произошло около 70 взрывов, в результате которых пострадали 155 граждан Таджикистана, из них погиб 71 и ранены 84

1. См.: Темные коридоры в каспийском интерьере (http://www.zarubejom.com/v-nomere/politics/?id=5482).

человека. В числе пострадавших – 36 детей, из которых погибли 19[2]. В годы гражданской войны в Таджикистане противопехотные мины нанесли огромный урон жизни и здоровью людей и экономике страны. С 1992 г. по настоящее время, по неполным данным, в республике из-за взрыва на минах пострадало около 600 человек. Многие сельхозугодия вышли из оборота. Только за 2006 г. пострадали 20 человек, 6 из них – погибли, 14 получили ранения. Сегодня, по подсчетам экспертов, в Таджикистане осталось 25 млн. м^2 заминированной территории, в 150 районах перманентно существует минная опасность[3]. Власти Таджикистана и местные НПО при содействии международных посредников за последние годы очистили всего 500 тыс. м^2, уничтожив 3200 взрывоопасных мин.

Не меньшую угрозу для безопасности пространства представляет исламский экстремизм и радикализм. Исламский экстремизм непримирим к гражданскому светскому обществу, стремясь заменить его исламским, устроенным по законам шариата; отрицающий единство мировой цивилизации, противопоставляя исламскую зону всему остальному миру; не допускает раздельного сосуществования государства и религии, требуя единства мечети и государства; нетерпим к международному праву, используя дестабилизацию ради продвижения своих целей; готов сотрудничать со всеми силами национализма и сепаратизма. Последние десятилетия показали тенденцию «разворота» исламского экстремизма в сторону ранее закрытого для него пространства Крыма, Кавказа, Средней и Центральной Азии. События на Кавказе, в Таджикистане и Узбекистане свидетельствуют о заинтересованности исламских радикалов в затягивании конфликтов в этих районах для создания на южных границах некоего «санитарного исламского кордона».

Не меньшую опасность для пространства безопасности азиатских стран СНГ играет и радикальный ислам. Первыми были атакованы области ранней исламизации Центральной Азии – Таджикистан, Узбекистан, и южный Киргизстан, где преобладает узбекское и таджикское население, значительно более исламизированное, чем киргизы. Эти атаки на пространство безопасности с 1999 г. возглавило Исламское движение Узбекистана.

Конфликтную ситуацию во многом инициировали афганские наркодельцы, заинтересованные в расширении «северного маршрута» транспортировки героина в Россию и Западную Европу. Таджикские боевики и узбекские «исламисты» использовались в первую очередь именно ими для прокладки
«героиновых троп». Дестабилизация обстановки в Таджикистане, во время

2. Шохзода С. Осторожно: Мины // Независимая газета. – 27.05.2007.
3. Осторожно: Мины (http://www.ng.ru/courier/2007-05-28/16_mina.html).

«маковой революции» в Киргизстане и событий в Ферганской долине Узбекистана создала комфортные условия для увеличения наркотрафика.

На пространство безопасности стран Средней и Центральной Азии наибольшее влияние оказывает продолжающаяся с 2001 г. операция НАТО в Афганистане и одновременное, связанное с проведением этой операции, размещение сил и средств, военных баз и объектов России и НАТО. Проводимая НАТО операция на первый взгляд как будто дает основания ожидать, что напряженность в Ферганской долине и на южных границах Киргизстана и Узбекистана ослабевает. Однако угроза конфликта не исчезла, и ситуация в Афганистане находится пока в неустойчивом равновесии.

Во многом на уровень безопасности пространства может повлиять то, каким путем и какими способами и силами будут решаться задачи внутреннего урегулирования в Ираке, как долго будет проводиться операция по выходу сил коалиции из Ирака. И не будут ли перенесены силовые методы на территорию Ирана, что значительно усложнит и так непростую ситуацию в этом регионе.

Значительное воздействие на уровень безопасности пространства государств Центральной Азии оказывает фактор силы – состояние вооруженных сил, уровень боевой выучки и боевой готовности армий Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана.

Силовой фактор азиатского пространства безопасности СНГ

Вооруженные силы Казахстана – одни из крупнейших в регионе. Основой для Казахской армии послужили соединения и части Среднеазиатского военного округа, 40-й армии, являвшейся основой ограниченного контингента Советских войск (ОГСВ) в Афганистане и имевшая опыт боевых действий в горно-пустынной местности. Вооруженные силы Казахстана разделены на три вида войск: сухопутные войска, силы воздушной обороны (СВО), военно-морские силы, тыла ВС и родов войск (аэромобильные войска, ракетные войска и артиллерия, специальные войска, военно-учебные заведения и военно-научные учреждения). В военное время в оперативное подчинение Комитету начальников штабов ВС РК будут переданы пограничные войска КНБ, внутренние войска МВД, республиканская гвардия и части гражданской обороны.

В 2001 г. создано четыре военных округа, которые затем были преобразованы в региональные командования: Астана (со штабом в Караганде), Запад (со штабом в Актюбинске), Восток (со штабом в Семипалатинске) и Юг (со штабом в Таразе (Джамбуле)). Из-за большой территории и невысокой плотности населения войска сконцентрированы в

регионах, где имеются угрозы безопасности республики, на востоке и юге. При этом Министерство обороны дислоцируется в столице – Астана, управление сухопутных войск, силы воздушной обороны и аэромобильные войска в Алма-Ате; управление ВМФ в Актау (Шевченко).

Численность вооруженных сил у Казахстана – примерно 74 тыс. человек[4] (военизированные формирования – 34 500). На 2006 г. Казахстан располагал тремя дивизиями; пятью отдельными мотострелковыми бригадами; двумя отдельными десантно-штурмовыми бригадами; бригадой специального назначения; ракетной артиллерийской бригадой; тремя зенитными ракетными бригадами; пушечной и артиллерийской бригадой; десятью авиабазами. На вооружении казахской армии всего состоят 4900 танков; 5179 боевых бронированных машин; 9282 орудия и миномета, в том числе 12 пусковых установок тактических ракет «земля–земля»[5].

По другим данным, на вооружении казахской армии численностью около 65 800 человек имеется 24 ПУ тактических ракет, 940 танков, 2483 боевых бронированных машин (в том числе 573 боевых машин пехоты), 147 реактивных систем залпового огня, 986 орудий и минометов, 100 ПУ ЗРК, 255 боевых самолетов, 214 вертолетов, в том числе – 53 боевых[6].

В силы воздушной обороны Казахстана входят десять воздушных баз ВВС и три зенитно-ракетных бригады ПВО. Общая численность СВО – 19 тыс. человек, на вооружении имеется 347 самолетов из них – 301 боевых, 214 вертолетов, из них – 53 боевых, 292 зенитно-ракетных комплексов[7]. В составе авиации – 41 фронтовой истребитель МиГ-29, 14 штурмовиков Су-25, 37 фронтовых бомбардировщиков Су-24, 30 истребителей Су-27, 44 перехватчика МиГ-31 и 29 МиГ-25, ВС Казахстана также имеют 18 военно-транспортных самолетов. Армейская авиация представлена почти всеми типами вертолетов. Их 214 единиц (Ми-24, Ми-8, Ми-6, Ми-26). Высшим соединением авиации является база ВВС (приравнивается к авиадивизии). По оценкам специалистов, авиация Казахстана находится на высоком уровне боеготовности, средний налет у летчиков достигает 100 часов в год.

Военно-морские силы образованы в соответствии с указом президента РК в 2003 г. Одновременно разработана концепция развития ВМС, главной базой которых стал морской порт Актау. В состав флота вошла морская пехота, береговая артиллерия и каспийская флотилия. До 2003 г. Казахстан

4. http://ru.wikipedia.org/wiki/Вооружённые_силы_Казахстана

5. http://ru.wikipedia.org/wiki/Вооружённые_силы_Казахстана

6. The military balance, 2003–2004. – P. 139.

7. Кабырбаев А., Сыздыкова Ж. Центральная Азия и безопасность России. – М., 2005. – С. 282–283.

имел на Каспии только пограничные катера и один сторожевой корабль. Однако с 2004 г. запланированы закупки у Украины нескольких катеров типа «Гриф», а также четырех патрульных катеров типа «Калкан». Несколько судов и вертолетов будут приобретены в США, Турции и России. Численность ВМС РК планируется увеличить с 3 тыс. до 5 тыс. военнослужащих.

Аэромобильные силы – самостоятельный род войск, который является резервом президента. Сформированы в феврале 1998 г. на базе двух десантно-штурмовых бригад и бригады специального назначения. В них вошел также специальный миротворческий батальон «Казбат» численностью около 6 тыс. человек. На его вооружении около 90 боевых машин и 36 орудий и минометов.

Пограничные войска Комитета национальной безопасности Республики Казахстан в своем составе имеют четыре региональных управления, 11 пограничных отрядов (из них шесть на казахско-китайской границе, одну базу береговой охраны на Каспии.

Вооруженные силы Киргизии насчитывают около 11 тыс. человек[8]. В составе сухопутных войск сокращенная 8-я мотострелковая дивизия, одна мотострелковая и одна горнострелковая бригады, три пулеметно-артиллерийских батальона. На вооружении сухопутных войск 220 танков, 419 бронетранспортеров и боевых машин пехоты, 284 орудия и минометов, 16 реактивных систем залпового огня.

ВВС и ПВО насчитывают 59 МиГ-21 и МиГ-24. Вертолетов всего 32, из них 15 боевых и 17 транспортных. Аэродромы базирования – Кант и Бишкек. Два дивизиона С-175 и четыре дивизиона С-75 (Бишкек), 90 зенитных пушек (ОШ).

Пограничные войска в составе пяти пограничных отрядов, из них четыре дислоцируются на юге республики, пятый – на севере. Всего около 3,5 тыс. человек.

В национальной гвардии – около 1 тыс. человек, службы национальной безопасности – 3 тыс. человек, внутренние войска МВД – около 3,5 тыс. человек.

Киргизия – страна с наибольшим процентом малограмотного или безграмотного населения среди всех стран Средней Азии. После событий двухлетней давности, когда за жесткое подавление беспорядков часть сотрудников милиции была отдана под суд, милиция заняла выжидательную позицию и практически не выполнила свои обязанности по поддержанию

8. Анатолий Цыганок: Сценариев развития ситуации много, в том числе и самые экзотические (http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=21154).

порядка, чем и воспользовались приехавшие и пришедшие в столицу с более бедного юга «революционеры», занявшиеся мародерством.

Можно надеяться, что часть высшего командного состава армии, настроенного пророссийски, не допустит резкого антироссийского крена во внешней политике. Развитие ситуации в Киргизии, несомненно скажется на внутренней политике соседних тоталитарно-бюрократических государств, кото-
рые несомненно сделают свои выводы в плане усиления контроля над силовыми структурами и дальнейшего давления на оппозицию, дабы не допустить повторения киргизского сценария.

Вооруженные силы Туркменистана

Общая численность вооруженных сил Туркменистана составляет 54 900 человек[9], из них в сухопутных войсках 26 700, в ВВС и ПВО – 10 тыс. человек, в ВМС – 200 человек. 17 800 человек проходят службу в пограничных войсках, внутренних войсках Министерства внутренних дел, Министерства национальной безопасности и Службе личной охраны президента. На вооружении СВ имеется: 808 танков, 27 оперативно-тактических ракет, 1966 боевых бронированных машин, 1077 орудий и минометов, 327 противотанковых средств, 736 средств ПВО. В составе ВВС и ПВО – 536 боевых самолетов, 21 вертолет, 113 ПУ ЗРК. В составе ВМФ – четыре корабля гидрографической службы и пять боевых катеров. Кроме того, флотом арендуется у иранской стороны эсминец и семь боевых катеров.

Следует отметить, что структура туркменской армии практически осталась неизменной по сравнению с советскими временами. Все четыре мотострелковых дивизии имеют по три мотострелковых полка, танковый полк, артиллерийский полк, зенитно-артиллерийский полк. Отдельные батальоны (разведки, связи, инженерно-саперные, химической защиты и материального обеспечения) тоже не изменили своей структуры и предназначения. Учитывая, что вся инфраструктура Туркменистану досталась после развала СССР, это и определяет дислокацию туркменских ВС вдоль туркмено-иранской и вдоль туркмено-афганской границы, имея непосредственно на границе пограничные заставы восьми пограничных отрядов.

Вооруженные силы Таджикистана

В настоящее время ВС Таджикистана представляют собой слабо интегрированные формирования, разбросанные по различным районам

9. Цыганок А. Военно-газовый нейтралитет (http://apn-nn.ru/diskurs_s/936.html).

республики с целью обеспечения безопасности в «горячих» точках. Они не имеют определенной штатной структуры и четкой концепции своего строительства.

К числу военно-силовых и военизированных структур Таджикистана могут быть отнесены подразделения Министерства обороны, пограничные войска Комитета по охране государственной границы, формирования Управления внутренних войск Министерства внутренних дел, подразделения Министерства безопасности, формирования Министерства по чрезвычайным ситуациям и Президентская гвардии.

По данным местных экспертов, вооруженные силы Таджикистана насчитывают около 20 тыс. человек. Правительственная армия включает около 12 тыс. человек, имеет около 200 БТР, 35 танков, более 200 орудий и минометов. Еще около 8 тыс. человек входят в интегрированные отряды Таджикской оппозиции (ОТО). Сведения из разных источников, однако, различаются. По данным «Независимой газеты», численность правительственных сил составляет около 7 тыс. человек, имеющих на вооружении 40 танков, 125 боевых бронированных машин и 24 артиллерийские системы. Международного института стратегических исследований (Лондон) оценивает численность армии Республики Таджикистан в 6 тыс. человек в составе двух моторизированных бригад (одна учебная), горной и артиллерийской бригад, бригады и отделения (батальона) специальных сил и ракетного полка.

В пограничные войска организационно входят две пограничные бригады общей численностью около 1200 человек. Значительное число пограничников, особенно среди охраняющих таджикско-узбекскую границу в Ленинабадской области – бывшие бойцы оппозиции.

Важный момент состоит в следующим. Учитывая то, что основные угрозы нынешнему режиму в Таджикистане происходят не извне, а изнутри страны, *основу Вооруженных сил составляет не армия, а формирования Управления внутренних войск МВД общей численностью до 15 тыс. человек.* На вооружении имеется 15 боевых вертолетов (пять «Ми-24» и десять «Ми-8»).

Ключевое место среди формирований МВД занимает 1-я оперативная бригада особого назначения. Бригада была образована в 1994 г. из оперативного полка (до 1993 г. – Душанбинский ОМОН). В организационно-штатную структуру входят четыре батальона (оперативный, специального назначения, мотострелковый, патрульно-постовой службы), четыре отдельные роты (разведки, комендантская, автомобильная и связи) и два спецотряда (горных егерей и горнолыжников). Личный состав – 2300 военнослужащих. Все подразделения бригады оснащены спутниковой связью. До 70% офицеров

бригады – выпускники российских военных учебных заведений (Рязанское высшее воздушно-десантное училище, Пермское и Санкт-Петербургское училища внутренних войск).

Подразделения Министерства безопасности. Наблюдатели отмечают, что таджикистанское Министерство безопасности остается одной из самых сильных спецслужб на территории СНГ. Считается, что спецслужба Таджикистана является активной сторонницей интеграции спецслужб стран СНГ. Оценить численность подразделений министерства не представляется возможным из-за закрытости информации.

Формирования Министерства по чрезвычайным ситуациям. Министерство по чрезвычайным ситуациям было образовано из соответствующего комитета в июле 1999 г. для того, чтобы дать одному из влиятельных полевых командиров ОТО Зиееву иллюзию власти. В настоящее время формирования МЧС включают около 2–2,5 тыс. бойцов и контролируют ключевые участки таджикско-киргизской и таджикско-узбекской границы.

Можно утверждать, что кооптированные лидеры ОТО в целом как минимум нейтральны Рахмонову, по крайней мере внешне. Однако в Таджикистане сохраняются и иррегулярные вооруженные формирования оппозиции.

В конце 90-х годов ОТО располагала примерно 5 тыс. вооруженных бойцов. К марту 2000 г. в соответствии с соглашением 1997 г. 4498 бойцов ОТО были интегрированы либо в состав армии, либо в структуры безопасности. В Гарме и Горно-Бадахшанском автономном округе почти все бывшие члены вооруженной оппозиции вошли в состав МВД. Хотя интеграция оппозиции в вооруженные структуры прошла более или менее успешно, властям оказалось трудно финансировать армию. 23 июня 2000 г. правительство объявило, что 4 тыс. бывших солдат ОТО, влившихся в состав армии, будут демобилизованы к 1 августа. Однако в итоге были демобилизованы лишь 1500 человек. Некоторые из них вновь вступили в иррегулярные вооруженные формирования. С 1 августа 2000 г. в Таджикистане был ликвидирован институт контрактной службы, что также сократило численность бывших боевиков ОТО в составе государственных силовых структур. Определить численный состав этих вооруженных формирований достаточно сложно, поскольку они сливаются с местным населением и могут свободно пополнять свои ряды.

Вооруженные силы Узбекистана

В настоящее время Вооруженные силы Узбекистана являются самыми крупными по численности среди республик Центральной Азии[10] и оцениваются военными экспертами как наиболее боеспособные в регионе. Большинство частей имеет опыт ведения боевых действий в Афганистане. В высокой степени боевой готовности находятся авиация, танковые войска и мотострелковые части. Армия Узбекистана сформирована на базе дивизий и полков бывшего Туркестанского военного округа, упраздненного 30 июня 1992 г. в связи с распадом СССР. Состоит из четырех военных особых округов: Юго-Западного (штаб в Карши); Восточного (штаб в Фергане); Центрального (штаб в Джизаке); Северо-Восточного (штаб в Нукусе). Дополнительно действует оперативное командование со штабом в Ташкенте. Каждый особый округ укомплектован армейской бригадой (мотострелковой, танковой или десантно-штурмовой). Руководство осуществляется из единого центра – Объединенного штаба Вооруженных сил, образованного в 2000 г. на основе Генерального штаба.

В настоящее время в состав Министерства обороны входят следующие рода войск: сухопутные войска; войска противовоздушной обороны; военно-воздушные силы; войска специального назначения; Национальная гвардия. Сухопутные войска состоят из танкового корпуса, десяти моторизированных, одной горной, воздушно-десантной, трех воздушно-штурмовых и четырех инженерных бригад. На 1 января 2000 г., по данным авторитетного еженедельника «Джейнс дефенс уикли», на вооружении армии Узбекистана состояло 280 танков, 700 боевых бронемашин, 140 боевых самолетов, 20 ударных вертолетов, ствольная и реактивная артиллерия, а также оперативно-тактические ракеты – пять комплексов типа «Точка», а также ЗРК С-200 и С-125.

Личный состав насчитывал около 80 тыс. солдат и офицеров в двух армейских корпусах, двух зенитно-ракетных и одной оперативно-тактической ракетной бригадах, четырех авиаполках и корпусе Национальной гвардии. Уже более шести лет в сухопутных войсках происходит сокращение штата. В 2002–2005 гг. общая численность подразделений составляла, по данным различных источников, порядка 50–55 тыс. человек. В то же время по данным Международного института стратегических исследований оценивает численность сухопутных войск в 40 тыс. человек.

Учитывая состояние парка боевых машин, Ташкент постепенно начинает наращивать свой военный потенциал. И уже во второй половине 2005 г. по

10. Сидоров О. Вооруженные силы Республики Узбекистан – вчера и сегодня (http://www.analitika.org/article.php?story=20070213235929132).

данным Академии военных наук РФ на вооружении армии Узбекистана состояло 370 танков (еще 2 тыс. единиц – в запасе), 270 БМП, 300 БТР.

ВВС Узбекистана располагают фронтовыми бомбардировщиками Су-17 (26 единиц) и Су-24 (23 единицы). На авиабазах также дислоцируются полк штурмовиков Су-25 и полк истребителей МиГ-29.

Группировка армейской авиации насчитывает до 400 единиц вертолетов боевой поддержки Ми-24 и транспортных Ми-8. Войска противовоздушной обороны и военно-воздушных сил насчитывают 12–15 тыс. человек в составе семи авиационных и вертолетных полков. Основные военно-воздушные базы находятся в районе городов Андижан и Карши. В качестве военно-воздушных баз также могут использоваться аэродромы в районе городов Термез и Чирчик.

Силы специального назначения были сформированы на базе действовавшей в советское время 15-й бригады специального назначения, 459-й отдельной роты специального назначения, а также учебного полка специального назначения (в полку проходили подготовку военнослужащие, отправлявшиеся в Афганистан). Особая система подготовки подразделений сил специального назначения, а также оснащенность современными видами вооружения делают их мобильными, готовыми выполнить задачи по локализации вооруженных отрядов, незаконно проникнувших на территорию Узбекистана.

Национальная гвардия имеет в своем распоряжении одну бригаду. Подразделения Национальной гвардии общей численностью порядка 1 тыс. человек защищают стратегические базы и объекты.

Сценарии развития конфликтов в Средней и Центральной Азии

Военные сценарии для пространства безопасности Средней и Центральной Азии могут развиваться по нескольким направлениям. Первый из них предполагает весьма гипотетический развал коммунистического Китая по югославско-советскому варианту. В этом случае не исключено появление вдоль границ Казахстана, Киргизии и Таджикистана зоны нестабильности и стремления к самоопределению народов, населяющих Синдзян-Уйгурский автономный район и Джунгарию.

Второй опасный для пространства безопасности сценарий может возникнуть в связи с пограничными спорами между Таджикистаном и Узбекистаном, ввиду того, что около 20% государственной границы между ними, как уже отмечалось, все еще не определено. Эта ситуация порождает нерешаемую проблему минной опасности и препятствует непосредственному разминированию опасных участков. Поводом для конфликта двух

центральноазиатских стран СНГ с возможным его перерастанием в столкновение могут быть односторонние меры по разминированию со стороны Таджикистана.

Третий сценарий военной опасности связан с резким усилением исламского экстремизма и радикализма, стремящихся создать на южных границах СНГ уже упоминавшийся «санитарный исламский кордон». Атаки на
пространство безопасности может, как и в 1999 г., возглавить Исламское движение Узбекистана. Это случится при условии, что операция НАТО в Афганистане не достигнет поставленных задач по восстановлению государственности и афганские наркодельцы, заинтересованные в расширении «северного маршрута» транспортировки героина в Россию и Западную Европу, попытаются «под шумок» создать комфортные условия для увеличения поставок наркотиков и окажут всемерную помощь исламским экстремистам и радикалам.

Четвертый возможный сценарий может произойти в течение ближайших лет после неудачного завершения операция НАТО в Афганистане, когда совместные группировки моджахедов, боевиков «Аль-Каиды», афганского ополчения, отрядов национальных полевых командиров туркменских, узбекских, таджикских, пуштунских племен совместно с отрядами наркодельцов перейдут к наступлению. По такому сценарию объединенные группировки захватывают афганские провинции, НАТО не способно отразить одновременные атаки по всем направлениям, боевые действия одновременно переносятся на сопредельные с Афганистаном страны, где находятся перевалочные и военно-воздушные базы НАТО и США. Под ударом в таком варианте оказываются Пакистан, Ирак, Киргизия и Таджикистан.

С.В. Беспалов

РЕФОРМА 1861 г. И ЕЕ МЕСТО В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТАХ КОНЦА XIX ± НАЧАЛА XX в.

Беспалов Сергей Валериевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

В конце XIX – начале XX в. в российском обществе в связи с назревшей необходимостью проведения в стране преобразований, прежде всего в аграрном секторе экономики, резко усилились дебаты о характере и значении реформы 19 февраля 1861 г. Это было вполне закономерно как в связи с очевидной значимостью этого события, так и в связи с не менее очевидной незавершенностью «Великой реформы» и ее внутренней противоречивостью. С одной стороны, Положения 19 февраля 1861 г. открывали дорогу к превращению крестьян в полноправных собственников своих земельных наделов (пусть и по завершении весьма продолжительной выкупной операции). С другой стороны, передельная община, сковывавшая инициативу крестьян, не просто была сохранена, но и существенно укрепилась в результате того, что на нее государством были возложены многочисленные функции, осуществлявшиеся прежде помещиком. К тому же, поскольку авторам реформы помещик и крестьянин виделись – не только в прошлом и настоящем, но и в будущем – «сосуществующими в разных правовых пространствах», реформа «не привела к выработке надсословной концепции частной земельной собственности»[1]. При этом, по справедливому замечанию В.И. Герье, распространившееся в русском общест-ве накануне отмены крепостного права «предубеждение *в пользу* земледельческой общины имело не одно теоретическое значение, но повлияло на русское законодательство в великий момент освобождения крестьян от крепостной зависимости». В результате «основная мысль великого переворота – освобождение крестьян с землею, была затемнена»[2].

Поэтому на рубеже XIX–XX столетий опыт и «истинное значение» преобразований

1. Долбилов М.Д. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: История и современность. М., 2002. – С. 50, 151, 152.

2. Герье В. Второе раскрепощение. Общие прения по Указу 9 ноября 1906 г. в Государственной думе и в Государственном Совете. М., 1911. – С. 10.

Александра II интерпретировались по-разному сторонниками альтернативных стратегий дальнейшего развития аграрного сектора российской экономики и страны в целом. Многие общественные деятели, принадлежавшие как к консервативному, так и к либеральному лагерю, а также некоторые неонародники стремились представить именно себя продолжателями «Великих реформ», рассчитывая таким образом обеспечить дополнительную легитимацию своей позиции.

Праволиберальные и умеренно-консервативные концепции аграрных преобразований основывались на идее утверждения частнособственнических отношений в крестьянском хозяйстве как важнейшем условии выхода сельского хозяйства из кризиса, решения проблемы аграрного перенаселения, повышения производительности труда крестьян. При этом правые либералы в большинстве своем отрицали существование проблемы малоземелья, хотя и считали, что разбросанность принадлежащих каждому домохозяйству участков и низкий уровень ведения хозяйства могут порождать «относительное малоземелье». Приверженцы праволиберальных взглядов, в том числе и реформаторски настроенные чиновники, видели в реформе Александра II первый шаг к превращению крестьян в полноправных собственников земли и настаивали на необходимости логического завершения этого процесса.

Их позицию предельно четко сформулировал в начале 1890-х годов председатель Комитета министров Н.Х. Бунге. Он призвал реализовать фундаментальные принципы реформы 1861 г., облегчив «способ приобретения потомственного владения землею», потому что только в этом случае можно ожидать «возрастания крестьянского благосостояния, а вместе с тем более полного удовлетворения общественных потребностей»[3]. По мнению Бунге и его единомышленников, проводившаяся правительством политика, призванная обеспечить сословную замкнутость крестьянского землевладения и неотчуждаемость крестьянских земель, нарушала «в корне установленное приведенным законом понятие о *крестьянах-собственниках*», так как все временные ограничения права собственности крестьян на землю устанавливались авторами реформы 1861 г. лишь в интересах казны, «ввиду необходимости обеспечить лежащий на крестьянской земле выкупной долг»[4]. Но в 1893 г. большинство членов Госсовета отвергли предложения Бунге. При этом они мотивировали свою позицию особым пониманием истинного значения реформы Александра II: при освобождении от

3. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 781. Д. 163. Л. 30–31.

4. Там же. Л. 7–8.

крепостной зависимости крестьянам не только была дарована свобода, – они были наделены землей; поэтому «едва ли можно думать, что утрата крестьянским населением земли, данной ему с столь крупными жертвами как казны, так и помещиков, могла бы отвечать видам и надеждам основателей этого закона»[5]. Соответственно, предоставление крестьянам права распоряжения земельными наделами было признано большинством сановников неприемлемым[6]. Ради сохранения общины и обеспечения неотчуждаемости крестьянских земель государство лишило крестьян права досрочного выкупа своего надела с последующим свободным распоряжением этой земельной собственностью – права, предоставленного Положением 19 февраля 1861 г. Любопытно, что с мнением большинства Государственного Совета в это время солидаризировался и министр финансов С.Ю. Витте – человек, которому суждено было в дальнейшем сыграть выдающуюся роль в разработке основных принципов аграрной реформы.

Исходя из того, что новая кардинальная аграрная реформа России не требуется, официальные круги старались убедить население – прежде всего крестьянство – в том, что аграрный вопрос в России уже был решен – в 1861 г. при освобождении крестьян, которые якобы встретили эту реформу едва ли не восторженно, и все условия для грядущего благоденствия наиболее многочисленного российского сословия были созданы уже тогда. Во многом именно ради популяризации этой идеи в середине – второй половине 1890-х и в начале 1900-х годов издавались многочисленные брошюры о деятельности Александра II и об освободительной реформе, рассчитанные на массового читателя. Так, в книге А. Царевского, текст которой был также напечатан в журнале «Православный собеседник», утверждалось, что «Александр II явился тем великим человеком, которого ждала история и призывало человечество, тем добрым сердцем, которое ничем не смутилось и ни перед чем не остановилось в исполнении этого векового долга. И миллионы рабов получили свободу и права человеческие, благодаря могучему духу и добрейшему сердцу Того, Кого история во веки веков будет величать *Освободителем*»[7].

Автор пытался убедить читателей в том, что в ходе проведения реформы были сняты все социальные противоречия и созданы условия для бесконфликтного

5. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 781. Д. 163. Л. 11.

6. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 781. Д. 163. Л. 16об.

7. Царевский А.А. Император Александр II – Освободитель в памяти народа своего. (По поводу открытия памятника Александру II в Казани.) Казань: Типолитография Императорского университета, 1896. – С. 17–18.

сосуществования основных классов сельского населения. Сделать это, по мысли автора, удалось только в России: Александр II «сумел всех и все расположить в пользу реформы и примирить с нею», – между тем как везде подобные реформы не обходились без сопротивления и борьбы, а нередко и кровопролития. Царь обеспечил освобожденный народ собственностью, в тот время как в других странах, по утверждению Царевского, бывшие крепостные превращались в безземельных пролетариев[8].

Те же самые идеи проводились в брошюре С. Пономарёва, подчеркивавшего, что в результате реформы «каждый добросовестный, работящий человек скоро стал бодрее духом, здоровее, зажиточнее»; крестьянам дарованы все гражданские права. «Таким образом Государь создал в России народ, которого – можно сказать – дотоле у нас не существовало»[9].

Авторы подобных публикаций старались подчеркнуть, что «дворяне сами изъявляли согласие отпустить крестьян на волю и наделить их на известных условиях землею» и принуждать их к освобождению крестьян государю вовсе не пришлось[10].

Подобная «просветительская» работа среди крестьян не могла принести и не принесла ожидаемых властями результатов; скорее, каждое новое напоминание об освобождении крестьян с землей при Александре II возбуждало в крестьянском населении надежды на дополнительное наделение. К тому же аграрный кризис продолжал обостряться, и к началу 1900-х годов все больше представителей высшей бюрократии начали осознавать необходимость новой аграрной реформы, которая сделала бы крестьян полноценными собственниками своих земель и, в то же время, обеспечить отток из деревни избыточной рабочей силы. Проповедовал эти идеи и С.Ю. Витте. Спустя десять лет после упоминавшегося обсуждения крестьянского вопроса в Государственном Совете он именовал своих бывших единомышленников «поклонниками оставления крестьян в стадном состоянии»[11]. В своей знаменитой «Записке по крестьянскому делу» Витте напоминал Николаю II о духе и букве Положений 19 Февраля 1861 г. и призывал монарха предоставить крестьянам свободу в распоряжении

8. Там же. – С. 18.

9. Царевский А.А. Император Александр II – Освободитель в памяти народа своего. (По поводу открытия памятника Александру II в Казани.) Казань: Типолитография Императорского университета, 1896. – С. 17.

10. Царь-Освободитель: Русскому народу на память. СПб., 1898. – С. 13; см. также: Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1911. – С. 276.

11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 729. Л. 15.

земельными наделами, чтобы превратить их в полноправных собственников[12].

П.А. Столыпин, так же как и С.Ю. Витте, придавал особое значение преемственности преобразований 1860-х годов и начала XX в. Он отмечал, что только Указ 9 ноября 1906 г. дал российскому крестьянину возможность «осуществить, наконец, обещанное еще при освобождении право стать хозяином, собственником своей земли», и только проводимая политика способна гарантировать укрепление экономического положения «раскрепощенного от рабства крестьянства»[13]. И сам Николай II, поддержавший линию Столыпина, не упускал случая заявить о себе как о продолжателе дела Александра II – создания «в лице русского крестьянина не только свободного, но и хозяйственно сильного собственника... В успехах прошлого Я вижу залог дальнейшего развития», утверждал монарх, ранее поддерживавший сторонников идеи сословной неотчуждаемости крестьянских земель и защитников сельской общины. Кроме того, о всех государственных органах, задействованных в реализации столыпинской реформы, Николай говорил как об учреждениях, «преемственно осуществляющих» задачи, определенные еще Царем-Освободителем[14].

Однако к ссылкам на опыт реформы 1861 г. для «освящения» своей позиции прибегали не только идеологи и сторонники правительственной программы аграрных преобразований, но и их оппоненты.

В сознании многих крестьян и выступлениях тех политиков, которые претендовали на роль выразителей интересов российского крестьянства, события 60-х годов XIX в. представлялись прежде всего в качестве акта государственной власти, обеспечившего в принудительном порядке передачу крестьянам находившихся в собственности помещиков земель. Им казалось, что подобное, при наличии политической воли, готовности правительства пренебречь интересами крупных землевладельцев, можно было повторить и в новых исторических условиях, но уже без тех неоправданных компромиссов с представителями эксплуататорских классов, которые были допущены властью в 1861 г.[15] Впрочем, в большинстве своем представители левых политических сил отнюдь не стремились к идеализации

12. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу Председателя Высочайше утвержденного Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904.

13. Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин. СПб., 1909. – С. 130–131.

14. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 942. Л. 134а.

15. Такова была, в частности, позиция пермского депутата Зеленина: Думский сборник. Вып. 1. СПб., 1906. – С. 267.

Александра II и главной из его реформ. Считая передачу в 1861 г. крестьянам помещичьих земель важным историческим прецедентом, они в то же время не упускали случая, подобно профессору Т.В. Локотю – депутату I Государственной думы, члену Трудовой группы – напомнить современникам и о многих «несправедливостях», при отмене крепостного права (и в последующие годы) допущенных по отношению к крестьянству, на которое было наложено «ярмо выкупных платежей»[16]. Эти «несправедливости» они требовали устранить в ходе новой реформы: коль скоро крестьянство (даже по признанию многих правительственных чиновников) «переплатило... в выкупных платежах, то, решая вопрос об условиях отчуждения на основе чисто объективной справедливости, мы могли бы сказать, что земля (вся земля, включая и государственную, и частновладельческую. – *С.Б.*) в настоящий момент по праву принадлежит крестьянам, даже без всякого выкупа». При этом, однако, вина за допущенные ранее «несправедливости» возлагалась не на Александра II, а на его окружение и, в целом, на систему «бюрократического заведования экономической стороной жизни народа»[17].

В целом же для представителей левых сил разного рода исторические прецеденты, в том числе и российский вариант отмены крепостного права, являлись отнюдь не самым важным аргументом при обосновании своей политической позиции. Гораздо важнее для них было то, что, как заявлял один из лидеров трудовиков С.В.Аникин, «все мужики хотят земли и всей земли»[18], и эта воля народа должна быть реализована.

Отметим, что гораздо более позитивно, чем представители русского крестьянства, оценил в I Думе реформу 1861 г. и личную роль Александра II в ее осуществлении «выразитель нужд курляндского крестьянства» депутат Крейцберг. Заявляя о том, что «русскому крестьянину (в 1861 г. – *С.Б.*) была дарована свобода и земля, а латышскому крестьянину (в 1817 г. – *С.Б.*) только свобода без земли; значит – птичья свобода», Крейцберг (косвенно – не упоминая в данном случае имени Александра II) подчеркивал особую роль Царя-Освободителя. Монарх не позволил представителям дворянства выхолостить подлинно освободительное значение реформы подобно тому, как это смогла сделать несколькими десятилетиями ранее прибалтийская аристократия: «Что не удалось русским реакционным вельможам, наследникам временщиков Екатерины и Елисаветы, то удалось опытному в искусстве

16. Там же. – С. 190.

17. Там же. – С. 190–191.

18. Думский сборник. – С. 248.

макиавеллизма немецкому дворянству»[19].

Для большей части российской интеллигенции и выражавшей преимущественно ее воззрения либеральной оппозиции российский вариант отмены крепостного права также представлялся акцией, при осуществлении которой власть сумела дистанцироваться от эгоистических интересов поместного дворянства – своей основной социальной опоры – ради интересов общенародных. Они видели в Манифесте 19 февраля исторический прецедент нарушения неприкосновенности помещичьей собственности на землю, который оправдывал и выдвигавшееся в 1905–1907 гг. требование принудительного отчуждения значительной доли частных владений в целях дополнительного наделения крестьян землей, что отвечало бы коренным интересам большей части населения России[20]. Они предпочитали не вспоминать о том явном недовольстве (или даже возмущении), с которым российская деревня в свое время встретила реформу 1861 г., обманувшую ожидания крестьянства на безвозмездное получение всей или, во всяком случае, большей части помещичьих земель – теперь реформа Александра II представлялась ими как действительно освободительная. Но при всем том и в этом лагере высказывались иные мнения. Так, нижегородский депутат Савельев, член кадетской фракции Государственной думы, утверждал: «Тот узел, который приходится нам теперь развязывать и распутывать, завязан сорок лет тому назад, во время освобождения крестьян от крепостной зависимости». Крестьяне получили тогда земли недостаточно, к тому же им не было предоставлено свободы передвижения и возможности заниматься какой-либо иной (неземледельческой) деятельностью, что во многом и предопределило кризисные явления в российской деревне[21]. Однако подобные суждения представителями леволиберальных сил высказывались нечасто.

Гораздо более показательной для либерального лагеря представляется позиция другого депутата-кадета – В.П. Обнинского. По его мнению, в 1861 г. Александр II осуществил не просто Великую, но «грандиозную, неслыханную в истории человечества» реформу, суть которой можно обозначить одним словом – *передел,* причем «со справедливым вознаграждением тех, которые поступились частью своих участков в пользу других. Если бы мы даже не переживали революционного периода, если бы все шло тихо и гладко на Руси, то

19. Там же. – С. 198.

20. Весьма характерны в связи с этим слова П.Н. Милюкова: «“Побольше земли” – это был за полстолетия (точнее, за четыре с половиной десятилетия, прошедших с момента отмены крепостного права. – С.Б.) постоянный плач русского крестьянина». – РНБ. Архив Дома Плеханова. Ф. 482. Д. 92. Л. 6.

21. Думский сборник. – С. 193.

тем не менее все же после 45 лет, прошедших после этой первой передельной реформы, следовало бы к этому (новому переделу. – *С.Б.*) приступить». Более того, новый передел, по убеждению Обнинского, неизбежен в любом случае. Вопрос лишь в том, окажется он «белым» (законным, осуществляемым по воле думского большинства) или черным – в случае, если правительство не сможет решиться на «продолжение» реформы Александра II[22].

Аналогичную аргументацию приводил в I Думе и М.М. Ковалевский – представитель Партии демократических реформ (занимавшей по ряду вопросов более умеренную позицию, чем Партия народной свободы). Полемизируя с представителями правительства, настаивавшими на недопустимости принудительного отчуждения и требовавшими от думцев признать неприкосновенность земельной собственности, Ковалевский утверждал, что «этой неприкосновенности нимало не мешает государственный выкуп». Он заявлял, что «напомнить нам о неприкосновенности собственности приходят министры того государства, которое в 61 году произвело самый грандиозный акт выкупа земли в интересах общественной пользы и общественной необходимости. Если бы мы отвечали господам министрам теми же назиданиями, какими они удостоили нас.., то мы сказали бы: как вы смеете выступать против воли Царя-Освободителя, как вы смеете порицать самый великий акт русской истории – освобождения крестьян с землею!»[23]

Подобно многим представителям левых сил, либералы в ряде выступлений и публикаций противопоставляли «эмансипатора» Александра II его бюрократическому окружению, на которое возлагалась ответственность за незавершенность Великих реформ. Роковой ошибкой Царя стало то, что он окружил себя «замкнутым кругом царедворцев и бюрократов», не решившись при этом «довериться ни одному из общественных течений и направлений, им же самим пробужденных и вызванных к жизни»[24].

Выдвигая требование принудительного отчуждения частновладельческих земель, либеральные оппозиционеры надеялись обеспечить поддержку своей позиции со стороны большинства избирателей и возглавить объединенную оппозицию (особенно активными были их попытки заключить союз с радикальными партиями в период работы I и II Государственной думы). Однако это привело к явной недооценке опасности создания

22. Думский сборник. – С. 200.

23. Там же. – С. 158. Отметим, что приведенные слова Ковалевского были встречены продолжительными аплодисментами думского большинства.

24. Общественное движение при Александре II (1855–1881): Исторические очерки. Paris: Издание редакции «Освобождения», 1905. – С. 85.

прецедента нарушения принципа неприкосновенности собственности, а также к фактическому отрицанию в программе либеральной оппозиции роли частной собственности, попыткам защитить от «посягательств» правительства явные пережитки феодализма – общину и семейную крестьянскую собственность, стремлению не допустить дифференциации в деревне. Будь эта программа реализована, она вызвала бы неизбежное усиление зависимости крестьян от государства в случае сосредоточения в его руках образуемого из отчуждаемых частных владений государственного земельного фонда. К тому же едва ли оправданными являлись надежды на то, что крестьяне удовлетворятся лишь частичным отчуждением помещичьих земель, и подобной мерой можно будет добиться «успокоения» деревни. Наконец, вряд ли сама постановка вопроса об абсолютном малоземелье как основной проблеме крестьянского хозяйства была обоснованной в условиях, когда не-решенной оставалась проблема малоземелья относительного, порожденного раздробленностью владений крестьян. Вопрос же о собственности на землю большинство представителей либеральной оппозиции считало менее значимым, чем вопрос о размерах находящихся во владении или пользовании крестьян земель.

Естественно поэтому, что либеральными оппозиционерами предпринимались попытки представить предполагаемое принудительное отчуждение частновладельческих земель логическим продолжением реформы 1861 г. Тогда была осуществлена передача помещичьих земель крестьянам в размерах, явно превосходящих обычное (с точки зрения гражданского права) отчуждение в целях общественной пользы и на принципиально иных основаниях. В новых условиях «в таких же – или еще больших – размерах, на таких же основаниях и с таким же правом оно (отчуждение. – *С.Б.*) может быть повторено»[25]. При этом игнорировались серьезнейшие изменения, которые произошли в российской деревне в конце XIX в., принципиально иной характер правоотношений между крупными землевладельцами и крестьянами-общинниками, претендовавшими на земельную прибавку и наконец, экономическая несостоятельность принудительного отчуждения частных владений – многие помещичьи хозяйства при всей своей отсталости оставались в России начала XX столетия гораздо более производительными, чем хозяйства крестьянские.

Едва ли возможно объяснить такую позицию значительной части российских либералов исключительно соображениями политического популизма – стремлением получить на выборах максимум крестьянских голосов. Не меньшую роль играло желание нанести сокрушительный удар по

25. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – 1907. – № 6. – С. 754–755.

основному оплоту ненавистного самодержавного режима – поместному дворянству.

На наш взгляд, стремлением ослабить экономические и политические позиции дворянства руководствовался и С.Ю. Витте, поддержавший (хотя и не слишком решительно) в конце 1905 г. проект аграрной реформы Н. Кутлера, который исходил из необходимости принудительного отчуждения, а затем, уже несколько лет спустя, заявивший о том, что именно аграрный проект большинства I Думы при всех его очевидных недостатках находился «в той же плоскости», что и Великая освободительная реформа Александра II. Для Витте это был уже третий вариант интерпретации исторического опыта реформы 1861 г.

Рассуждая в 1911 г., в дни полувекового юбилея Великой реформы, на страницах «Русского слова» о значении отмены крепостного права, Витте заявлял о том, что в его понимании «основным смыслом праздника 19-го февраля» является триумф «идеи самодержавия», поскольку «только при самодержавии идеи 19-го февраля могли воплотиться в жизнь»: в условиях иного политического строя «не мог бы осуществиться такой переворот, как переворот 19-го февраля, без революции, без потоков крови». «Самодержец сделал жест, – и все подчинились. При колоссальном противодействии девяти десятых правящего класса, при молчаливом протесте большинства помещиков, при неодобрении чиновничества, – Великий Самодержец освободил крестьян с землёй»[26], – утверждает Витте, представляя таким образом Александра II своего рода «революционером на троне». Однако реализовать присущий самодержавию творческий потенциал возможно лишь тогда, «когда при самодержавии есть и самодержец», заявляет Витте, очевидно подразумевая при этом, что Николай II стать достойным самодержцем оказался не способен.

Говоря о значении «переворота Самодержца Александра II», Витте утверждает, что оно заключалось «не в том, что Он освободил крестьян (институт крепостного права “сам по себе уже истлел”), а в том, что Он освободил крестьян ***с землей***». Такого масштаба преобразования, утверждал С.Ю. Витте, «может провести в жизнь только самодержавие или... революция». А та «уродливо-конституционная форма правления», которая, по словам отставленного реформатора, сложилась в России после 1905 г., очевидно не в состоянии справиться с задачами подобного масштаба и даже существенно более простыми проблемами: «Подумайте, может ли бледная тень такой реформы осуществиться в Государственной думе, может ли тень такой тени получить одобрение в Государственном Совете?» – вопрошал Витте, справедливо названный «конституционалистом поневоле». Но, преисполненный

26. Русское Слово. – 1911. – 19 февраля.

скепсиса в отношении дееспособности политического руководства страны, Витте тем не менее призывал власть отказаться от провозглашенной Столыпиным «ставки на сильных» и вернуться к принципам, которыми якобы руководствовался Александр II, чью идею освобождения крестьян с землей Витте с пафосом провозглашал «одной из величайших гуманитарных доктрин человечества». При этом он утверждал, что именно «наивные проекты» I Государственной думы «находились в той же плоскости, в какой происходило великое творчество Великого Самодержца Александра II». Единственным же способом предотвращения революции в России может быть политика, в основе которой будут лежать «идеи Самодержца Александра II… – ставка на справедливость, правду и величие русского народа», а не столыпинская «ставка на сильных»[27].

Но и представители поместного дворянства, в свое время без особого восторга (в большинстве своем) встретившие отмену крепостного права, в 1900-х годах зачастую апеллировали именно к опыту преобразований сорокалетней давности для обоснования своей позиции, предполагавшей как минимум обеспечение юридической неприкосновенности частных земельных владений, как максимум же – всестороннюю поддержку государством дворян-землевладельцев с целью прекращения процесса перехода помещичьих земель в руки представителей иных сословий (этот процесс, начавшийся еще в конце XIX в., заметно ускорился в период осуществления Столыпинской аграрной реформы). При этом дворяне обращали внимание на тщательную подготовку реформы 1861 г. Александром II при активном участии в этом процессе землевладельцев из всех российских регионов, имевших возможность через губернские комитеты доводить свою позицию до правительственных структур, а также на то, что власть руководствовалась стратегическими интересами России, а не соображениями политической конъюнктуры, и не уступала нажиму радикалов. Помещики призывали государственную власть и на этот раз не принимать принципиальных решений по аграрному вопросу, не согласовав их предварительно с представителями землевладельцев.

Наряду с этим, правые и центристы, в том числе среди высшей бюрократии, не упускали случая, подобно Главноуправляющему землеустройством и земледелием (в 1906 г.) А.С. Стишинскому напомнить своим оппонентам слева о том, что при проведении освободительной реформы крестьянам «отошли только те угодья, которые и при крепостном праве находились в постоянном хозяйственном пользовании крестьян». Это положение «красной нитью» проходит по всем актам

27. Русское Слово. – 1911. – 19 февраля.

1861 г. Они акцентировали внимание на качественно иной правовой природе отношений между крестьянами-общинниками и частными землевладельцами в начале XX столетия, сравнительно с эпохой крепостного права[28].

Таким образом, эпохальность реформы 1861 г., вызвавшей в свое время далеко не однозначную реакцию в обществе, и ее колоссальное прогрессивное значение спустя несколько десятилетий стали очевидны для представителей различных политических сил, конкурировавших между собой сначала – главным образом – за благосклонность монарха в большей степени, чем за влияние на общественное мнение, а затем, наряду с этим – и за поддержку избирателей. При этом, однако, каждый из них обращал внимание на различные аспекты этих преобразований и считал возможным использовать их опыт для обоснования своих позиций и подкрепления своих требований в стремительно менявшейся ситуации. В то же время исторический опыт компромиссной, по сути своей, реформы Александра II в качестве основы для нового компромисса использован не был.

28. Думский сборник. С. 204–205.

РУССКАЯ НАУКА И КУЛЬТУРА НА БАЛКАНАХ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Предлагаемый вниманию читателей текст представляет собой тематическую выборку из монографии доцента философского факультета Белградского университета Мирослава Йовановича – «Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 гг.»[*]

Среди научных учреждений, основанных на Балканах представителями первой волны русской эмиграции, особенно выделялись Русский научный институт в Белграде и Русская академическая группа в Софии.

Русский научный институт был основан на IV Конгрессе русских академических организаций за границей, который состоялся в Белграде 16 сентября 1928 г. Его председателем стал профессор В.Г. Коренчевский, сотрудник института Листера в Лондоне.

Основной целью Конгресса было создание постоянного научного центра развития свободной русской научной мысли. Правда, это было не первое русское научное учреждение, работавшее в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС). Еще раньше, в 1920 г., было основано Общество русских ученых, а чуть позднее – Русская академическая группа (либеральное крыло общества, выделившееся в 1921 г. в особую организацию). Идея создания в Белграде института первый раз прозвучала еще в 1922 г. на II Конгрессе русских академических организаций за границей, однако реализована она была только спустя шесть лет. Финансирование института взяло на себя правительство Королевства. Первые годы институт располагался в здании Сербской королевской академии, а с 1933 г. и до начала Второй мировой войны он работал в открывшемся Русском доме им. Императора Николая II в Белграде. По уставу институт имел Совет с правлением – исполнительным органом, состоящим из председателя, его помощника и трех членов, а также издательской и ревизионной комиссиями. Число постоянных членов колебалось от 40 до 60 человек за все время работы института (1928–1941), тогда как число членов-сотрудников постоянно увеличивалось с 12 – в 1929 г. до 48 – в 1938 г. В работе института принимали участие и югославские ученые. Директорами института в разное время были профессора Белградского университета: Е.В. Спекторский – бывший ректор Киевского университета, профессор Ф.В. Тарановский, ранее работавший в Варшавском университете, академик Сербской королевской академии

* *М. Јоваповић – Руска емиграција на Балкану 1920–1940. – Београд. 2006. – 559 с.*

(СКА) А.П. Доброклонский – из Новороссийского университета, профессор А.И. Игнатовский – из Донского университета. В институте было пять отделений: философское – во главе с Н.О. Лосским и П.Б. Струве; языка и литературы, которое возглавляли С.М. Кульбакин и А.Л. Погодин, общественно-исторических наук – под руководством А.П. Доброклонского и Е.В. Аничкова; медицинское – во главе с А.И. Игнатовским и отделение математических и технических наук, которым руководили Г.Н. Пио-Ульский и Н.Н. Салтыков.

При отделении общественных и исторических наук существовала военная секция, которой руководили В.И. Баскаков и И.С. Свишчев. Особым видом деятельности института стала организация лекций русских ученых, рассеянных по всей Европе. Так, в Белграде курс лекций прочитали известные русские ученые И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий, А.В. Флоровский, живущие в Праге; С.И. Метальников, В.В. Зеньковский, Н.Н. Головин, обосновавшиеся в Париже; Д.П. Рябушинский, М.А. Иностранцев из Лондона; С.Л. Франк, И.А. Ильин из Берлина; Е.Ф. Шмурло из Рима; Н.В. Ипатьев и И.И. Сикорский из США.

Институт проводил «круглые столы», научные заседания, курсы, семинары; организовывал выступления известных русских деятелей искусства и писателей, в числе которых были З. Гиппиус, Д. Мережковский, К. Бальмонт, И. Северянин, гроссмейстер А. Алехин; выпускал получивший широкую известность журнал «Записки русского научного института в Белграде».

Всего за первые десять лет работы институтом было организовано 23 конференции и около 700 лекций и дискуссий.

Чтобы обеспечить преемственность в развитии русской науки, институт производил выплату стипендий молодым русским ученым из Югославии и других стран. А после приезда в 1938 г. из США В.И. Ипатьева при институте был основан и Фонд его имени для поддержки русских исследователей. Институт располагал также научной библиотекой, силами его сотрудников был издан двухтомный «Сборник трудов, представленных на IV Конгрессе русских академических организаций за рубежом», и «Библиография русских и научных трудов», насчитывающая 14 тыс. библиографических описаний.

В Софии в 1921 г. была основана Русская академическая группа. В нее вошли русские профессора Софийского университета, работавшие до эмиграции в высших учебных заведениях России. Одной из главных целей группы стала поддержка молодых ученых и организация открытых научных дискуссий. По ее инициативе в Софии в 1930 г. был проведен V Конгресс русских академических организаций за границей. В нем приняли участие как русские ученые

из всей диаспоры, так и ведущие болгарские ученые.

Важную роль в развитии научной жизни на Балканах сыграли Русские народные университеты в Софии и Белграде.

Русский народный университет в Белграде, который был основан в 1922 г. Всероссийским союзом городов, организовывал лекции и различные курсы: технические, исторические и юридические. Вход на лекции был бесплатный, читались они три раза в неделю по часу в одном из залов Белградского университета, посещали их в среднем около 50 слушателей. Курсы также собирали 40–50 учащихся. Немаловажное значение университет имел и как дискуссионная трибуна, где рассматривались вопросы истории России и Югославии, обсуждались острые проблемы современности. Кроме лекций и курсов, Народный университет устраивал многочисленные концерты классической музыки.

Русский народный университет в Софии был торжественно открыт 3 апреля 1927 г. по инициативе представителя ВСГ и члена Русской академической группы А.В. Арцишевского. Он был создан по образцу университетов в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (СХС), Чехословакии и Франции. Университет представлял собой общеобразовательное высшее научное учреждение, посещение которого не давало никаких формальных прав, но помогало эмигрантам овладеть новыми знаниями или повысить свой культурный и образовательный уровень. Деятельность Русского народного университета в Софии протекала по тому же плану, что и деятельность университета в Белграде. Организовывались лекции, различные курсы, дискуссии, концерты и театральные представления. Во всем этом непосредственное участие принимал Научный комитет во главе с известным историком, профессором Софийского университета П.М. Бицилием. Как правило, лекции посещали около 200 человек.

Кроме научных институтов и народных университетов в Югославии и Болгарии действовало несколько различных союзов и профессиональных объединений, собравших вокруг себя русских ученых, оказавшихся в эмиграции. Так, в Югославии работали Русское археологическое общество, Институт российской истории, Донская историческая комиссия, Русский военный научный институт в Белграде, Институт имени Н.П. Кондакова, высшие научные курсы современной полицейской техники, кружок по изучению России и курсы научного изучения России. В Болгарии русские ученые объединялись вокруг Русского религиозно-философского общества, смешанного русско-болгарского социологического общества и т.д.

Деятельность русских ученых протекала не только в русских научных институтах, глубокий след был оставлен ими и в работе болгарских и югославских университетов, приютивших свыше

ста русских профессоров, ассистентов и преподавателей (что для того времени, принимая во внимание уровень развития университетской науки в этих странах, было очень много).

В результате русские профессора нашли способ продолжить свою научную и педагогическую деятельность в нелегких условиях эмигрантской жизни, а болгарские и юго-
славские университеты решили проблему нехватки профессорско-преподавательских кадров, возникшую в связи с прошедшей войной и вызванной ею общественными потрясениями.

Так, экономический кризис, разразившийся в Болгарии в 1919–1920 гг., привел к тому, что отдельные кафедры Софийского университета и даже целые факультеты остались без преподавательских кадров, поскольку болгарским специалистам было выгоднее заниматься частной медицинской и адвокатской практикой, чем работать за фиксированную университетскую зарплату. В результате студенты начали покидать университет. Попытка министерства просвещения и правительства Болгарии пригласить в страну преподавателей из Германии, Швеции и Австрии не увенчалась успехом, так как последние соглашались принять предложение при месячном жаловании, превышающем почти в 10 раз жалование болгарских специалистов. В сложившейся ситуации согласие русских профессоров помогло до некоторой степени решить проблему дефицита кадров.

В университет пришли наиболее известные русские ученые, оказавшиеся в эмиграции, среди них: академик и почетный член Болгарской академии наук, профессор археологии и истории византийского искусства Новороссийского и Петербургского университетов Н.П. Кондаков; М.Г. Попруженко, профессор русской и западнославянской литературы Новороссийского университета, К.В. Мочульский, доцент кафедры истории литературы. Несколько позднее в Софийском университете стали преподавать другие видные деятели российской науки, оказавшиеся за рубежом: академик Петербургской академии наук, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., профессор Г.Е. Рейн (гинекология и акушерство), профессор Е.Д. Грим (общая история нового времени), доцент, князь Н.С. Трубецкой (сравнительное языкознание), К.Н. Соколов (государственное право) и др. Кстати, будущий лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин также получил предложение от болгарских властей возглавить кафедру в Софийском университете, от чего он, правда, любезно отказался.

Изменение внешнеполитического курса, сближение Болгарии с Советской Россией неблагоприятно отразилось на положении русских ученых, часть из них потеряла свои места в Университете или вовсе

покинула страну. Среди них оказались академик Кондаков, князь Трубецкой, Воробьев и Мочульский. Однако государственный переворот, происшедший в июне 1923 г., привел к тому, что положение русской профессуры в основе изменилось к лучшему. Уехать из страны пришлось лишь профессору Гриму, который в 1922–1923 гг. тесно сотрудничал с советскими представителями в Софии.

Всего за 1920–1923 гг. в Софийском университете нашли работу 27 русских специалистов. Позднее их число значительно возросло. Один из сохранившихся неполных списков содержит около 55 имен.

Похожая ситуация сложилась и с трудоустройством русских ученых в Королевстве СХС. Ученый совет Белградского университета сразу же после притока в страну первых групп эмигрантов в середине 1920 г. принял решение «насколько возможно» использовать знания и опыт русской профессуры. В последующие годы это решение оставалось в силе, в результате чего свыше ста русских профессоров и научных работников преподавали в Белградском университете и его отделениях в Суботице, Скопье, Загребе, Сараево и Любляне.

О том, каким авторитетом пользовались русские ученые, красноречиво говорит следующий факт: в межвоенный период и после Второй мировой войны 11 человек стали членами Сербской королевской академии (позднее получившей название Сербской академии наук и искусств). Это А.Д. Билимович, В.Д. Ласкарев, Н.Н. Салтыков, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Я.М. Хлитчиев, С.М. Кульбакин, В.В. Фармаковский, Н.А. Пушин, К.П. Воронец и Г.А. Острогорский.

Русские преподаватели Белградского университета после работы на факультете находили время для работы с детьми в русских средних школах. Так, профессора И.П. Нилов и А.Д. Агура работали в гимназии В.П. Кузьминой в Софии, а А.Д. Билимович, А.П. Доброклонский, Ю.Н. Вагнер, Г.Н. Пио-Ульский и А.Л. Погодин преподавали в Первой русско-сербской гимназии в Белграде.

Русские профессора и учителя работали также в средних и начальных учебных заведениях Болгарии и Югославии. Союз русских учителей в Болгарии насчитывал несколько сотен членов. В одном только 1922 г. 86 русских преподавателей учили детей в болгарских школах. В это же время в начальных и средних школах Королевства СХС вели занятия свыше 600 русских учителей, в одной только Воеводине их было около 300 человек.

Таким образом, деятельность русских ученых простиралась далеко за пределы среды русской эмиграции на Балканах и навсегда переплелась с развитием науки и культуры этих стран.

Помимо всего прочего, русские эмигранты принесли с собой традицию и культуру чтения. Оказавшиеся в изгнании русские читали много. Только в Белграде

были созданы и открыты десятки библиотек, насчитывающих в общей сложности свыше 200 тыс. томов (для сравнения – в конце 20-х годов фонд Народной библиотеки Белграда насчитывал приблизительно 212 тыс. единиц).

Русские библиотеки открывались во всех местах, где позволяли условия. Так, центральная библиотека на острове Лемнос, которую открыл Всерусский земской совет, насчитывала 1500 книг, не считая периодических изданий. Ежедневно ее посещали от 105 до 232 читателей. Наибольшим спросом пользовались научные труды на русском и иностранном языках (72%) и беллетристика (18%). Несмотря на все трудности, выписывались книги из Берлина, Риги, Шанхая.

В Болгарии, как и в Константинополе, и в Белграде, русские библиотеки начали открываться сразу же после приезда первых групп эмигрантов. «Пушкинская библиотека», первая русская библиотека в Софии, приступила к работе уже в 1920 г. Несмотря на то, что книжный фонд библиотеки был немногочисленным, число читателей постоянно увеличивалось, и к марту 1922 г. ее ежедневная посещаемость достигла в среднем 500 человек. До середины 20-х годов в Софии были открыты еще три библиотеки. Так, в июле 1921 г. была открыта русская библиотека в Варне, а позднее возникли частные библиотеки Околовича в Варне и Шевлякова в Габрове.

Лишь часть русских книг, составивших фонды библиотек, поступила из Парижа, Берлина и Праги. Большинство же было напечатано на Балканах, в Королевстве СХС и Болгарии. Нередко русские книги публиковались самими авторами или без указания имени издателя. Часто их издавали отдельные учреждения, например Архиерейский Синод Русской зарубежной церкви, кадетские корпуса и гимназии, союзы или различные общества (соколы, скауты, литературный кружок, НТС). Выходили в свет газеты и журналы: «Новое время», «Военный вестник», «Военный сборник», «Инженер», «Русский военный вестник», «Русский голос», «Церковные новости» и т.д. Среди обществ и объединений, издававших русские книги, особую активность проявили издательский отдел Государственной комиссии по делам русских эмигрантов, Русское археологическое общество, Русский научный институт в Белграде, а также Православно-миссионерское подворье в Белой Церкви и Издательский дом «Святослав» М.Г. Ковалёва, который действовал сначала в Сремской Митровице, затем в Новом Саде и, наконец, в Белграде. Наиболее известными русскими типографиями в Королевстве СХС, которые иногда занимались и издательской деятельностью, были Издательский дом братьев Грузинцевых и Русская типография С.Ф. Филонова в Новом Саде, а также несколько типографий в Белграде, носивших название

«Русская типография». Они выпустили почти половину всех русских изданий в Югославии. Русские книги печатали и сербские типографии, и издатели, такие как «Меркура» и «Светлост» в Белграде, типографии Дойковича и Петровачкого в Великом Бечкереку.

Что касается Болгарии, то здесь ситуация с изданием русских книг была несколько другой. Самым крупным издательством был Русско-болгарский издательский дом, основанный в 1921 г. Он помимо издательской деятельности занимался приобретением и распространением русской книги в Болгарии. Русские книги издавали также редакции различных газет («Русь», «За Русь» и пр.), а также ряд болгарских издателей – например софийские типографии С.М. Стайкова.

Русские книги, вышедшие в других странах расселения русских эмигрантов, доходили до читателей через русские магазины, книжные библиотеки в Белграде, Софии и других балканских городах. Среди них наиболее крупными и известными были библиотека Общества славянской взаимности и общества «Возрождение», а также Славянский книжный магазин Митре Стевановича в Белграде, магазин русской книги в Сремских Карловцах и книжный магазин при Русско-болгарском издательском доме в Софии. Последний за 1921–1923 г. продал 1260 книг.

Книжные фонды большинства библиотек, созданных русскими эмигрантами, включали в основном произведения русских классиков: Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова, Лермонтова и т.д., а также русскую и иностранную научную литературу; в меньшей степени произведения писателей и поэтов в эмиграции.

Различные библиографические материалы, сохранившиеся до наших дней, содержат сведения о том, что на Балканах выходило несколько сот русских газет, журналов и других периодических изданий. Все это говорит как о толерантности балканских властей, так и в не меньшей степени о потребности самих эмигрантов в информации. Люди, оказавшиеся в изгнании, с нетерпением ждали известий о том, что происходит на родине. Нередко они могли получить сведения о потерянных во время эвакуации родителях, детях, родственниках или приятелях, узнать об имеющихся вакансиях, о гастролях известных деятелей русской культуры.

Рассматривая русскую журналистику на Балканах в целом, можно прийти к выводу о наличии трех тенденций. Так, подавляющее число изданий выходило недолгий срок – год–два, а порой закрывалось после первого же выпуска. Другие же – число их было незначительным – выходили продолжительный период времени и по праву заняли особое место в журналистике русского зарубежья. К ним в первую очередь относятся белградские «Новое время» и «Царский вестник», а также софийские «Русь» и «За Россию». К третьей группе изданий относились те, кто, разделяя судьбу своих основателей и сотрудников,

переселялись из одного места в другое, из одной страны в другую. К этой группе можно отнести белградское «Новое время» и журналы «Зарница» (начал выходить в Константинополе, а затем переместился в Софию) и «Русскую мысль» (София – Прага – Берлин – Париж).

Первый номер ежедневной газеты «Новое время» (под таким же названием до 1917 г. выходил известный петербургский ежедневник) вышел в Белграде 22 апреля 1921 г. Его издателем стал М.А. Суворин, сын издателя петербургского «Нового времени» А.С. Суворина.

В введении к первому номеру редакция заявляла о сохранении и продолжении традиций петербургского издания. В газете было несколько постоянных и временных рубрик»: «Введение», «В Сербии», «Последние новости», «Вести из Галиполья» (рубрика, посвященная жизни армии, в которой впоследствии печатались материалы военных союзов, объединений и братств бывших военных из лагеря в Галиполье), «Из России», «Из газет и журналов», «Информация», «Хроника», «Внутренняя жизнь» (в которой речь шла о жизни русских колоний в Югославии) и т.д. Среди сотрудников газеты были такие известные журналисты и интеллектуалы, как Юрий Дмитриев, Борис Суворин, Александр Погодин, Александр Столыпин и др.

Особое внимание в газете уделялось современным политическим и идеологическим проблемам, в меньшей степени – культуре и искусству. Особый интерес для русского читателя представляла рубрика «Библиография», посвященная книгам, поступившим в редакцию.

В целом журнал пронизывал монархистский дух, свойственный большей части эмигрантских кругов Югославии и всего русского зарубежья.

Литературно-политический и научный журнал «Русская мысль» начал выходить в Софии в 1921 г. Как известно, основал его П.Б. Струве, стремившийся продолжить издание одноименного московского журнала, выходившего в 1890–1918 гг. Первые двенадцать номеров журнала вышли в 1921 г. в Софии. Следующие семь номеров увидели свет в 1922 г. в Праге, куда переселился Струве. Затем до конца 1924 г. журнал вместе со своим издателем получил прописку в Берлине. После этого Струве удалось выпустить только один номер в 1927 г. в Париже, куда он переехал. Помимо него, в журнале сотрудничали известные дореволюционные русские политики, философы, историки, публицисты и писатели В.В. Шульгин, Н.Н. Львов. Г.В. Флоровский, Б.К. Зайцев и др.

Первый номер еженедельника «Зарница» вышел в Константинополе в феврале 1921 г., а последний, двадцать шестой, – в ноябре того же года в Софии. Журнал, по замыслу его основателя Н.Н. Чебышева, должен был стать главным пропагандистским органом

русской колонии в Константинополе, поскольку единственная русская газета, которая до этого выходила в городе, – «Presse du Soir» по требованию оккупационных властей была двуязычной, находилась под строгим контролем и подвергалась жесткой цензуре. Содержание журнала «Зарница» также вызвало неблагожелательную реакцию властей. По свидетельству самого Чебышева, «французов разъярило, что нашлись люди, которые под носом союзнической полиции издавали политический журнал без особого разрешения и предварительной цензуры». В связи с этим журнал уже после второго номера был запрещен. Тогда Чебышев решил его печатать в Софии, а распространять в Константинополе. Однако вышедший спустя месяц третий номер уже под другим названием «Еженедельный общественный журнал» константинопольская полиция изъяла из книжных магазинов и газетных ларьков под тем предлогом, что, по мнению Комитета союзнической цензуры, журнал публикует сообщения, указы, обращения и решения общественных организаций. После этого продажа журнала в Константинополе и окрестностях была запрещена. Однако, поскольку бесплатное распространение прессы законом не запрещалось, журнал, правда с восьмого номера, уже под названием «Русский национальный еженедельник», а с тринадцатого номера – «Русский еженедельник» – все же доходил до читателя.

Политическая ситуация, которую пришлось преодолевать журналу, объяснялась близостью самого Чебышева генералу Врангелю и тем фактом, что он представлял собой полуофициальный орган русской армии, чье пребывание в городе и его окрестностях французские оккупационные власти совсем не приветствовали. В журнале публиковались общественно-политические статьи, эссе, интервью, аналитические материалы и т.д. Центральной темой каждого номера была жизнь русских в Константинополе и в других балканских странах. Редакции удалось привлечь к сотрудничеству известных политиков, общественных деятелей и журналистов: князя П.Д. Долгорукого, графа В.В. Мусина-Пушкина, В.С. Полянского, В.В. Шульгина и др. В журнале были опубликованы статьи, очерки и стихи М.П. Волошина, И. Эренбурга, В. Ленского, А. Аверченко, Б. Лазаревского, И. Наживина, Е. Чирикова и др.

Особое внимание редакция уделяла творчеству молодых авторов и русских военных, размещенных в лагере Галиполья. Печатались мемуары и критические статьи, посвященные произведениям, опубликованным в изгнании. Иногда печатались вести о состоянии литературы в Советской России.

Когда в 1921 г. русская армия стала дислоцироваться в Болгарии и Королевстве СХС, Константинополь потерял свое прежнее значение для русского зарубежья. Бюро русской печати было закрыто, а журнал перестал выпускаться. Сам же

Н.Н. Чебышев переселился в Софию, где и были напечатаны все номера журнала, а теперь закончилась его история. Таков был один из многочисленных парадоксов эмигрантской жизни.

Помимо науки и журналистики, культурную жизнь русских на Балканах представляли деятельность русских музеев, торжества по поводу знаменательных дат, особенно празднование Дня русской культуры, которым традиционно отмечался очередной день рождения Пушкина.

Большинство русской творческой интеллигенции, оказавшейся в эмиграции на Балканах, не было носителями современных идей. Они скорее были представителями традиционных направлений в сфере культуры и искусства, что, в частности, отразилось в дискуссиях сербских и русских архитекторов о модернизме и академизме. В культуре можно было четко проследить встречу двух миров: «старого» и «нового». При этом «старое» символизировало нормальную жизнь, привычные ценности и четкую общественную иерархию, а «новое» – те изменения, которые привели к социальному и культурному хаосу, изгнанию, общественной деградации и необходимости проживания на отсталых в культурном отношении Балканах. С течением времени культура русского зарубежья переплелась с культурой окружающей ее среды, став ее частью.

Русские эмигранты, жившие и творившие на Балканах, оставили после себя богатое культурное и материальное наследие, пронизанное национальным духом. После них остались многочисленные ученики, целые направления и школы в сфере науки и искусства. Наследие русской эмиграции составило огромный вклад в развитие балканских стран в межвоенный период.

Подготовила Е.Б. Калоева

Э.Н. Валеев

ГИЛЬДЕЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО. ГЛАСНЫЕ ВЯТСКОГО ЗЕМСТВА

Валеев Эрик Николаевич – кандидат филологических наук.

Российская историография последних двух десятилетий значительно обогатилась серьезными трудами по столичному и провинциальному купечеству, в которых многоаспектно исследуется торгово-экономическая, финансовая, благотворительная, меценатская деятельность мощного торгово-экономического сословия[1]. Нам представляется это очень важным, ибо в советской историографии изучалась в основном буржуазия (класс), а не купечество (сословие). Требуется серьезное научное осмысление участия гильдейского купечества в работе местных административных органов выборного самоуправления – в земских учреждениях и городских думах, созданных после введения «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» (1864) и Городового положения (1870). Собранный материал может служить основой для дальнейшего изучения деятельности органов местного самоуправления и их роли в региональном управлении хозяйством, что приобретает особую значимость в современных условиях реформирования муниципального управления. Однако дуализм параллельных систем управления – государственного и общественного – не способствовал, на наш взгляд, становлению подлинного самоуправления в губерниях и уездах, не создавал предпосылок для реализации многих земских социально-хозяйственных инициатив. Изучая общественную деятельность купцов-гласных, мы познаем их духовно-нравственный облик, их мировоззрение, его истоки, в нашем представлении складывается целостный образ российского города XIX–XX вв. Подобные исторические проблемы в советской историографии объективно не освещались.

Династия купцов I гильдии Стахеевых была родом из уездной Елабуги Вятской губернии. В дореволюцинной России эта фамилия принадлежала к деловой элите страны. Наряду с традиционной сферой деятельности – хлебной торговлей, в начале XX в. Стахеевы развивают коммерческое судоходство на Дальнем Востоке. Там же было создано крупнейшее в регионе Охотско-Амурское рыбопромышленное товарищество, приобретены концессии на разработку лесных массивов по берегам Охотского моря, железорудных месторождений в Приамурье, угольных и нефтяных запасов на Сахалине. В других

российских губерниях они владели фанерными заводами, бумажными и текстильными фабриками, хлопковыми плантациями, акциями Бухарской и Ферганской железной дороги, принадлежавшие концерну «И.И. Стахеев и К*». Финансово-промышленное монополистическое объединение «Стахеев-Путилов-Батолин» явило миру пример акционерной хозяйственной деятельности с участием российского и иностранного капитала. Финансовую основу концерна составили активы Русско-Азиатского банка, председателем правления которого был А.П. Путилов, и семейного предприятия торгового дома «Ивана Григорьевича Стахеева сыновья».

Деятельность представителей купеческой династии Стахеевых разной генерации в должности гласных местного земства впервые исследуется на основе земской делопроизводственной документации – Журналах земских собраний – историческом источнике, обладающем высокой степенью объективности в изложении фактографических сведений.

В Вятской губернии земство было введено в 1867 г. Первая сессия Елабужского уездного собрания по «Положению…» 1864 г. состоялось 11–15 февраля 1867 г. в зале городской думы. В число 16 избранных гласных Елабужского земства вошли землевладельцы уезда, представители городского общества, владевшие имуществом, установленного цензом, и представители сельских обществ. Председательствовал на собрании коллежский асессор Фирсов – уездный судья, утвержденный начальником губернии. Социальный состав гласных был обусловлен спецификой общественно-экономического развития края. Елабужское уездное земство стремилось обеспечить жизненно важные потребности многонационального этноса, способствовало формированию сети образовательных, медицинских и просветительных учреждений как основы экономического роста и стабильности. Местным органом самоуправления постепенно формировался механизм налоговой политики. Составление раскладок земского уездного сбора, исходя из нужд края, потребовало выработки совместной платформы с губернским земством. Современники, характеризуя Вятское земство, отмечали гармонию в действиях уездных и губернского земств[2].

Вхождение Стахеевых в земский институт нового административного органа самоуправления началось в 70-е годы XIX в. Они избирались в гласные уездного и губернского земства, в члены уездной управы, в совещательные органы – экономический, врачебный, учебный советы при управе, в члены уездной училищной комиссии, в попечительные советы различных учебных заведений города и земских школ. Их деятельность в составе уездной землеустроительной комиссии может стать отдельным предметом научного исследования.

Следует лишь отметить, что члены данных комиссий избирались на сессиях уездных земских собраний. Гласные-Стахеевы сторонились участия в работе исполнительных органов местного самоуправления, ибо собственная масштабная хозяйственно-экономическая и торговая деятельность требовала неимоверных усилий и полной самоотдачи.

В 1870–1872 гг. в работе Елабужского земства участвовал Федор Кириллович Стахеев. Он первый из рода Стахеевых был избран в губернские гласные Вятского земства. С 70-х до середины 90-х годов XIX в. Ф.К. Стахеев участвовал в земских собраниях в разных статусах: председателя собрания (утверждался начальником губернии), члена управы, рядового гласного. В эти годы совершенствовался механизм формирования земского сбора, главным источником доходных статей которого в Елабужском земстве были земельные сборы с пахотных, усадебных, выгонных, покосных земель, а также с торгово-промышленных и торгово-питейных заведений. Окладные сборы, например, с трактирных заведений, находящихся вне городских поселений, определялись в соответствии с величиной дохода предприятия и разряда местности. Так, в населенных пунктах уезда I разряда, а это сёла Можга, Гулюшурма, Тихие Горы и др., сбор составлял 60 руб. в год. В этих селах было многолюдно, в престольные праздники проходили местные базары и торжки. А для местностей III разряда сбор составлял всего 15 руб.

На годичных земских собраниях, проходивших в сентябре-октябре, обсуждались вопросы о состоянии хлебных запасов в общественных магазинах, о выдаче крестьянским хозяйствам ссуды зерном, об образовавшейся недоимке по каждой волости, о земской медицине (в частности, об оспопрививании), ветеринарии, агрономических мероприятиях, мероприятиях по народному образованию. Ф.К. Стахеев серьезное внимание уделял переоценке имущества для установления оптимального размера земского сбора. В этот же период в уезде была образована земская почта, введена должность ветеринарного врача. В 1871 г. были проведены первые педагогические курсы для учителей земских школ, а в 1875 г. открыли земскую лечебницу на 10 коек в Варзиятчах. Земские собрания напоминали порой общественные клубы, на которых завязывались дискуссии по широкому кругу обсуждаемых проблем. Так, в прениях по финансовому обеспечению начальных школ Ф.К. Стахеев подчеркивал важность материальной поддержки и городских училищ, где обучались около 20% крестьянских детей. В 1876 г. на X сессии уездного земского собрания рассматривался вопрос о закрытии в Елабуге двух школ по причине малочисленности учеников. Гласный от города Ф.К. Стахеев убедительно доказывал необходимость сохранения этих

школ, так как их закрытие лишит возможности учиться бедное городское население, которое также является налогоплательщиком. «Большинство земств нашего государства… желает приискать средства к возможно большему открытию школ и даже ходатайствует об обязательном обучении»[3]. Активная позиция Ф.К. Стахеева во многом способствовала практической реализации планов по развитию и совершенствованию отраслей местного хозяйства. Его умение выстроить диалог с коллегами, отстоять интересы местного земства, привлечь финансовые кредиты из казны губернского земства на противоэпидемические и агрономические мероприятия характеризовало его как зрелого руководителя Елабужского земства. Ф.К. Стахееву, председателю земских собраний, многократно выражалась благодарность «за стройное ведение собраний». Современники при жизни высоко оценили его деятельность. В 1890 г. уездной управой было подано прошение министру внутренних дел «о дозволении поместить в зале собрания на память потомству портрет уважаемого Федора Кирилловича Стахеева в ознаменование благодарности гласных земства за долговременное исполнение обязанности председателя собрания, всегда руководившего делом беспристрастно и с успехом, при полном порядке»[4].

С 1882 по 1905 г. в гласные Елабужского уездного земства избирался Иван Григорьевич Стахеев (1837–1907). Восемь трехлетий, почти четверть века он участвовал в социально-хозяйственной жизни края. Будучи воспитанным на религиозных нормах православия, он много способствовал распространению школ духовного ведомства в уезде, состоял членом попечительного совета Елабужского отделения Сарапульского Вознесенского Братства. Заседания этого совета часто проходили с участием властей города в лице А.К. Назарова, А.Д. Кусакина, председателей земской управы И.И. Шульца, Н.В. Алашеева. Школы духовного ведомства формировали основы религиозной нравственности, прививали любовь к родителям и Отечеству, являлись для крестьян порой первым и единственным источником получения знаний. Иван Григорьевич и Николай Дмитриевич Стахеевы, Петр Капитонович Ушков,
Федор Прохорович Гирбасов финансировали издательскую программу по выпуску учебно-методических пособий, которые были представлены среди экспонатов Елабужского земства на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. Елабужское земство получило высшую награду выставки – «Почетный отзыв за широкую постановку начального образования»[5]. Инициативы купцов были продиктованы их стремлением ликвидировать существовавший абсентеизм образованных людей среди инородческого населения.

Исполняя на общественных началах должность уездного гласного, И.Г. Стахеев избирался в бюджетную и ревизионную комиссию при управе, в члены уездного училищного комитета, в попечители Гулюшурминского и Жакгутского народных училищ, в уездное податное присутствие для обложения дополнительным сбором торговых и промышленных предприятий, выплачивающих гильдейский сбор. Все это свидетельствовало о глубоком доверии к нему сограждан. В неурожайные годы его ценные практические советы, публично высказанные им на собраниях, брались за основу при подготовке постановлений сессий. «Гласный Стахеев полагал, что 100 тыс. рублей необходимы на продовольствие, 80 тыс. – на обсеменение и 15 тыс. – на урегулирование цен путем покупки хлеба и продажи его по заготовительным ценам». Собрание, согласившись с мнением гласного, постановило: «Уполномочить управу ходатайствовать перед губернским земством об ассигновании кредита в размере 195 тыс. рублей»[6]. Он неоднократно выделял управе беспроцентные кредиты для ликвидации дефицита денежных средств, инициировал вопросы о выделении земских пособий на строительство исправительного приюта для малолетних преступников в Вятке, на содержание священнослужителя Елабужской тюрьмы, пособия обществу для слабовидящих детей в Казани и т.д.

Общественная жизнь И.Г. Стахеева в Елабуге проходила в кругу его знатных современников, один из них – купец Шакир Зайнетдинович Заитов, был земским гласным с 1906 по 1908 г. В 90-е годы XIX в. он избирался вместе с Иваном Григорьевичем в уездное податное присутствие для раскладки дополнительного сбора на торговые и промышленные предприятия, а в 1903 г. – в уездную комиссию по устройству водопроводных сооружений для оросительных и осушительных работ. (Создание комиссий предписывалось специальным распоряжением МВД.) Позднее, в 1910 г. Ш.З. Заитовым в имении «Чучкан» было выстроено здание и открыта русско-татарская школа при содействии уездного земства.

Последними годами работы И.Г. Стахеева в качестве земского гласного стали 1903–1905 гг. Председателем управы на это время был избран Дмитрий Павлович Стахеев, одновременно он стал попечителем Елабужской больницы, Пьяноборской амбулатории, арестных помещений, а также части губернского тракта от Елабуги до станции Байтеряково. Это еще один представитель династии Стахеевых, избиравшийся в органы местного самоуправления и единственный из них, состоявший в должности председателя уездной управы. Д.П. Стахеев – выпускник Московской коммерческой академии, с 1905 по 1908 г. избирался Почетным мировым судьей. В Елабуге владел недвижимостью оцененной в 6 тыс. руб.

По случаю смерти И.Г. Стахеева в марте 1907 г. на чрезвычайной сессии председатель собрания М.В. Грачев предложил «почтить память усопшего вставанием… Елабужское земство понесло незаменимую утрату с кончиной старейшего гласного – Ивана Григорьевича Стахеева…»[7]

В этот же год была закрыта «Вятская газета» – орган губернского земства, и некролог о смерти И.Г. Стахеева был опубликован в Вятских епархиальных ведомостях[8].

Почитаемый историк российского земства Борис Борисович Веселовский (1880–1954) в многотомном исследовании «История земства» пишет, что «с 80-х годов в Елабужском земстве влияние переходит к купцам, и деятельность его замирает»[9]. Позволим согласиться лишь с первой частью высказывания маститого ученого. Не полемизируя с первым ученым-историком земства, мы лишь продолжим повествование. Действительно, земскую управу этого времени возглавляли купцы Яков Капитонович Ушков, Андрей Дмитриевич Кусакин, Алексей Козьмич Назаров. Это был насыщенный период в истории местного земства, когда многие дела совершались по частной инициативе елабужского гильдейского купечества. В 1882 г. на земском собрании было оглашено заявление купца I гильдии Василия Афанасьевича Петрова о пожертвовании 9 тыс. руб. на строительство двух народных школ в тех населенных пунктах уезда, в которых их не было. В 1881–1882 гг. Евстафием Ефимовичем Емельяновым, купцом I гильдии в селе Икское Устье было основано приходское училище при Кокшанском заводе, аналогичное училище содержалось на средства потомственного Почетного гражданина Елабуги Петра Капитоновича Ушкова. В эти же годы Федор Прохорович Гирбасов, потомственный Почетный гражданин города, купец I гильдии выстроил школьное здание стоимость 4 тыс. руб. В 1881 г. было построено новое здание земской больницы в Елабуге, в 1887–1889 гг. открылись земские больницы в Можге и Варзиятчах, а Костенеевский и Пьяноборский фельдшерские пункты были переоборудованы во врачебные участки. По постановлению уездного земского собрания 1885 г. было выделено 350 руб. на проведение педагогических курсов для учителей народных школ и на приобретение книг по профессии. В 1886 г. открыли центральную учительскую библиотеку при управе, где была собрана специальная литература для земских работников. На XIX сессии 1885 г. по инициативе председателя управы Якова Капитоновича Ушкова, купца I гильдии, Потомственного почетного гражданина Елабуги, был открыт кредит на приобретение духовных и учебных книг для бесплатной раздачи выпускникам земских народных школ. Так земцы выражали свою заботу о нравственном здоровье детей и о

повышении агрономических знаний крестьян. Елабужское земство выписывало специальные журналы для мировых участковых судей. П.К. Ушков, «заботясь о коренном населении Елабужского уезда и входя в тяжелое положение земства, пожертвовал отстроенную лечебницу в Варзиятчах у самого источника, стоимостью до 25 тысяч рублей»[10]. Елабужское земство в 80-е годы становится членом Санкт-Петербург-
ского ссудо-сберегательного товарищества имени князя Александра Илларионовича Васильчикова, известного земца, общественного
деятеля. Одним из направлений деятельности Товарищества было проведение конкурсов и премирование работ по земскому и городскому хозяйству.

Этот далеко не полный перечень благих дел купцов-гласных и Елабужского земства в целом позволяет переосмыслить некоторые исторические труды ученых, обобщения
и типизация земской деятельности в которых часто приводят к утрате специфичности и индивидуальности каждого местного земства. Видимо, на восприятии учеными историками российской действительности периода правления императора Александра III, последовательно проводившего курс государственно-охра-
нительной политики, сказывался определенный стереотип.

Продолжателем земской деятельности Ивана Григорьевича Стахеева был его сын Иван Иванович, избиравшийся в земские гласные в течение 1906–1910 гг. Как и другие Стахеевы-гласные, он избирался в попечители школ, земской больницы, в Почетные мировые судьи, состоял членом землеустроительной комиссии, гласным городской думы. Однако в октябре 1909 г. в уездную управу поступило письменное заявление от Ивана Ивановича Стахеева, в котором указывалось, что «по делам торговым, проживая в Москве и Уфимской губернии, я не имею возможности исполнять обязанности гласного Елабужского земства и потому покорнейше прошу исключить меня из числа гласных»[11]. Талантливый коммерсант, промышленник, он олицетворял собою новую генерацию предприимчивых людей начала XX в. Его деятельность в составе концерна «Стахеев-Путилов-Батолин», ставшего символом предпринимательства новой эпохи, должна стать предметом глубокого научного изучения.

В 1906–1908 гг. клятвенное обещание земского гласного произносил Александр Кириллович Стахеев, Личный Почетный гражданин Елабуги. А пятнадцатое трехлетие
Елабужского земства, 1909–1911 гг., прошло без участия Стахеевых в органах выборного уездного самоуправления.

Григорию Васильевичу Стахееву (1875–1924), сыну Василия Григорьевича и Глафиры Федоровны, история отвела последние страницы в земской летописи. Потомственный Почетный

гражданин Елабуги, выпускник реального училища, с 1912 г. он становится гласным Елабужского уездного земства, членом ревизионной и уездной землеустроительной комиссии. Вместе с дворянином Николаем Александровичем Блиновым и купцом I гильдии Иваном Петровичем Ушковым, он был избран в губернские гласные с 1912 по 1915 г. Григорий Васильевич, как и другие представители династии, слыл деловым и щедрым человеком. Елабужское земство по-прежнему было занято обустройством местного края даже в условиях резко возросшей политической активности масс. Необходимость разрешения хозяйственных проблем диктовалась неблагоприятными условиями, неурожайным на зерновые выдался 1911/12 год. По мнению земских гласных, действенной помощью могла бы стать проектируемая железная дорога Москва–Екатеринбург, отмечалась также важность отхожих промыслов, стимулирования крестьян и рабочих на строительство Амурской железной дороги. В делопроизводственной документации этого времени Г.В. Стахеев упомянут как большой знаток «ведения хлебного дела».

Начало XX в. ознаменовалось ярким событием – 300-летием празднования Дома Романовых на российском престоле. Григорий Васильевич Стахеев был избран в состав местного отдела Романовского комитета наряду с председателем уездной управы и тремя гласными земства, а также в члены юбилейной комиссии по празднованию полувекового юбилея земских учреждений. Его общественное служение Отечеству и народу получило признание. В память 50-летия со дня утверждения «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» в 1914 г. был выпущен золотой и серебряный нагрудный знак, эмблематика которого была утверждена Николаем Александровичем Маклаковым, министром внутренних дел. Право ношения серебряного знака наряду с представителями духовенства, а также врачами, учителями, статистиками и другими земскими специалистами имел Григорий Васильевич Стахеев, но в октябре 1915 г. он подал заявление о досрочном прекращении своих обязанностей гласного уездного и губернского земств. Сложно установить, что повлияло на это его решение. Очевидно только, что была не одна, а комплекс причин, в числе которых война, политическая ситуация в стране, физический недуг и пр.

Таким образом, в работе земских органов купцы Стахеевы разных генеалогических ветвей с 1870 по 1915 г. представлены двумя поколениями. Представители старшей генерации – Федор Кириллович и Иван Григорьевич – стояли у истоков формирования новых органов административного управления. Последующее поколение: Дмитрий Павлович, Иван Иванович, Александр Кириллович, Григорий Васильевич – работали в условиях возросшей гражданской

активности начала XX в., богатого политическими событиями.

Европейски образованные купцы Стахеевы совместно с представителями других купеческих династий губернии – Ушковыми, Гирбасовыми, Прозоровыми сформировали архитектурный облик уездных городов Вятской губернии. Наши современники помнят и чтут этих людей за верное служение Отечеству, российскому престолу, российскому народу, Церкви, за любовь к родному краю.

Со своего основания и до упразднения Елабужское уездное земство считалось «верноподданным», его отношения с российской властью и губернской администрацией выстраивались миролюбиво. «Неполитическое» Елабужское земство категорически отвергало революционный ход событий в стране. Его стратегическая линия всецело была направлена на поддержание монархического строя в России.

Литература

1. *Абрамов Я.В.* Хроника народного образования / Я.В. Абрамов // Русская школа. –
1897. – № 2. – С. 228.

2. Журналы Елабужского уездного земского собрания X сессии 1876 года. – Вятка,
1879. – С. 49.

3. Журналы Елабужского уездного земского собрания XXV очередной сессии 1891 года. Доклады управы и ревизионной комиссии. – Елабуга, 1892. – С. 91.

4. Список наград, присужденных на Казанской научно-промышленной выставке 1890 года. – Казань, 1890. – С. 6.

5. Журналы Елабужского уездного земского собрания XXV сессии 1891 года. – Доклады управы и ревизионной комиссии. – Елабуга, 1892. – С. 57.

6. XXXXI очередное Елабужское уездное земское собрание, 5–13 октября 1907 года и чрезвычайные 20 марта и 20 июля. Журналы собраний. – Елабуга, 1908. – С. 2 (2-я паг.).

7. Вятские епархиальные ведомости. – 1907. – № 14 (5 апреля). – С. 364–365.

8. *Веселовский Б.Б.* История земства / Б.Б. Веселовский. Т. 4. – СПб., 1911. – С. 660.

9. XXXXVII очередное Елабужское уездное земское собрание, 20 сентября – 9 октября 1913 года и чрезвычайные 20 марта, 25 июня 1913 года. – Елабуга, 1914. – С. 295–296.

10. XXXXIII очередное Елабужское уездное земское собрание, 30 сентября – 11 октября 1909 года и чрезвычайное 18 декабря 1909 года. Журналы собраний, доклады управы и комиссий, представления, ходатайства и проч. – Елабуга, 1910. – С. 687.

В.А. Росов

ИННОКЕНТИЙ СЕРЫШЕВ И ПРОЕКТ «НОВАЯ РОССИЯ»

Росов Владимир Андреевич – Государственный музей Востока, Москва.

В мае 2008 г. в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» в Москве открылась выставка и прошла научная конференция, посвященная россиянам в Австралии. На выставке были представлены редкие зарубежные издания. Среди них – книги, выпущенные в свет священником о. Иннокентием Серышевым.

Личности Иннокентия Николаевича Серышева (1883–1976) как востоковеда и эсперантиста посвящена небольшая по объему статья Амира Хисамутдинова в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (2001, № 2). Это первый опыт биографии Серышева в России. Немного раньше в Австралии вышли статьи Иннокентия Суворова в журнале «Австралиада» (1995, № 4; 1996, № 8), а потом в Канаде – статья М.К. Меняйленко в альманахе «Россияне в Азии» (2000, № 7). Вот, собственно, и всё. В целом жизнь и деятельность Иннокентия Серышева остается практически не изученной. Между тем фигура русского священника, крупного издателя и общественного деятеля – это явление выдающееся в культурном наследии не только Русской Австралии, но и всего Русского Зарубежья.

Нет необходимости останавливаться на биографии протоиерея Иннокентия Серышева, в общих чертах она известна, и желающие могут ознакомиться с ней даже в Интернете. Но вот деятельность, касающаяся книг, организации непосредственно издательства и библиотеки, освещена недостаточно подробно, фактически неизвестна. Эта сторона жизни о. Серышева будет интересна самому широкому кругу читателей.

В 1922 г. Иннокентий Серышев прибыл в Харбин из Японии, куда он бежал от большевиков. Работая в Китае на ниве образования, русский священник решил основать собственное издательство «Oriento», что в переводе с эсперанто означает «Восток». Это слово стало ключевым во всей его дальнейшей работе. Издательство образовалось формально в 1924 г., но начало свою работу лишь в следующем 1925 г. с выпуска богато иллюстрированного журнала с одноименным названием «Oriento». Журнал выходил на языке эсперанто, поскольку сам Серышев являлся убежденным эсперантистом. Собственно само издательство учреждалось как эсперантистское, но впоследствии получило более широкое направление – религиозное и востоковедческое.

Осенью 1925 г. о. Иннокентий принял решение об эмиграции в

Австралию и уже в январе 1926 г. прибыл из Харбина в Сидней на постоянное место жительства. Задумываясь о миссии своего переселения, спустя многие годы он писал: «Я должен был в Австралии развить мою издательскую работу по борьбе за Религию против атеизма и сектантства воинствующего, что усиливало *общую сумму* блага в мире, согласно моему пониманию путей Промысла Божия» (1). Для того чтобы поставить издательскую работу на поток, потребовался длительный подготовительный период, целых семь лет. Как только появилась возможность издавать книги на австралийском континенте, стали выходить серийные русскоязычные издания: «Церковный колокол» (1932–1933), «Церковь и наука» (1933–1936). Сборники печатались репринтным способом или размножались на пишущей машинке и переплетались вручную. Весь издательский процесс полностью лежал на плечах о. Иннокентия Серышева и его супруги, матушки Екатерины Федоровны Серышевой. Объем работы был большим, например, одного только журнала «Церковь и наука» до Второй мировой войны вышло 48 номеров.

В Австралии материальное положение Серышевых оказалось тяжелым. Не было постоянного места службы, русских приходов еще не существовало, и главе семьи приходилось зарабатывать на жизнь в качестве разнорабочего. И тем не менее сразу же по приезде в Сидней в 1926 г. о. Иннокентий выдвинул инициативу открытия библиотеки при «Русском клубе», объединявшем русских эмигрантов и имевшем в общественном пользовании всего десяток книг. Батюшка обратился в правление «Русского клуба» с письмом, в котором высказался о необходимости создания «русской библиотеки» и предложил «список желательных для выписки книг на сумму 75 фунтов стерлингов» (2). Однако некоторые члены правления клуба воспротивились этому. Позиция председателя Морозова была сформулирована следующим образом: «Клубу нет дела до частных обстоятельств его членов» (3). Иннокентий Серышев отказался от общения с русской колонией и предпринял самостоятельные шаги к созданию публичной библиотеки в Сиднее. Она также получила название «Ориенто» и по замыслу создателя была рассчитана на пользователей из других штатов Австралии и даже из Новой Зеландии. Первыми в библиотечный совет вошли фермер П.И. Степанов и фотограф А.А. Любимов с женой. Они выписали из Харбина значительную партию книг. Библиотека начала функционировать с августа 1927 г. Вокруг о. Серышева объединилось основное ядро, так называемые «члены библиотеки», всего 18 человек, а число пользователей через несколько лет достигло 45. Лица, внесшие на развитие библиотечного дела 1 фунт, получали право бесплатно пользоваться библиотекой на все время ее существования (согласно уставу).

Библиотека «Ориенто» активно работала и была особенно

востребована в течение шести лет, до августа 1933 г., когда при «Русском клубе» (к тому времени преобразованному в «Русский дом») окрепла библиотека Союза членов армии и флота. Иннокентий Серышев принял решение о реорганизации своей библиотеки, выделил из нее беллетристический отдел, который положил начало новой русской библиотеке в Талли (Tully), в Квинслэнде под руководством полковника Г.Г. Ляпунова. Еще одна библиотека была основана в Кордэлбе (Cordalba). После реорганизации библиотека «Ориенто» пополнилась книгами на английском языке религиозного и богословского характера, а также русскими журналами, полученными в обмен на журналы, издававшиеся Серышевым.

В отчете о работе библиотеки он писал: «Библиотека моя растет» (4). За первое семилетие, согласно записи за 1934 г., было выдано для чтения всего 2840 книг. Конечно, масштаб библиотечной деятельности не был большим, однако достаточным для укрепления культурной работы в среде русской эмиграции. Библиотека «Ориенто» просуществовала не одно десятилетие. По крайней мере, имеются упоминания о ней даже в 1960-х годах.

К середине 1930-х годов издательство «Oriento» получило свою известность именно в силу ярко выраженной культурной и научной составляющей. Иннокентий Серышев сделал акцент на востоковедении в широком значении этого понятия. Он приступил к выпуску ряда журналов по данной тематике: «Австралазия» (1933–1935), «Азия» (1934–1937), «La Pacifiko» (1935–1936). Естественно возникает вопрос, почему свою деятельность священник посвятил Азии? Дело в том, что с его точки зрения Азия и Океания постепенно становились центром геополитической жизни, в которую вовлекались мировые державы. Национальное пробуждение Индии и Китая стало реальностью, паназиатские идеи были подняты в виде лозунгов на политических знаменах восточных народов. В одной из редакционных статей, разъясняющих причину основания журнала «Азия», Серышев сформулировал свое кредо: «Азия будет ареною великих событий. И это не за горами. Азия – колыбель человечества. Отсюда вышли все народы Земли. Это – лоно человечества, матка Земли, выведшая все племена и роды. Здесь альфа, начало истории человечества, здесь, надо думать, она будет иметь свое омега, конец… Культура Азии – древнейшая, и она менее материалистична, чем культура Запада и Нового Света… Одряхлевший мир белой расы стоит над бездною… Мы стоим на смене эпох и, может быть, культур… Как бы там ни было, мы имеем все данные зорко всматриваться в Азию – там идет огромный процесс… формирования Нового мира… Вот причина, почему я издаю журнал “Азия”» (5).

В той же статье о. Иннокентий Серышев пишет о федерации

азиатских народов как о некоем жизненном принципе. Именно поэтому, в качестве иллюстрации, он приводит в подтверждение своих мыслей один из томов эпопеи сибирского классика Георгия Гребенщикова «Сто племен с Единым» (1933), распространяя представления о «гребенщиковской России» на всю Азию. И это – не случайно. Писатель Гребенщиков, оказавшись в эмиграции, начиная с 1920-х годов в сотрудничестве с русским художником Николаем Рерихом выступает за обновленную Россию, Азиатскую Россию, со столицей в Сибири, на Алтае. Рерих предпринимает ряд экспедиций в Центральную Азию (1925–1928 и 1934–1935) и предлагает советскому правительству основать конфедерацию буддийских государств. Он называет ее «Священный союз Востока», или «Штаты Азии», а позже просто «Новая Страна». Это предполагаемое новое государственное образование в Азии базируется на прочной политико-экономической и культурной доктрине (6). Вольно или невольно, Иннокентий Серышев втягивается в процесс созидания новой России, как это понимали эмигранты. В письмах он дискутирует с Георгием Гребенщиковым на азиатские темы, входит почетным членом в Сибирскую группу друзей музея Николая Рериха в Нью-Йорке, сотрудничает с одним из идеологов сибирского областничества в эмиграции, редактором и издателем журнала «Вольная Сибирь» И.А. Якушевым.

В 1936 г. Иннокентий Серышев выдвигает невероятный по масштабу и значению оригинальный проект, который назван им «Новая Россия». Речь шла о создании нового государства на островах Фиджи в Тихом океане. В это время русская эмиграция переживала значительный кризис. В связи с безработицей и дифференциацией национальных сил, на фоне распространения фашизма и угрозы войны началось вытеснение россиян из Европы. Подобные процессы вытеснения и изоляции эмигрантов происходили также в Русском Китае из-за военных конфликтов на Дальнем Востоке. Лига Наций приняла решение о постепенном сокращении помощи беженцам из России и к 1939 г. объявила о приостановке ее окончательно. Шло дальнейшее обострение «русского вопроса», и Нансеновский комитет решил заняться переселением эмигрантов в страны Южной Америки – Парагвай, Бразилию, Аргентину, Чили, Эквадор. Именно большинству эмигрантов, имевших случайный заработок и получавших гроши за тяжелый труд, о. Иннокентий в первую очередь и предложил свой спасительный «ковчег». В открытом письме в редакцию газеты «Новая заря» он писал: «Я предлагаю смело взяться за опыт, в котором вижу единственный выход, – создание своего отдельного, самостоятельного нового государства, нечто вроде “Новой России”, наподобие “Новой Англии”» (7).

Иннокентий Серышев подробно разработал данный проект и выдвинул его к обсуждению на страницах прессы. В упомянутой газете «Новая заря», выходившей в Сан-Франциско, 5 мая 1936 г. были опубликованы некоторые предложенные им экономические расчеты, основанные на численности населения и размерах островов Фиджи, на экспорте местных товаров и дальности континентальных перевозок. Тогда острова Фиджи являлись колонией Великобритании и управлялись губернатором (в структуру власти входили законодательный и исполнительный советы). Конечно, трудно было рассчитывать, чтобы мощное государство уступило безвозмездно свою территорию. По мнению Серышева, вопрос можно было бы решать путем образования домициона Англии по типу Новой Зеландии и Австралии, под флагом Великобритании. Лишь на таком условии следовало получать согласие живущим в Европе русским эмигрантам. И путь существовал только один – дипломатический, на международном уровне добиваться от англичан предоставления нескольких островов. Финансовая сторона вопроса тоже поддавалась решению, поскольку необходимую сумму могли внести все европейские государства, страдавшие «от тяжести русского вопроса».

Предложение Иннокентия Серышева имело поддержку среди эмигрантов. Появились отклики в прессе. По мнению экспертов, проект «Новая Россия» заслуживал «несомненного внимания». Известный общественный деятель и журналист И.К. Окулич предложил видным представителям русской эмиграции в Париже и Женеве – В.А. Маклакову и М.М. Федорову – исследовать данный вопрос и выяснить возможности для «создания крупной русской колонии» в ходе правительственных консультаций с Англией и Францией (8).

Вскоре проект получил дальнейшее развитие. Иннокентий Серышев после развернувшейся дискуссии, в июне 1936 г. снова обратился в «Новую зарю»: «В одном из номеров “Сиднейского Утреннего Герольда” я натолкнулся на заметку “Острова Пасифика на продажу” такого содержания: *По сообщению нашего специального корреспондента из Лондона, острова “Фаннинг” и “Вашингтон” предложены к продаже. Продавцом является компания, оперировавшая на этих островах в течение последних двадцати лет*. Заинтересовавшись предложением, совпавшим с выдвинутым мной проектом самостоятельного устройства европейских русских эмигрантов на островах Фиджи, я стал следить за информацией и скоро был удовлетворен в своих ожиданиях дополнительными сведениями о продаваемых островах» (9).

Действительно, оба острова были подходящими для поселения. Ими владела компания «Фаннинг Остров», которая занималась там разведением копры в

промышленных масштабах. Остров Фаннинг был открыт капитаном английского китобойного судна «Бетси» в 1798 г. и через 90 лет аннексирован Великобританией. Расположенный вблизи остров Вашингтон тоже был аннексирован. Остров Фаннинг – вытянутой формы, около десяти миль в длину и четыре в ширину, при этом имеет великолепные лагуны. А остров Вашингтон – почти округлой формы, в окружности десять миль, к тому же обладает озером с пресной водой. Оба острова представляют собой прекрасную плодородную местность, покрытую обильной тропической растительностью.

Поскольку английская компания решила продать эти острова любому покупателю, то Серышев обратился с призывом к соотечественникам. Он заканчивает свое письмо в редакцию словами: «“Фаннинг” и “Вашингтон” – небольшие острова и, вероятно, сравнительно недороги. Не купить ли их русским эмигрантам, угнетаемым в Европе?» (10). Вопрос так и остался риторическим. Еще в самом начале, выдвигая свой проект «Новой России», о. Иннокентий предупреждал о том, что существуют два препятствия на пути его реализации. Первое – это поиск территории, и волей случая оно успешно преодолевалось вследствие неожиданного предложения о продаже островов. И второе – следовало побороть «русскую инертность, вечную оппозицию всякой новой идее… критицизм и личные счеты» (11). Последнее условие оказалось камнем преткновения на пути к «Новой России». К середине 1930-х годов эмиграция в массе своей и в Европе, и в Азии была раздроблена, истощена и утратила своих вождей, способных воскресить ее духовные силы. Проект о. Иннокентия Серышева остался нереализованным, но тем не менее – фактом истории.

Примечания

1. Серышев И.Н. Чудесные пути Провидения. Рукопись. 1966. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA. Seryshev Collection. Box 18.

2. Серышев И.Н. Из истории библиотеки «Ориенто». Рукопись. 1934. Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р-6964. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

3. Там же. Л. 1 об.

4. Там же. Л. 5 об.

5. Серышев И.Н. Азия и журнал «Азия» // Азия (Сидней). – 1935. – № 2. – С. 1–2.

6. См.: Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 1: Великий План. Кн. 2: Новая Страна. М.; СПб., 2002–2004.

7. Шмидт Д. Не создать ли Новую Россию… на островах Фиджи?.. // Новая Заря (Сан-Франциско). 1936. 5 мая. № 1858. – С. 3.

8. Окулич Иос. К вопросу о переселении русских эмигрантов на острова Фиджи // Новая Заря. 1936. 21 мая. № 1870. – С. 4.

9. Серышев Иннокентий, священник. Не купить ли русским эмигрантам два острова? // Новая Заря. 1936. 6 июня. № 1881. – С. 3.

10. Там же.

11. Шмидт Д. Не создать ли Новую Россию… на островах Фиджи?.. // Новая Заря. 1936. 5 мая. – С. 3.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

КАКОВ ИСТИННЫЙ ХАРАКТЕР «ЦВЕТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ?
(Сводный реферат)

1. Tudoroiu Th. Rose, orange and tulip: The failed post-Soviet revolutions // Communist a. post-communist studies. ± Los Angeles,
2007. ± Vol. 40, N 3. ± P. 315±342.
2. Долидзе В. Власть и «революция» в постсоветской Грузии // Центр. Азия и Кавказ. ± Lule**å**, 2007. ± **№** 2. ± С. 34±49.
3. Элебаева А., Пухова М. Транзит в контексте политического развития современного Кыргызстана, (1991±2006 гг.) // Там же. ± С. 79±91.

Т. Тудорою (Монреальский университет – Макгиллский университет, Монреаль, Канада) (1) напоминает, что в 2003–2005 гг. в СНГ произошли демократические революции – в Грузии, на Украине и в Киргизии были сброшены их умеренно авторитарные лидеры. От пришедших к власти демократических прозападных политиков ожидали создания подлинно демократических политических систем, реформирования государственных структур, борьбы с коррупцией, улучшения социально-экономических условий и присоединения трех стран к западному демократическому сообществу.

Однако в этих трех «революционных» странах вскоре возникли трудности с созданием основ демократии: «Всплыли недемократические шаблоны прежних режимов. Господство закона, госреформа, борьба с коррупцией остались мертвой буквой. Становилось все яснее, что революции были совершены прежними протеже низложенных диктаторов, которые лишь на словах клялись в любви к демократии. Энтузиазм народа сменился разочарованием… Причина провала во всех трех случаях общая – слабость гражданского общества. Три революции фактически выражали борьбу за власть в правящей элите, которая не могла допустить демократизации, направляемой гражданским обществом» (1, с. 316). Но в каждой стране была своя специфика.

«Революцию роз» в Грузии подтолкнуло народное возмущение массовыми подтасовками результатов парламентских выборов 2 ноября 2003 г. Оно привело

многотысячные демонстрации протеста к зданию парламента. Президент Э. Шеварднадзе был вынужден уйти в отставку. Передача власти оппозиции была закреплена на выборах президента в январе 2004 г. (М. Саакашвили получил 96,2% голосов) и на парламентских выборах в марте 2004 г., также выигранных оппозицией (1, с. 322).

Падение Шеварднадзе было неожиданным. Дело в том, что несмотря на свои обычные махинации с выборами он допускал развитие элементов гражданского общества: возникло множество НПО, которые пользовались западной финансовой помощью, позволяющей платить своим работникам приличную заработную плату, привлекающую самые яркие личности. «Это помогало созданию культуры активности. Публичная критика правительства за беззаконие и коррупцию, протесты против фальсификации результатов выборов становились нормой» (там же). Важную роль сыграли и грузинские СМИ, прежде всего оппозиционная телевизионная станция «Рустави-2», мобилизовывавшая народ в решающие дни.

Гражданская активность помогла сбросить режим Шеварднадзе, но нельзя забывать, во-первых, о слабости грузинского государства, во-вторых, что «революцию роз» возглавили бывшие протеже свергнутого президента – «борьба за власть поставила их в авангард революционного процесса, но это не означало, что они стремились к революции» (1, с. 323)[1].

Соответственно, «траектория развития Грузии после 2003 г. вряд ли была революционным преобразованием государства» (1, с. 324). Считается, что оно стало более эффективным и менее коррумпированным, сменилась часть политиков, начались рыночные реформы. Важный шаг в восстановлении контроля над территорией – мирное воссоединение с Аджарией в результате вынужденного бегства в Москву местного диктатора А. Абашидзе. Одновременно ухудшение отношений с Россией обеспечило ее поддержку сепаратизма Абхазии и Южной Осетии.

Демократическое развитие Грузии ослабляется заметным усилением президентской власти, уменьшением влияния парламента, большей контролируемостью судебной системы, что закреплено многочисленными поправками к конституции. Некоторые авторы даже называют нынешнюю политическую систему «бонапартистской» (там же). Следовательно, «фактически “революция роз” вряд ли может считаться истинной революцией» (1, с. 324).

«Революцию тюльпанов» в Киргизии также подтолкнули

1. Jones S. The Rose revolution: A revolution without revolutionaries? // Cambridge rev. of intern. affairs. – 2006. – Vol. 19, N 1. – P. 33–48. – Описание здесь и далее по реф. источнику.

протесты против нарушений на парламентских выборах в феврале 2005 г. В начале марта оппозиции удалось объединиться, скоординировав свои действия в рамках Народного движения Киргизии (НДК); однако «фактически НДК, сформированная из девяти небольших партий, не имела ни лидера, ни реальной общей платформы» (1, с. 332). Все же удалось слить изолированные взрывы протеста на Севере и Юге страны в общую протестную волну. Первые выступления в Джалалабаде и Оше с занятием административных и полицейских зданий объединили лидеров НДК, бизнесменов, активистов НПО, руководивших в столице штурмом 24 марта здания правительства и вынудивших президента А. Акаева бежать в Россию. После двух дней грабежей и погромов порядок был восстановлен освобождением из тюрьмы генерала Ф. Кулова, возглавившего силы безопасности. 25 марта с назначением К. Бакиева президентом и премьер-министром, объявлением выборов нового президента в июле 2005 г. «технически “революция тюльпанов” была завершена» (1, с. 333). Ее особенность – незначительная роль молодежи (в отличие от украинской «оранжевой революции»), а также НПО.

Продолжение событий оказалось разочаровывающим: раздел власти между К. Бакиевым (избран президентом) и Ф. Куловым (премьер-министр), расцвет коррупции и непотизма. «Бакиев считается одним из ста богатейших людей Киргизии» (1, с. 334)[2]. Отсутствие реформ приводит к новым выступлениям оппозиции, создавшей в ноябре 2006 г. Движение за реформы. Нестабильность не удастся быстро преодолеть.

«Таким образом, авторитарный режим Акаева был заменен более слабым, нарастающе недемократическим правлением Бакиева. Новая (или скорее старая) политическая система атакуется частью прежних действующих лиц “революции тюльпанов”… Если даже им удастся сбросить Бакиева и покончить с нестабильностью, у Киргизии мало шансов стать демократической. Во всяком случае невозможно утверждать, что “революция тюльпанов” имеет характерные черты подлинной революции» (1, с. 335).

Тудорою, сопоставляя революции в Грузии, на Украине и в Киргизии, находит общие структурные черты: «1) существовал умеренно авторитарный режим, который допускал некоторые гражданские свободы и политическое соперничество; 2) развивалось гражданское общество (кроме Киргизии); 3) раскол в правящей элите (обычно лидеры оппозиции – бывшие протеже диктатора); 4) недовольство народа бедностью, социальным неравенством, огромной коррупцией, плохим управлением; 5) делегитимизация режима и прежде всего его лидера» (1, с. 336).

2. Radnitz S. What really happens in Kyrgyzstan? // J. of democracy. – 2006. – Vol. 17, N 2. – P. 141.

Наиболее важна первая черта – успешное подавление выступлений в мае 2005 г. в Андижане (Узбекистан) показывает, что сильный авторитарный режим имеет возможность подавить протесты в самом начале. Если же не прибегать к методам массового насилия, протесты перерастают в революционное движение. Далее, в трех странах, изученных автором, гражданское общество было весьма слабым (в Киргизии «почти невидимым»): «революции роз, оранжевая и тюльпанов были проявлением борьбы за власть в правящей элите» (1, с. 338). Новые режимы продолжили прежний недемократический курс благодаря слабости гражданской активности. Демонстративные меры по борьбе с коррупцией, предпринятые в первые дни прихода к власти, вскоре заглохли. Отсутствие реформ не позволяло улучшить экономическое положение. Это вело к недовольству населения, что, в свою очередь, искушало новых правителей прибегнуть к репрессиям.

Наконец, делегитимизация прежних авторитарных режимов, наряду с их умеренностью, не позволяла им прибегнуть к репрессивным мерам и привела к их падению. «Те, кто заменил их, сегодня находятся в той же ситуации, по крайней мере на Украине и в Киргизии… В Грузии аккумуляция власти в руках Саакашвили вряд ли гарантирует будущую легитимизацию» (1, с. 339).

Таким образом, автор, не считая возможным «полностью отрицать революционный характер революции роз, оранжевой и тюльпанов», приходит к выводу, что они «не более чем *неудавшиеся* революции» (1, с. 340. – *Курсив автора*). К сожалению, по его словам, «весьма маловероятно содействие ЕС демократизации в СНГ по крайней мере в ближайшем будущем» (1, с. 341).

В. Долидзе (Тбилисский государственный университет им. Иване Джавахишвили) (2) отмечает, что в постсоветской Грузии трижды происходила смена высшего руководства революционным путем: 1) приход к власти З. Гамсахурдия; 2) падение его правительства и переход к правлению Э. Шеварднадзе; 3) приход к власти М. Саакашвили. Однако название «революция» прочно закрепилось лишь за приходом к власти последнего. Правильно ли это название? «Была ли это “революция роз” или государственный переворот глобализаторов?» (2, с. 39).

Как известно, поводом к смене верховного руководства послужило недовольство фальсификацией ноябрьских выборов 2003 г., причиной – усиление социального неравенства, а также расхождения между бизнесом и бюрократией. М. Саакашвили обещал, что отнимет у чиновников незаконно приобретенную ими собственность и вернет в Грузию деньги, перечисленные коррупционерами в швейцарские банки. Однако после его победы выполнение этих обещаний свелось к нескольким случаям для тех криминальных

авторитетов, которые не имели связей в верхних эшелонах власти, а новые руководители сами занялись незаконным приобретением имущества.

«Новая политическая элита взяла курс на институирование капитализма: это подразумевало подчинение бизнеса установленным государством нормам, усиление учета и контроля предпринимательской деятельности» (2, с. 41). На практике этот курс обратился только против интересов мелкого и малого бизнеса, что вызвало общественное недовольство, привело к столкновениям рыночных торговцев с полицией.

Усиленно менялся кадровый состав государственного аппарата, формировались новые структуры, особенно в правоохранительной сфере. На местных выборах 2006 г. административный ресурс обеспечил победу правящей партии «Единое национальное движение».

«“Революция роз” вела к “дегрузинизации” социальной жизни – формированию “поколения глобализаторов”. Особое значение в этом процессе имели изменения в системе образования и организации науки, которые “попали под контроль глобализаторов из Фонда Сороса и Института свободы”» (2, с. 47).

Таким образом, «на вопрос, была ли “революция роз” действительно революцией, – заключает автор, – следует ответить отрицательно… После революции отмечались в основном количественные, а не качественные изменения: представительная ветвь власти еще сильнее срослась с правительством.., бизнес и экономика полностью подчинены политическим целям властных кругов… Некоторые преобразования были начаты еще при Э. Шеварднадзе, а после “революции роз” увеличились масштабы и ускорились темпы их проведения» (2, с. 48).

Айнура Элебаева (Академия управления при Президенте Киргизской Республики, Бишкек) и Маргарита Пухова (Киргизский национальный университет, Бишкек) (3) напоминают, что реформирование политической системы Киргизии началось с осени 1991 г. и прошло два этапа. Первый (1991–1995) был наиболее трудным, ибо характеризовался социально-экономическим кризисом, политической нестабильностью, жесткой конфронтацией коммунистов и демократов, борьбой за власть, завершившейся победой президента, которого поддержали демократы. В 1993 г. была принята новая конституция, основу которой составили демократические принципы (президентско-парламентская модель). На втором этапе реформ (1996–2000) в стране окончательно сформировался политический строй – авторитарный с элементами демократии. Изменения 1996 г. в Конституции наделили президента широкими полномочиями.

В феврале 2005 г. состоялись очередные выборы в парламент – Жогорку Кенеш, где большинство получила президентская партия. Оппозиция объявила их

нелигитимными из-за многочисленных нарушений. Выборы стали поводом для объединения оппозиции, которое произошло «не на идейной платформе, а на основе неприятия существовавшей власти в лице президента А. Акаева... В стране сложилась кризисная ситуация. После штурма Дома правительства премьер-министр подал в отставку, а президент покинул КР» (3, с. 84).

Временное правительство возглавил лидер оппозиции, бывший премьер-министр К. Бакиев, он же исполнял обязанности президента. «Мартовский переворот привел к смене высшего руководства и элит, но к власти пришла не новая элита, прежде не участвовавшая в управлении государством, а бывшие соратники А. Акаева, отстраненные им от должностей... Подоплека переворота – клановая борьба за бразды правления и перераспределение собственности» (там же).

В результате мартовского переворота активизировались региональные, этнические, религиозные и клановые группировки. В Бишкеке произошли массовые беспорядки. 10 июля 2005 г. прошли досрочные президентские выборы, на которых победу одержал К. Бакиев, набравший 88,5% голосов (3, с. 85).

Однако противостояние исполнительной власти и парламента продолжалось и усиливалось, оппозиционеры искали пути к объедине-нию: в январе 2006 г. сформирована Народная коалиция демократических сил (18 партий и движений, НПО), которая потребовала пересмотра конституции. В стране обострилась криминогенная обстановка, нарастали нестабильность, раскол в обществе. В таких условиях работало Конституционное совещание, обсуждавшее изменения в тексте основного закона (какой быть республике – президентской или парламентской). Из-за острых разногласий согласованного варианта достичь не удалось ни Совещанию, ни созданным редакционным комиссиям.

Осенью 2006 г. политический кризис в стране стал угрожающим, многотысячные митинги сторонников К. Бакиева и оппозиционеров проходили в ряде областных центров. 8 ноября 2006 г. парламентом была принята новая редакция конституции компромиссного характера (3, с. 89).

Таким образом, «на третьем этапе первой стадии переходного периода демократизации» (2000–2006) усилился раскол общества: «в силу нерешенности социально-экономических проблем назревают

политический кризис и социальный взрыв», за событиями марта 2006 г. стоит борьба за власть и собственность, причем «объединение оппозиции делает, – по убеждению авторов, – процесс передачи государственной власти сложным, смену режима – опасной, предопределяя длительный характер переходного периода» (3, с. 90).

Опыт перехода к демократии Киргизии свидетельствует о его сложности ввиду невысокого уровня экономического развития страны, где не созданы элементы рынка и гражданского общества. «Переход к следующей стадии демократического транзита (освобождение от авторитарного режима) затруднен из-за отсутствия согласия между политическими элитами, северокиргизской и южнокиргизской этническими общностями» (3, с. 91)[3].

С.И. Кузнецова

3. В статье нет ни одного упоминания термина «революция тюльпанов» – говорится только о «мартовском перевороте». – Прим. реф.

Тесслер М., Роббинс М.

ЧТО ПОБУЖДАЕТ ПРОСТЫХ АРАБОВ ОДОБРЯТЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ ПРОТИВ США

Tessler M., Robbins M. What leads some ordinary Arab men and women to approve of terrorist acts against the United states // J. of conflict resodulion. ± L., 2007. ± Vol. 51, N 2. ± P. 305±328.

Авторы (Мичиганский университет, США) развенчивают миф, созданный западными идеологами (в частности Б. Льюисом и С. Хантингтоном) о том, что арабский терроризм следует толковать как столкновение цивилизаций: западной – иудео-христианской – модернистской и рациональной, и исламской – иррациональной, так и не освободившейся от Средневековья и с завистью взирающей на западные достижения. На деле арабский терроризм вырастает не на почве якобы укоренившейся в массах ненависти к Западу, продиктованной собственными экономическими неудачами и одобренной мусульманской идеологией, хотя, вне всякого сомнения, террористы нуждаются в таком обществе, которое хотя бы отчасти их поддерживало. Большинство мусульман – по крайней мере на словах – выражает возмущение тем, что во имя ислама творятся ужасающие вещи. Так, снижение террора против Израиля во многом объясняется тем, что выигравший выборы «Хамас» вынужден считаться с общественным мнением. Тем не менее воздействие последнего – лишь один из факторов, определяющих поведение террористов, а ислам как политическая идеологическая система (как было показано С. Атраном[1] и С. Берманом[2] и другими исследователями) остается вдохновителем и оправданием насилия: «С одной стороны, представление об исламе как политическом сообществе, общине

1. Artran S. Genesis of suicide terrorism // Science. – 2003. – 299 (5612). – 1534. – 9. Описание здесь и далее по реф. источнику.

2. Berman S. Islamist, revolution and civil society // Political science and politics. – 2003. – N 1. – 257–72.

верующих побуждает боевиков вступать в борьбу против "врагов" реальных или воображаемых… С другой стороны, распространение верования относительно того, что угодно Аллаху, если речь идет о том, как управлять данной общиной придают дополнительную специфику платформе той или иной группировки и высвечивают …тех, кто, по мнению боевиков, пытается данному управлению помешать» (с. 308).

То, что связь между приверженностью политизированному исламу и одобрением террора существует, было продемонстрировано Дж. Харриком[3], С. Хаддадом[4], Г. Хашаном и другими авторами. Этого нельзя сказать о связи между таковым одобрением и бескомпромиссным отношением к Израилю. Нет определенности и в отношении того, насколько может способствовать распространению воинственной враждебности к Западу восприятие последнего как антигуманной цивилизации (неуважение к старикам, промискуитет и т.д.).

Во многих исследованиях (А.Б. Крюгера[5], Дж. Малековой, С. Берриби[6] и др.) было убедительно доказано, что экономический фактор важной роли не играет – сами террористы, как правило, – обеспеченные люди (следует вспомнить, например, участников атаки 11 сентября 2001 г.); террористические организации часто отвергают тех из числа новых адептов, кто имеет экономическую мотивацию.

Не лишены основания представления о том, что террор следует объяснять коллективным стрессом (А. Могаддам[7], Р. Браун, П.Р. Грант[8] и др.). В таком подходе на первый план выступают не личностные, а социотропные мотивы («то, что полезно для моей общины (партии) страны, полезно и для меня»). США (и шире – Запад) с такой точки зрения оказываются своего рода «козлом отпущения», на котором вымещают скопившиеся в

3. Harik J.P. Between islam and the system: Sourcesand implications of popular support for Lebanou's Hizbullah // J. of conflict resolution. – L., 1996. – Vol. 4. – P. 41–67.

4. Haddad S., H. Khashan. Islam and terrorism: Jebanese Muslim viens on September 11 // J. of conflict resolution. – L., 2002. – Vol. 46. – P. 812–28.

5. Krueger A.B., and Maleckova J. Does poverty cause terrorism? // Economics and the education of suicide bombers // New republic. – 2002. – June 24.

6. Berribi C. Evidence about link between education, poverty and terrorism among Palestinians // Princeton univ. industrial relations. Section working paper no 477. – 2003. – September. – Mode of access: http: // pefers. SSRN. Com / Sol3 / papers. Cfm? Abstract_ id= 487467 (accessed on February 11, 2007).

7. Moghaddam A. Palestinian suicide terrorism in the second intifada: Motivations and organizational aspects // Studies in conflict and terrorism. – L., 2003. – Vol. 26. – P. 65–92.

8. Grant P.R., Broun R. From ethnocentrism to collective protest: Responses tom relative deprivation and the threats to social identity // Social psychology quarterly. – USA, 1995. – Vol. 58. – P. 195–212.

обществе ненависть и раздражение. Такое объяснение подтверждают, например, антиамериканские демонстрации в Марокко в ходе освобождения коалиционными войсками Кувейта от иракских оккупантов: «Для некоторых наблюдателей такая реакция оказалась загадочной – ведь Саддам вторгся в “братскую арабскую страну”, причем сам был известен как жестокий диктатор; однако же подлинным врагом были сочтены США и участники коалиции, в которой принимали участие как правительство самого Марокко, так и другие арабские страны» (с. 312).

В пользу социотропного характера ненависти к Западу говорит и то, что четкая корреляция между теми или иными действиями США и их союзников и всплесками активности террористов не обнаружена – неприятие имеет фундаментальный характер: Запад ненавистен не только потому, что погряз в пороках и нападает на другие арабские / мусульманские страны, сколько вследствие его поддержки коррумпированных режимов (например, в упомянутом выше Марокко). В Алжире такие настроения побуждают людей высказываться в пользу «Исламского фронта спасения»; в Иордании – сказываются в общественном отчуждении и апатии: «…США и арабские лидеры воспринимаются как сообщники в деле обеспечения статус-кво, благоприятного для меньшинства и лишающего каких бы то ни было шансов на успех большинство населения» (с. 312).

Пример Алжира особенно показателен, поскольку потенциально – это одна из наиболее развитых стран арабского мира, обладающая богатыми природными ресурсами; политизированный ислам здесь не имеет прямого отношения к подлинным религиозным убеждениям или же неприятию Запада. Одобрение деятельности «Исламского фронта спасения» никак не связано с полом, образованием и уровнем благосостояния респондентов (правда, молодые алжирцы более склонны высказываться в его поддержку, а обеспеченные среди них – еще более). Главный фактор в данном вопросе – это недоверие правящим кругам. «Можно сделать вывод, что… поддержка терроризма… не может быть прямо увязана с тем, насколько удалось преуспеть тому или иному индивиду или же всему обществу; ее уровень скорее объясняется представлениями о том, кто в ответе за сложившееся положение вещей…» (с. 324).

К.Б. Демидов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА
«РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2008 г.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

А.А. Абалкина. Россия и интеграционные процессы в Восточной Азии ..... № 4, с. 161
В.С. Авдонин. Россия – Европейский союз: Формирование новой модели отношений ..... № 2, с. 112
А.Н. Авдулов. Становление современной парадигмы научно-технического развития ..... № 2, с. 112
Н.И. Бухарин. Российское и польское общество друг о друге ..... № 2, с. 112
Л.Б. Вардомский. Россия в мировых процессах регионализации ..... № 3, с. 5
Варкоч А. Европейская политика соседства на постсоветском пространстве. (Реферат) ..... № 2, с. 122
Восточная политика ЕС: Укрепление партнерства с Россией. (Реферат) ..... № 2, с. 127
И.С. Гумарова. Освоение арктического шельфа: Россия и Норвегия – естественные партнеры ..... № 2, с. 85
Р.А. Гумеров. Геоэкономические интересы России в Центральной Азии ..... № 4, с. 194
З.А. Дадабаева. Россия и проблемы безопасности в Центральной Азии ..... № 4, с. 183
В.Л. Иноземцев. Конкурентоспособность России: Иллюзии, реальность, перспективы ..... № 1, с. 5
М.В. Клинова. Взаимодействие государства и частного капитала в сетевых отраслях в ЕС и России ..... № 2, с. 64
Я. Корнаи. Социальные науки: Размежевание или взаимодействие? ..... № 1, с. 46
В.Г. Ледяев. Городские политические режимы: Теория и опыт эмпирического исследования ..... № 4, с. 129
Т.В. Леженина. Россия – АСЕАН: Современный этап сотрудничества ..... № 4, с. 173

Л.С. Лыкошина. Образ России в польской общественной мысли. (Исторический аспект)..... № 1, с. 61
В.С. Мартьянов. Политизированная демография, или сколько населения нужно России..... № 1, с. 26
М.Е. Николаев. Человеческий капитал и инновационная экономика..... № 2, с. 57
И.Ф. Селиванова. Восточное направление политики соседства ЕС..... № 2, с. 97
В.С. Селин, В.А. Цукерман. Геополитические и экономические факторы обеспечения суверенитета России в Арктике..... № 2, с. 76
А.Д. Цыганок. Россия и проблемы безопасности азиатских стран СНГ..... № 4, с. 202
М.Ю. Шинковский, А.Б. Волынчук. Геополитическое уравнение России на Дальнем Востоке: Каким быть решению?..... № 4, с. 144

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.П. Булдаков. Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма..... № 2, с. 5
Х.Х. Валиуллин. Несколько слов о российском рубле..... № 3, с. 92
И.И. Глебова. Революции 1917 года: Отрицание прошлого и разрыв социокультурной преемственности..... № 1, с. 97
В.А. Дубовцев. Национальные интересы России: Итоги десяти лет дискуссий..... № 2, с. 28
С. Дудаков. В.И.Ульянов: Знакомый незнакомец..... № 3, с. 101
Н.Е. Емельянов, О.И. Хайлова. Гонения на Русскую православную церковь (1917–1950-е годы)..... № 4, с. 111
Ю.И. Игрицкий. «Путинская Россия»: Пора подвести баланс?..... № 4, с. 5
Ю.И. Игрицкий. Революции 1917 год: Уроки для радикалов, либералов и консерваторов..... № 1, с. 116
Ю.В. Ирхин. Национальная идея России и идеологема «План Путина»..... № 2, с. 45
Н.И. Комков, М.А. Шамин, А.Ю. Шатраков, Ю.Г. Шатраков, Е.В. Юрченко. Технологические основы российской экономики..... № 4, с. 72
М.Н. Корнилов. Системная трансформация в России конца XX – начала XXI в. в оценках японских исследователей..... № 4, с. 30

С.А. Королёв. Власть и повседневность: Социально-философский взгляд ..... № 3, с. 49
А.М. Кулькин. Разрушительные последствия «приватизации» – барьер на пути России в информационное общество ..... № 3, с. 80
В.Н. Лившиц, Н.И. Белоусова, Е.М. Васильева. Государство и естественные монополии в трансформации российской экономики ..... № 3, с. 74
П.П. Марченя. Политические партии и массы в России 1917 года: Массовое сознание как фактор революции ..... № 4, с. 82
А.В. Митрофанова. Россия как православное государство: Иллюзии и реальность ..... № 4, с. 100
А.П. Ненароков. По следам 1917-го: Революции и мифы ..... № 3, с. 132
П.В. Панов. «Объединение» vs «присоединение»: Сравнительный анализ первого опыта укрупнения регионов Российской Федерации ..... № 1, с. 125
Пенсионная реформа, пенсия, достойная жизнь (Круглый стол в Институте экономики РАН) ..... № 4, с. 48
О.А. Толпыгина, Н.А. Меркулов. Условия формирования партийной системы в современной России ..... № 1, с. 156
О.В. Шульгина. Российская Федерация: Исторический опыт административно-территориального деления в XX веке ..... № 1, с. 145

РОССИЯ, СНГ, ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

О.Д. Волкогонова, А.Ю. Полунов. Политизация этничности в современной Украине: Русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму ..... № 2, с. 144
В.Ю. Додонов. Политика соседства в СНГ: Приоритеты, направления, механизмы реализации ..... № 2, с. 131
В. Кардумян. Армянская диаспора в России и ее влияние на армяно-российские отношения ..... № 2, с. 164
О.Б. Подвинцев. Партийные системы бывших союзных республик как отражение разнонаправленных тенденций развития постсоветского пространства ..... № 3, с. 168
Р.Х. Симонян. Россия и ее балтийские соседи: Баланс мифов и взаимных обид ..... № 3, с. 149

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Ю.М. Комаров. Национальный проект «Здоровье»: Достижения и проблемы ..... № 2, с. 190
О.В. Летов. И благо, и угроза: Социальные и этнические проблемы нанотехологии ..... № 3, с. 175
В.А. Литвинов. Социальная стратификация и уровень жизни в современной России ..... № 2, с. 172
Г.С. Лыткина. Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере республик Дагестан и Коми) ..... № 2, с. 181
М.А. Магомедов. Национальная политика России на Северном Кавказе: Прошлое и настоящее ..... № 2, с. 197
В.В. Пациорковский. Многопоколенная семья – основа демографического развития ..... № 3, с. 194

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Голубев. Чемберлен, Гитлер и другие: Образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов ..... № 1, с. 170
Б.В. Ракитский. Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага – «рыночный социализм» – и как с ним боролась ..... № 1, с. 188

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Ю.В. Бельчич. Академик А.И. Анчишкин ..... № 2, с. 239
С.В. Беспалов. Реформа 1861 г. и ее место в политических дебатах конца XIX – начала XX в. ..... № 4, с. 213
К.В. Бобков. Музей-усадьба «Мелихово» в последние два десятилетия ..... № 3, с. 210
Э.Н. Валеев. Гильдейское купечество. Гласные Вятского земства ..... № 4, с. 233
Б.С. Горобец, Е.В. Квасникова. Атомный проект и советская разведка (1942–1945 годы) ..... № 1, с. 218
А.Л. Кузьминых. Лагерь № 150 ..... № 2, с. 221
Н.К. Меден. Русские могилы в Висбадене ..... № 3, с. 217
В.А. Росов. Иннокентий Серышев и проект «Новая Россия» ..... № 4, с. 242
Русская наука и культура на Балканах в межвоенный период ..... № 4, с. 224
Д. Хайнциг. Политические потрясения 1945–1946 гг., пережитые в одном из городков Саксонии ..... № 2, с. 207

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2008 г.

В.М. Шевырин. Михаил Васильевич Челноков .....№ 1, с. 200

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

С.П. Глинкина. Трансформации XXI века в исследовательских программах Отделения экономических и политических исследований ИЭ РАН ..... № 3, с. 231
Е.Ю. Гуськова. Центр по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН ..... № 2, с. 251
А.В. Елпатьевский. Выставка архивных документов о гражданской войне в Испании (1936–1939 годы) ..... № 1, с. 228
Отец Георгий (Белькинд). Фонд Трубецких ..... № 1, с. 236
И.Е. Прозоров. Сборник «Берега» – источниковедческое издание о русском зарубежье ..... № 2, с. 246
П.М. Шульгин. Мариинск – исторический город Сибири: Перспективы культурного развития ..... № 3, с. 224

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Бертух-Самуэлс А., Рамлоган П. Является ли евро мировой валютой? ..... № 2, с. 256
Блум М. Женщины-камикадзе: Мировая тенденция ..... № 2, с. 261
Вильямсон Дж. Международная миграция (с XIX в. по 2030 г.) ..... № 1, с. 245
Каков истинный характер «цветных» революций? ..... № 4, с. 248
Огг Дж., Рено С. Жизнь на пенсии: разнообразие и сходство ..... № 3, с. 256
Развитие мировой экономики в 2007–2008 гг. ..... № 3, с. 252
Тесслер М., Роббинс М. Что побуждает простых арабов одобрять террористические акты против США ..... № 4, с. 254
Хаунер Д. Эффективность государственных социальных расходов в Российской Федерации ..... № 3, с. 246
Экономика США в преддверии надвигающегося спада. (Сводный реферат) ..... № 1, с. 240

БИБЛИОГРАФИЯ

И.Л. Беленький, Е.О. Филатова. Институт смертной казни: Материалы к библиографии отечественной и переводной литературы, изданной во второй половине XX – начале XXI в. ..... № 2, с. 264

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (495) 120–4514
E-mail: market@INION.ru

Россия и современный мир № 4-2008 (61)

Дизайн обложки Г. И. Козубов

Верстка Н. Ю. Копылова

Корректоры
О. П. Дормидонтова
С. А. Левитанская

2 1
Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 20.11.2008 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 21,1 Уч.-изд. л. 15,2
Тираж 900 экз. Заказ № 200

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9